Юлия Андреева

Ближнее море

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Ближнее море» – вторая книга «мемуарного» цикла известной петербургской писательницы Юлии Андреевой. Но если первая, «Многоточие сборки», была посвящена только тем людям и событиям, которые имели место в подлинном, земном Ленинграде-Петербурге, то вторая населена гораздо более густо и неожиданно: наряду с живыми персонажами, в ней существуют и «вечно живые», и полностью вымышленные, и те, которые, быть может, придут в этот мир столетием-другим позже.

- Юлия Андреева
  - Букетик тюльпанов
  - Два мира, сотканные в дождь
  - Нехватка радуг
  - Куда течет река?
  - Утонувшая гейша
  - Трещина
  - Тяжело
  - Ирина Малярова
  - Голубая
  - Призвание
  - Долги
  - Оценили
  - Рейн – исправленная надпись
  - Горлит, или А судьи кто?
  - Гость из бездны
  - Мокутеки – цель
  - Меч
  - За потенцию
  - Крест
  - Толкин или Толкиен
  - Нина Чудинова и ее встречи с Анной Ахматовой
  - Безвозвратные потери
  - Последний кусочек колбасы
  - Будка Ахматовой
  - Ваш портрет
  - Забастовка домашних вещей
  - Как приходит слава
  - Зеленая вода
  - Почему не любят журналистов?
  - Распродажи
  - Портрет вдовы Татлина

- Тринадцать фактов о Лиле Брик
- Мертвые или вечно живые
- На крыльях гарпии
- Крученых
- Грустный-грустный и веселый-веселый
- Весеннее настроение
- Баночка
- В тульском парке
- Коврики на конах
- Без компромиссов
- Раз – и…
- Блуждающий ресторан
- Иней
- Об известности
- Лирическое наступление 1
- После бала
- Грустное
- Кто печет блины
- Парк Юрского периода
- Правило левой руки
- Не поспоришь
- Про рукоделье
- По высочайшему повелению
- Вопль в ночи
- Мурр против вирусов
- Мурр и математика
- Мурр и весна
- Мурр и слава
- Наши в городе
- Окурок
- История одного бомжа
- Пропущенная встреча
- Пожелания
- Медведев
- Эрмитажная сказка
- Сила искусства
- Приезжайте к нам… в Сосновый Бор
- О Саломатове
- Учат в школе
- Белый кот – не белый стих
- Кошачий рай
- Книжкина неделя
- Брэдбери, или Кто пьет «Вино из одуванчиков»
- Попробуй разберись…

- Задумчиво…
- Предсказание астролога
- Лирическое наступление 2
- Михайлов
- Две радуги
- О современности и современниках
- Лирическое наступление 3
- Отец монстров
- Лирическое наступление 4
- Оригинальное название
- Так и работаем
- Смир и классика
- Смир и стиль
- Гламурятина
- Полумеры
- Об издании одной рукописи
- Одуванчики
- Старая школа
- Тигрица в полете
- Весна, любовь и красное платье
- Белых роз букет
- Свадьба
- Одной крови
- Мир со стертыми гранями
- Улица имени меня
- Володин
- Никитин
- Плата за жилье
- Лучшее выступление
- В бархате
- О понимании
- Фиговые листочки
- В моем мире нет времени
- В день поминовения новомучеников российских
- Незнакомая королева
- Я все время хожу по краю
- SUNKILLER
- Из разговоров с мамой
- В магазине
- Покупатель
- О предприимчивости
- Белое платье
- Запоздалое объяснение автора, или Предисловие, отчего-то оказавшееся в середине текста

- Моя семья
- Брат и вахтеры
- Тридцать пятый на тридцать седьмой, или Чего не сделаешь из любви…
- Концепция
- О престиже
- Незнакомые знакомцы
- Отношение к иностранцам в России
- Вопль в ночи
- Фокус
- Каим
- Время. Лирическое наступление 5
- Не поделили
- Не Ромео
- Оговорка
- Спасите наши души
- Чертова мостовая
- Писатель с «трагической» судьбой
- В каком краю – неведомо, в каком году – не сказано…
- Лирическое наступление 6
- Помойка
- Одним пальцем
- Лучшая помойка года!
- Меченосец
- Очепятка
- Как Логинов Библию отредактировал
- Пересказанная история
- Из разговора с подругой
- Папа Римский не пожал мне руки
- Пишу кратко
- Дивный цветок
- О вреде нескромности
- О долгах неуплатных
- Лирическое наступление 7
- О том, как Дима Григорьев стал таким знаменитым, что его даже в Китае знают
- Другой Китай
- Разлив
- Преимущество
- Писатель и его телохранители
- Тест
- Пивной сборник
- Помощники
- Как «Алексей Толстой» с ментами разговаривал

- Арсен и поезд
- Поэт и гонорар
- Нестандартное решение
- Киллер
- Два меча
- Эликсир бессмертия
- Персонаж
- В книжном магазине
- Книжкина судьба
- Заданное направление
- Игры перед зеркалом
- Посол в Гондурас
- Дар
- Эдуард Хиль
- Гнедич
- Древняя рукопись
- Рифма
- Последний вечер
- Фантастическая поездка
- Это было над Камой крылатою
- Любовь умирает последней
- Странное
- Фантаст-инопланетянин
- Олексенко
- Созерцающий звезды
- Везде и нигде
- Эти глаза напротив
- Вот это значит посвятила…
- О певческом диапазоне, и не только
- Удобное решение
- Раритет
- ВТО
- Как Бушков переводил Пола Андерсона
- Оценка
- Ночная птица
- Моль
- Кривой эфир
- Художники
- Картина маслом
- Наблюдение
- Снежное благословение
- Стихотворение прекрасной даме
- Диагноз
- Дюков-Самарский

- Листья Мирового древа
- Олдевка для Гаррисона
- Наблюдения
- Провидец
- Головин и «Борей»
- Городская реклама
- Котельная ДГ
- Утром
- Не хватило на алфавит
- Лучший текст
- Как родился псевдоним
- Аю-Даг
- Эмблема
- Загадка
- А мы принципиальные
- Я памятник себе…
- Наблюдение
- Черный меч
- В романе
- Лирическое наступление 8
- Знак
- Глоссарий

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21

- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36

Юлия Андреева
Ближнее море

Всякий человек погружён в море из человеков.

«Ближнее море».

Борис Останин.

Букетик тюльпанов

На футболке Иры Маленькой красовалась надпись: «Женщины – они как дети». Почему собственно как?

Однажды, когда я была, наверное, в классе третьем, я провалилась в кроличью нору, реально во сне. Дыра под деревом, ветви которого терялись за облаками, а корни… Я подумала о корнях, заглянула в яму и… Должно быть, перед сном дедушка читал мне «Алису в Стране чудес», хотя мир, в который я попала, разительным образом отличался от мира Кэрролла. С тех пор я старалась, как можно чаще наведываться в волшебную страну, скользя сквозь лаз под корнями мирового древа.

Мы едем с бабушкой в трамвае. Весна, жарко, и народу набилось тьма. Тьма, а мне хочется света – света и солнца, хочется добраться наконец до места и погулять. А вместо этого приходится стоять, смотря снизу вверх на бесцеремонно толкающих меня людей. Я бы могла, наверное, вообразить кроличью нору, или замок, красивый такой замок, в который начала летать с недавнего времени, могла бы скользнуть в страну моей мечты, но… В руках букетик нежных тюльпанов – в каждом бутоне тайна. Тюльпанов семь – волшебное число, четыре из них красные и три желтые. Когда трамвай поворачивает и я оказываюсь на солнышке, цветы раскрываются и я вижу зеленоватый пестик и черную шелковую сердцевину с золотыми лучиками. Когда мы попадаем в полосу тени, цветы закрываются. – Это настоящее чудо!

– Если ты будешь держать их на солнце, тюльпаны скоро завянут, – строго выговаривает мне бабушка. Да я и сама рада спрятать цветы, но куда в такой давке?

Спрятать цветы, я тоже с удовольствием бы спряталась, ушла в прохладные чашечки цветов, превратившись в Дюймовочку, я бы…

Очень устали ноги, я притоптываю на месте, ехать еще долго, трамвай все время петляет, толкотня, давка, солнце – тень, солнце – тень… бутоны то открываются, то вновь закрываются, пряча свою тайну.

Если бы я была старенькой-старенькой старушкой, мне бы уступили место, вот там у окна. Надо научиться по желанию изменять возраст, решаю я. Вошла в троллейбус или еще лучше загородный автобус – и раз, мне лет сто. Меня проводят в салон, усаживают в тенечке. Посидела, переждала нудный переезд, оказалась на улице, «спасибо, милые», отошла в сторонку, раз – и

снова девочка.

Каждому человеку дано определенное количество лет жить ребенком, подростком, юношей, взрослым человеком, стариком. А вот если научиться расходовать это время самостоятельно. Мне ведь не постоянно нужно быть девочкой или девушкой. Ходить в магазин, заниматься скучной уборкой по дому можно и престарелой. То есть скучные занятия проводить, будучи старушкой, избывая день за днем свою неизбежную старость, пока она не закончится, как микстура в аптечном пузырьке.

Тюльпаны в руках кивают мне, и тут я понимаю: достаточно попросить их исполнить желание, и тогда… Ощущение чуда делается почти невыносимым. «Лети, лети, лепесток, через запад на восток, через север, через юг». Сейчас можно всё, решительно всё, и «мир во всем мире», и «долго и счастливо», и вечную жизнь… «Лети, лети, лепесток»…

Нет уж. Я не собираюсь рвать прекрасные лепестки. Лучше, как герой какого-то мультика мотылек, – перецелую их все до одного, и тогда сказка не закончится уже никогда.

Дома, в Аничковом дворце, на прогулках по городу я вижу себя маленькой девочкой вроде Суок из «Трех толстяков» Юрия Олеши. Девочкой, проникшей в незнакомый ей мир, и тогда город преображается, открываясь передо мной, словно букет тюльпанов, лепестки которых я перецеловала, не желая уничтожить кратковременную красоту ради пожизненного счастья.

Я брожу по улицам родного города, которые открываются для меня всегда по-разному, стараясь показать что-нибудь красивое, подсунуть, как добрая сказочная бабушка, бублик или конфетку, нежданный подарок. И еще я путешествую по улицам Петербурга волшебного, что смотрит на нас с глади воды в каналах, я брожу по ним, постоянно меняя свой возраст. Я очарованный, навсегда пойманный магией этого города странник, я ветхая носимая ветром старушка, ищущая своего суженого прекрасная принцесса, крошечная, беззащитная девочка, попавшая в незнакомый ей чудесный мир.

* * *

Ночь. Сижу за компьютером, рядом в своей кроватке спит дочка Динька. А ведь я запросто могу сделаться ее ровесницей, хотя Диана – девица серьезная, ее такой переход, пожалуй, не порадует. Ей нравится во мне другое – например, возможность

оказаться в сказке.

Наверное, если бы я была Дианой, а она мной, я бы поведала, что у мамы есть дверца в другой мир. Я бы сказала, потому что я люблю и умею рассказывать, но Динька молчит, это тайна.

* * *

Жил-был прекрасный принц, который однажды поссорился со злой ведьмой, и та прокляла его вечным дождем. С тех пор за принцем ходила туча, которая безжалостно поливала его.

Дело происходит в ванной комнате. Рассказывая историю, я щедро лью на голову Дианы воду из душа.

– А я направо, – Динька делает резкий рывок в выбранном направлении, но моя туча-душ не отстает. – Тогда налево. – Тот же результат. – А принц забежит в парадную.

– Подумаешь, туча влетит за ним, и дождь не закончится.

– А он спрячется во дворец, заберется в спальню и ляжет в постель. – Она встает на четвереньки, закрывает голову ладошками-домиком.

– Бесполезно, – моя туча неумолима.

Диньке почему-то очень нравится играть в ванной в принца, над которым всегда будет идти дождь.

После купания она ложится в кровать, скоро засыпает, я привычно барабаню по клавишам, и вдруг – бульк, бульк… Подскакиваю к кроватке, – во сне она делает движения гребца, и я понимаю, что дождь обратился в ливень и начался вселенский потоп.

Что же я наделала?..

Я пытаюсь растолкать дочку, но она вдруг начинает увеличиваться в размерах, обращаясь в гору.

Нужно срочно вспомнить что-то такое, что отменит тучи, остановит катастрофу. Что-то, что несет в себе магию, а значит содержит гены реального и фэнтезийного миров, полукровки живучи.

Внезапно Динька открывает серые, цвета осенней питерской воды глаза, я явственно слышу шелест воды. В нас обеих идет дождь…

Два мира, сотканные в дождь

Они шли вдвоем, но каждый в своем мире. Дождь сменялся ливнем, ливень редел. Небо обманчиво выставляло голубоватую прореху, чтобы снова и снова стыдливо затягивать ее пухлыми тучами. Мужчина шел чуть впереди, завернутая в черное пончо женщина – за ним. Совершенно одни в пронизанном дождем парке, рядом с сонным, равнодушным ко всему ручьем, они шли слишком быстро для обычной прогулки.

Когда удавалось выбрать тропинку пошире, они оказывались рядом, соприкасаясь краями одежды или осторожными пальцами, он – якобы чтобы поддержать, она – делая вид, будто боится упасть.

Добравшись до мирно беседующих о чем-то своем на берегу ручья длинноволосых ив, женщина привалилась спиной к мокрому стволу дерева, превратившись в Луизу де Лавальер, а мужчина, прикрыв ее от усиливающегося дождя, на несколько минут сделался Людовиком XIV. Впрочем, на этом сходство и закончилось, и, чуть передохнув, они снова нырнули в дождь.

То молча, то перебрасываясь ничего не значащими словами, бережно – дождинка к дождинке – путники откладывали впечатления, слагая две не связанные между собой поэмы.

Вдруг мужчина резко повернулся на месте и, задав отвлекающий вопрос, попытался засунуть себе за пазуху сам дождь. Но женщина тут же ухватилась за тучу и потянула мокрое беспросветье на себя, так что серая ткань тут же лопнула в нескольких местах.

Дождь моментально прекратился, едва люди утратили к нему интерес, и лишь деревья то и дело роняли на землю сверкающие капли, в каждой из которых можно было угадать образы двух только что созданных миров.

* * *

Я писатель. А это значит, что в горе и радости, в богатстве и бедности, в здравии и болезни я занимаюсь своим любимым и единственным делом. Я сочиняю, перемещаясь по свежим, только что придуманным мирам – придуманным или найденным во время прогулок по Муринскому ручью или Невскому проспекту; пишу, то и дело соприкасаясь с мирами других людей, живых или умерших. Ничто никуда не уходит… не исчезает. «Весьма вероятно наступление невероятного» (Агафон).

На пальце королевы Елизаветы перстень государственной власти, обручальное кольцо с родной Англией, знак неразрушимых уз. Передо мной кольцо сонетов «На Петропавловской игле». Моя жизнь тоже связана нерасторжимыми узами…

Были арки над головой, и белые лепестки вишни летели снегопадом. Я обвенчана в дивном сне длиною в жизнь, под колокольным звоном и сияющими небесами… обвенчана с ним…

Нехватка радуг

Завели мы в онлайн себе фермы с животными и огороды с грядками, на грядках произрастают виртуальные овощи и фрукты. Живем, водичку в поилки подливаем, корм закупаем, на красивые домики любуемся, ибо до покупки настоящего дома как до звезд. Мечтаем. И тут – случится же такое – влюбилась я в один дивный по красоте декор. Лунная ночь, озеро новорожденными звездочками посверкивает, изумрудные берега, точно дно морское, и черные силуэты пальм – словно руки с загребущими пальцами к темному небу тянутся. Красотища!

Копила игровые деньги с месяц, а когда настал срок последнюю курицу продать и дивный пейзаж выкупить, глядь-поглядь – нет моих виртуальных сбережений. Ну, то есть совсем нет.

Животные по двору бродят, все вроде как в неприкосновенности, а над фермой три здоровенные радуги спины выгнули. Что за напасть?!

Призываю к ответу Диньку. Где, спрашиваю, мои денежки зелененькие да желтенькие, непосильным трудом заработанные, не одну мышку извела, зверей редкостных выращивая, пальчики себе о клавиши поотбивала. Где мои честные плеймани?

Потупилась дочка и любимую пластинку завела: мол, я – не я; не нарочно, а так получилось. И, наконец, с силами собралась, поднатужилась и: на твоей ферме катастрофически не хватало радуг!

Вот!

Сижу за компом, злобиться не злоблюсь, думаю, а в голове – стихотворение Сашки Смира:

Вдруг такой недуг – острая нехватка радуг.
А это мой кристалл свет преломлять устал.

Куда течет река?

Работая над кольцом сонетов «На Петропавловской игле» – именно кольцом из четырнадцати соединенных между собой и закольцованных сонетов, гладким обручальным кольцом, а не венком, – понадобилось мне выяснить, в какую сторону течет вода в канале Грибоедова: ну, от Казанского к Спасу на Крови или наоборот?

Позвонила Виктору Беньковскому, благо он как раз в тех краях живет. Не знает ответа Виктор. Глянул в Интернет – молчит вселенская паутина. Что делать?

А мне ответ до зарезу нужен.

– Вот что, – наконец не выдерживаю я неизвестности, – сходи, пожалуйста, на канал, плюнь в воду и погляди, в какую сторону плевок поплывет.

– Хорошо, – ответил Виктор и на набережную побрел. Дороги ему – дворик пересечь да через дорогу перейти.

Час прошел, полтора. Не звонит Беньковский. Жену его тормошу: куда благоверный подевался? Нет его. Словно в воду канул.

К ночи звонит. Добрался до дома сильно пьяный и дюже от научных изысканий уставший.

– Как и было условлено, я сходил на канал и плюнул в воду. Вода стоит, чуть ли не зеркальная, мельчайшая рябь на ней колышется. Плевок мой тоже стоит. Полчаса, сорок минут – ни с места. Народ праздный тоже стал присоединяться, на диво дивное пялиться. Кто-то пива припер, чтобы не так скучно было гидрологическое изыскание проводить. Так, почитай, до ночи ждали, когда плевок хоть в какую-то сторону сдвинется. Не дождались.

Утонувшая гейша

В одной из классических японских пьес гейша, расставшись со своим возлюбленным, бросается в воду. Сюжет не нов: утонула и героиня Карамзина бедная Лиза, и плывущая в белых лилиях шекспировская Офелия, Екатерина из «Грозы» Островского, и Маргарита из «Фауста» Гете.

Подвенечное платье невесты, такое белое и воздушное, напоминает прекрасного лебедя. Образ лебедя неразлучен с водой, очаровывала утопленница Ипполита (Поля) Делароша[1].

– Кто эта девушка? Почему ее связали? – спрашивала я маму.

– Она ведьма, которую бросили в пруд во время водной пробы, – объясняла та. – Подозреваемых в колдовстве связывали, кидали в воду и смотрели, всплывут или нет. Если сразу поднимались на поверхность – виновны. Если нет – их вытаскивали и старались откачать.

Я смотрела на утопленницу. Эта ведь явно не из всплывших. Тогда почему? За что? Вопросы не находили ответов, а образ юной, прекрасной и мертвой девушки завораживал…

Из всех утопленниц мне больше всего нравилась Офелия – героиня, которую удалось сыграть на сцене. Хотя Офелия не рядовая утопленница, красиво плывущая по течению кукла, не связанная ведьма; Офелия плыла и пела, в цветах, венках, в развивающемся длинном платье… Офелия плыла по волнам своего сна, волнам поэзии и красоты. Возможно, последнее, что она видела, были белые лепестки лилий.

Почему лотос или лилия считаются символами чистоты? Дело в том, что лепестки этих цветов снабжены специальным воском, не позволяющим каплям задерживаться на поверхности. Лепестки розового или белоснежного лотоса всегда остаются чистыми.

Но я об утопленнице. Завораживала причина смерти молодой и привлекательной девушки – любовь или, скорее, невозможность жить без любви, простить и принять предательство близкого человека.

Но вот однажды – мне тогда было лет двенадцать – я увидела настоящую утопленницу. Девушку, которая еще совсем недавно казалась идеалом красоты и женственности. Девушку, гуляющую по лесам, прижимая к груди томик стихов и с такой грацией склоняя голову на плечо своему неверному любовнику, что невозможно было отвести взгляда.

Гейша в японской пьесе тоже любила и была вынуждена расстаться со своим возлюбленным, родители которого подыскали ему невесту.

Я читала о прекрасной гейше, чьи рукава плавали по воде подобно огромным крыльям, а пояс развязался сам собой; о ее черных гибких волосах, в которых запутались золотые кувшинки и заблудились рыбы… И тут я увидела ее. Под мостом, испуская жуткое зловоние, зацепившись за прибрежный камень, валялся раздувшийся, полуобглоданный рыбами, покрытый черными наростами ракушек труп, страшнее которого я не видела ничего на свете.

Труп соседской девушки, погибшей ради любви, начитавшись возвышенных стихов. Утонувшая гейша, бедная Лиза, Офелия… господи! Ну неужели нельзя было уйти из жизни как-нибудь по-другому? Не так жутко и страшно. Не заставляя других людей испытывать чувство глубочайшего омерзения, борясь с рвотными спазмами.

Не было ни жалости к погибшей, ни желания хотя бы приблизиться для последнего прощания. Лишь ужас и глубочайшее омерзение.

Уверена, что если бы будущим утопленницам предварительно показывали, во что они превратятся, полежав в воде несколько дней, этот вид самоубийства сделался бы крайне редким, а то и вовсе исчез, оставшись лишь в произведениях литературы и живописи.

* * *

Как лилия из воды
Расту из боли я…

Трещина

В Казанском соборе сразу же обратила внимание на длинную очередь. Оказалось, к иконе Казанской Божьей Матери. Чудотворной, между прочим. Приложиться, стало быть.

Стою, смотрю, как дело идет, и медленно прикидываю, что скажу Божьей Матери, о чем попрошу. По всему выходит, что говорить нужно быстро и по делу, потому как очередь немаленькая и всем свое сказать хочется. Зачем народ лишний раз раздражать?

Стою. Стояние на пользу пошло. Причесала мысли, сложила их в короткий связный монолог. Подойду, все как есть выложу, перекрещусь и в сторону. А там пусть уж сама Царица Небесная разбирается, замолвить за меня словечко перед сыном или нет.

Очередь медленно, но движется, верующие порядок знают, надолго не зависают пред образом. Хорошо.

Подхожу. Передо мной последняя богомолка. В черном платке, бледная, уставшая. Привычно шагнула к иконе, на ступенечки приподнялась, чмокнула. Поклон положила.

Все. Дождалась. Моя минутка. В последний раз пересказываю в голове пожелания, по привычке сверяюсь по времени, чтобы не затянуть. (Я всегда перед выступлением проверяю, на сколько времени моя подборка стихов потянет). Все стройно, гладко, по делу. Самое важное и сокровенное. Уж если отвлекать высшие силы, то не по пустякам.

«Богородица Дево, радуйся…»

Ступенька, другая, смотрю – глаза в глаза. А у нее, у Девы Марии, у Божьей Матери Казанской, трещина через все лицо… Вертикальная, глубокая.

И тут все заранее приготовленные мысли из головы возьми да и исчезни, словно их и не было никогда. Стою, слезы лью. А в голове одна-единственная мысль: «Как же ей больно с такой раной! Как невыносимо больно!».

Так ничего я у Казанской Божьей Матери в тот день и не попросила, а ведь жизнь хотела изменить. Счастье свое наконец найти: дом… работа, любимый, ну и все в том же духе.

Только стоит теперь передо мной ясный лик с живыми, всепонимающими глазами, а на лице – трещина. И еще мысль «Как же ей больно с такой раной. Как же Божьей Матери больно!».

Тяжело

Мне тяжело. Тяжело воспринимать слишком яркий свет, высокие звуки и особенно их обилие. Не переношу, когда из окна льется дневной свет и при этом кто-то включил электрическую лампочку. Не люблю телевизор, а еще больше – когда в комнате включен поганый ящик и при этом все разговаривают, перекрикивая трансляцию.

Иногда мне кажется, что на меня давит сам воздух, сама атмосфера… ранят нехорошие поступки других людей, даже незнакомых, даже живших много-много лет назад.

Истории инквизиции причиняют мне ничуть не меньшую боль, чем произнесенное безразличным голосом признание о замученном голодом безобидном домашнем коте.

> «В 2002 году Папа Иоанн Павел II извинился за казни, осуществленные святой инквизицией, и объявил, что Церковь раскаивается за “действия, продиктованные нетерпимостью, и жестокость в служении вере”».

Я совершенно не переношу издевательств над слабыми существами, особенно стариками и животными.

Время от времени я чувствую себя существом без кожи. Царевной лягушкой, с которой содрали лягушачью шкурку в ожидании чудес…

«Каждый человек… который не приемлет условий жизни, продает душу». Я принципиально не делаю того, что мне не нравится, не дружу и не общаюсь с неинтересными и пустыми людьми, но этого недостаточно. Мой ад значительно ближе, чем это можно себе представить, и он ждет. Один шаг, малодушный поступок, потворство лени или болезни – и…

Бездна – это не равнодушное нечто – это серый, притаившийся в засаде хищник, хищник, который неотрывно смотрит на меня, с неподдельным гастрономическим интересом измеряя, взвешивая и прикидывая, какова я на вкус.

Мой ад – моя личная бездна всегда со мной, что бы ни случилось. Я знаю, что уйдут друзья и любимые, а это…

* * *

Никто не вычерпает дождь,

не досмотрит этого мира.

Ирина Малярова

Я выросла в любви,
Все это замечают,
И в нежности к друзьям,
И в нежности к цветам.
Поскольку мать моя
Во мне души не чаяла —
Чего желаю вам,
Чего желаю вам.

…И птаха на окне,
И кошка на коленях.
Вот жаль, нет малыша.
Кому долги отдать.
Я выросла в любви.
Не в роскоши, не в лени.
На свете шла война.
Меня хранила мать.

Ирина Малярова

Сгорбленная, сухонькая старушка в черном мешковатом пальто семенила по Невскому проспекту, поминутно что-то шепча себе под нос. Она спешила, она ужасно спешила, чтобы как можно быстрее покинуть этот слишком людный отрезок пути, спрятаться, скрыться, исчезнуть. Давление толпы ощущалось кожей, больными ногами, потребностью остаться одной. И тогда уже…

Последнее время поэтесса Ирина Малярова писала много, очень много, порой не успевая донести новую строчку до бумаги, иногда специально задерживая роды нового сонета. Писать при всех – это как рожать при всех. Раньше, когда была молодой и глупой, не столь чувствительной, не столь утонченной, а может быть, не столь ветхой… возможно… но только не теперь…

«Она всегда сочиняла очень много, а к старости стала сочинять еще больше, словно старая яблоня, которая клонится от плодов», – уже после смерти поэтессы делилась воспоминаниями Галина Толмачева-Федоренко. Правда, книжек выходило мало, журналы и газеты тоже перестали баловать предложениями о публикациях. Ирина Малярова принадлежала к поколению, привыкшему, что вопросом их продвижения должен заниматься

Союз писателей. Скажут, делай сборник – сделаем.

Когда началась перестройка и новые сборники хлынули лавиной, Малярова была не против заплатить из своего кармана, не кичась билетом Союза писателей и, возможно, недоедая ради счастья увидеть свое стихотворение в славно пахнущей типографской краской новой книжечке.

Платить из своих средств?.. Чтобы как-то прожить, поэтесса собирала на улице бутылки, которые выставлялись затем вдоль стен кухни. Отдохнув после утренней «охоты», Ирина Малярова мыла несколько бутылок – сколько могла донести до ближайшего пункта приема стеклотары. Остальные, грязные, ждали своего часа, неся странный караул в нищенской квартире известной поэтессы.

Сначала Ирина Александровна жила с мамой, писала стихи, редактировала, бралась за составление сборников, вела ЛИТО в ДК пищевиков, доставшееся ей после Натальи Грудининой, потом… личная жизнь, как говорят, не сложилась. Не удалось… что тут попишешь?.. не сложилась жизнь, как подчас не складываются отдельные стихи в сборник.

Ирина Малярова родилась в довоенном Ленинграде, во время блокады была эвакуирована из города – сначала в Казахстан, затем в Башкирию. Не хватало денег на еду, и мама продала ее любимую куклу, продала или сменяла на молоко и хлеб. Всю жизнь Ирина Александровна будет вспоминать о своей прекрасной кукле, размышляя, кому та досталась. Хорошо ли относятся к ее «дочке» чужие люди, ее «новая семья»? В какие игры с ней играют? Малярова хорошо помнила свою куклу, своего первого ребенка, любимого ребенка, которого от нее отобрали.

Будучи уже в возрасте, Ирина Александровна решилась родить. Одна, без мужа, она была готова на все, лишь бы только прижать к груди долгожданное чадо. Она была счастлива своей беременностью, счастье длилось шесть месяцев.

Я слышала, что в то время шестимесячных не спасали. Говорили, будто бы у шестимесячных деток не развиты легкие и мозг, что они обречены.

Малярова утверждала, что ее ребенок родился живым. Мальчик дышал, но врачиха заявила, что он все равно не жилец.

– Дайте мне моего ребенка, пусть он умрет рядом со мной. Может быть, я еще сумею выходить его, пожалуйста…

Медсестра сгребла еще живого ребенка со стола и на глазах у беспомощной после тяжелых родов матери бросила его в ведро. Малярова всю оставшуюся жизнь будет помнить этот глухой шмяк нежного красноватого тельца и как жестокие люди, жестокая

судьба лишают ее последней в жизни радости.

Малярова видела Анну Ахматову, общалась с Самуилом Маршаком, знала многих замечательных поэтов. Она была постоянным членом жюри творчества юных при Дворце пионеров им. А. Жданова (Аничковом дворце). Я запомнила ее еще весьма энергичной женщиной, которая, сидя за столом высокого жюри на сцене в белоколонном зале, поднималась навстречу юным поэтам с тем, чтобы вручить книжку или грамоту, сказать несколько теплых слов.

Через несколько лет я вновь встретила Ирину Александровну в Союзе писателей России. Маленькая, хрупкая старушка, известная, знаменитая поэтесса – Малярова жила в страшной нищете. В условиях, в которых по-хорошему не должно жить человеку. Брала в долг, заранее зная, что не отдаст. Знала и все равно была вынуждена брать, страдая от этого.

На гроши, которые удавалось выручить, собирая бутылки, поэтесса кормила многочисленных кошек, которых подбирала на улице. Кошки приносили котят. Ирина Александровна оставляла и котят, нянчась с ними словно с собственными детьми. В благодарность за заботу ночью кошки грели тщедушное тельце истончающейся с каждым днем поэтессы. И тогда комната наполнялась нежным урчанием и случалось чудо: нищенская обстановка преображалась до неузнаваемости, открывались волшебные двери и…

И лишь когда пишу стихи в ночи,
В моей руке волшебные ключи…

* * *

Я мёд вкусила со второго дна.
Не каждому скажу, что я одна.
Не каждому я руку протяну,
Не каждый разглядит меня одну.

Нас в Питере таких, как я, полно.
Нас жизнь швыряет на второе дно.
Сначала призрак славы, а потом?

– Хотите кушать? Ешьте суп с котом.
Но я зверей бездомных не боюсь:
Куском последним с ними поделюсь.
И лишь когда пишу стихи в ночи,
В моей руке волшебные ключи,

Я открываю дверь второго дна.
Весь мир со мной! Я больше не одна[2].

…Литературное наследие поэтессы Ирины Маляровой было выброшено в форточку[3]…

Голубая

Девяностые: перестройка, разгул кооператоров, бандитов, желтая пресса, пропаганда секса.

Обыкновенное питерское уныние. Только что выскочила из театра «Балтийский дом» с репетиции фестивального спектакля и теперь мечусь по улице в поисках кофе. Торговки вежливо и не очень предлагают свой товар. Передвигаюсь как во сне, едва ли не забывая переставлять ноги. Слякоть и низкое давление. Хотя нет, ноги-то свои я как раз вижу – приятно посмотреть на хорошенькие сапожки с золотыми пряжками, дальше полоска чулок и уже совершенно роскошная черная бархатная юбка. Шарман!.. Изящное пальтишко – такое легкое, что ощущаешь себя почти что обнаженной, на руках тонкие кружевные перчатки и крошечная сумочка с точно такой пряжкой, как и на сапогах, – это уже полный charmant. Венчает очарование шляпка, из-под которой как бы случайно выбился рыжий мелкобесный локон.

Останавливаюсь на секунду у витрины, чтобы в который раз влюбиться в эдакую себя-лапочку, и тотчас буквально напарываюсь на подозрительный взгляд стоящей рядом торговки.

И вот тут началось такое, от чего вся ранневесенняя серятина засверкала точно радуга, за которой я, помнится, почти что безрезультатно гонялась в детстве и в которую, вероятно, влетела теперь на автомате.

– Девушка, а вы случайно не голубой? – хрипло просипела бабка, оглядывая меня при этом с ног до головы.

От такого вопросика я вдруг сразу ощутила не прилив, а какой то прорыв сил. Адреналин заметно подскочил.

– Вы что, простите, считаете, что я похожа на мужчину? – переспрашиваю, заметно веселея и предчувствуя остренькое.

– Вот еще!

Хорошо же. Я начинаю лихорадочно перебирать в голове близкие по значению понятия, – что же на самом деле она имеет в виду? Голубой – ну хоть через лупу гляди – в моем очаровательном прикиде нет ни одной нитки этого цвета. В балете есть термин «голубая танцовщица». В смысле – есть «характерная», но имеется и противоположная ей «голубая», прозрачная и безликая, словно призрак. Но так отозваться на мой счет еще никто не решался, да и тетка не больно похожа на театрального критика. Что же еще есть голубого? Разве что бабка скрытый экстрасенс и видит ауру?

– Простите, – наконец не выдерживаю я. – Объясните, пожалуйста, что вы имели в виду, называя меня «голубым»?

– Что? – торговка залихватски подмигивает, отчего мне сразу делается не по себе. – А то, что вы такая… такая тонкая, нежная.

– О господи! Да, я женственная!

– Женственная? Нет. Женщины не такие. Вот это, например, женщина, – продавщица разворачивается и с размаху тычет в огромную бесформенную бабенцию с двумя неподъемными сумками, висящими по бокам точно гири, и с совершенно осоловелым взглядом. – Вот женщина! Наша женщина. А вы…

– А я голубой, – соглашаюсь я, отступая и радуясь, как ни разу не радовалась за эту весну. – Ведь я никогда, никогда не стану такой женщиной!..

Призвание

– Одно время Ирина Малярова пыталась заработать на жизнь продажей у метро театральных билетов, – рассказывает Алина Мальцева. – Но поэту продавать билеты это… в общем, ничего она на этом поприще не заработала, только выматывалась и время тратила.

Однажды, выходя из метро, я приметила Малярову и подошла к ней. Поздоровались, у меня были с собой какие-то пирожные и я отложила ей половину в полиэтиленовый пакет. Ирина Александровна удивилась и очень обрадовалась.

Прошло сколько-то времени. Я, признаться, уже позабыла об этой истории, но Малярова помнила. И вот однажды на каком-то собрании в Союзе писателей Ирина Александровна вдруг взяла слово и громко заявила, что если нужно будет отправлять кого-то к больным коллегам, следует непременно послать Алину Мальцеву. Потому как Алина такой человек, что все равно придет и что-нибудь принесет им.

Долги

Несколько раз Ирина Малярова одалживалась у поэтессы Алины Мальцевой.

Взяла раз, другой, третий, четвертый. Брала и не отдавала. Должно быть, не получалось собрать нужную сумму. Не вернув долга, снова была вынуждена просить взаймы…

– Ну, вы мне не отдавайте, – попыталась однажды успокоить Малярову Мальцева, в очередной раз раскрывая свой кошелек перед незадачливой поэтессой.

– А я и не собираюсь, – простодушно ответила Малярова.

Оценили

Зашла в гости в Союз писателей России. Уже на лестнице:
– Как вы, Юленька, расцвели! Убирать пора.

Рейн – исправленная надпись

На фестивале в 1989 году в Баварии в числе особо желанных гостей числилась группа наших литераторов во главе с поэтом Евгением Рейном. Это было особенное время: Европа жаждала увидеть, услышать, почувствовать русское, русские же ощущали себя счастливыми детьми, впервые в жизни дорвавшимися до сладкого. Хотелось смотреть, слушать, пробовать, примерять… хотелось всего и сразу, буквально объять весь мир.

– Среди русской делегации выделялась Саша Петрова – яркая одаренная девочка со своеобразными интересными стихами, – рассказывает Николай Якимчук.

– Для Александры Евгений Рейн был бесспорным кумиром, на которого она чуть ли не молилась.

Был сделан буклет фестиваля, на котором участники писали друг другу слова дружбы и любви, обменивались координатами, клялись, что никогда не забудут этих дней и друг друга.

Уже в поезде на Ленинград Саша Петрова подошла к Николаю Якимчуку со скромной просьбой подписать для нее у Рейна буклет. Ее чувство благоговения было таким сильным, что она не смела даже приблизиться к поэту…

Якимчук взял буклет и ручку и, войдя в купе, обратился к Рейну, читающему на верхней полке какой-то детектив.

– Евгений Борисович, не могли бы вы подписать буклет для одной милой девушки? Может, вы знаете ее – Сашу Петрову. Она была в Мюнхене вместе с нами, она очень любит ваше творчество и… и вообще благоволит к вам. Напишите что угодно, девушке будет очень приятно.

Ничего не говоря, Рейн взял протянутую ему ручку и, быстро что-то начертав, вновь уткнулся в книжку.

Когда Якимчук вернул подписанный буклет, с Сашей случилась истерика.

– За что он меня так?! Что я ему сделала?! – рыдала девушка.

Якимчук посмотрел на сделанную минутой раньше в его присутствии надпись:

«Трясет. Евгений Рейн».

Ага. Стало быть, Рейна попросили написать что угодно и он описал свои ощущения. Вагон действительно заметно потряхивало на рельсах.

– Стой здесь. Сейчас разберусь, – Якимчук вновь скользнул в купе.

– Евгений Борисович! Ну нельзя же так, вы жутко расстроили

милую девушку. Не могли бы вы как-то исправить свою запись, чтобы ей было не так обидно…

Как и в первый раз, Рейн взял ручку и буклет и, не задумываясь, сделал приписку:

«Трясет от любви! Евгений Рейн».

Горлит, или А судьи кто?

В советское время вопросами, что можно и что нельзя издавать, занималась государственная цензура. Местные цензурные организации носили звучное имя Горлита. Горлиты стояли на страже сохранности государственных тайн, но и сами, в свою очередь, представляли собой достаточно странные засекреченные конторы.

Все рукописи перед изданием, включая авторефераты, вся печатная продукция должна была пройти через горнило Горлита, после чего выносился вердикт, оспорить который оказывалось проблематично уже потому, что посторонних в этой конторе не жаловали. Сотрудники же таинственного Горлита в прения с отвергнутыми авторами не вступали. Тут захочешь – концов не найдешь.

Исключением из общих правил являлись авторефераты диссертаций, и соискатели ученых степеней могли ожидать вызова в Горлит, где им высказывались претензии и пожелания.

Одним из таких авторов был давний знакомый Бориса Федоровича Сергеева, с которым тот в детские годы состоял в кружке юных зоологов при Ленинградском зоопарке. Звали знакомого Вадим Евгеньевич Гарут. К тому времени он успел закончить университет и аспирантуру при Институте зоологии, написать диссертацию и отнести ее автореферат в Горлит.

Отнес, отдал, расписался где нужно и уже было приготовился ждать долгие недели и месяцы. Но вызов пришел неожиданно скоро. Буквально за время, что Гарут добирался от Горлита (угол Садовой и улицы Ракова) до института – всего лишь четыре трамвайных остановки. Тишину приемной директора института разорвал телефонный звонок. Звонивший требовал, чтобы Гарут явился в Горлит уже завтра.

Ситуация, мягко говоря, волнующая. Чего такого крамольного, запрещенного, подозрительного усмотрели строгие цензоры? Да и когда они успели хотя бы пробежать автореферат глазами? Что будут спрашивать? Или возможно, что там уже будут ждать не работники Горлита, а…

Переволновавшись (и перетрусив), Вадим Евгеньевич отыскал телефон своего давнего знакомца, фронтовика Сергеева, и попросил его съездить в Горлит вместе.

Как говорят о Борисе Федоровиче, на войне он разучился чего-либо бояться, а значит, мог вынести и убийственный Горлит.

Сказано – сделано. На следующий день к девяти утра приятели стояли перед дверью конторы.

«Помню узкий пустой коридор. Слева окна во двор, справа двери с прорезанными в них крохотными окошками. Все закрыты. Тишина».

Сергеев как человек, побывавший не в одной военной передряге, шел впереди, за ним семенил перепуганный Гарут.

Они уже успели добраться до середины коридора, когда Сергеев, не поворачиваясь, спросил:

– В какое окно нам назначено?

Его голос разнесся эхом по пустому коридору. Тут одна из дверей распахнулась, и перед приятелями предстал, улыбаясь во весь рот, еще один бывший кружковец – Пьер Уткин, как называли его в зоопарке.

– Ребята, вали сюда! – весело закричал он, распахивая перед ошарашенными гостями дружеские объятия.

Как выяснилось, автореферат Гарута достался на просмотр и рецензирование именно ему. Заметив знакомую фамилию, Пьер решил воспользоваться случаем и как можно скорее встретиться с давним знакомым.

Пьер, а на самом деле Петя Уткин, был инвалидом детства, из-за перенесенного полиомиелита его левая рука и нога были полупарализованы. В школе он учился еле-еле, не оставаясь на второй год исключительно благодаря заступничеству кружка юных зоологов, а возможно, и из жалости.

В зоопарке он и не думал подходить к зверям, ограничиваясь общением с пони и осликами, к которым в конце концов и был приписан – катать детишек по кругу, ввиду его явной непригодности к чему бы то ни было еще.

Любопытно, что человек, не усвоивший толком программу средней школы, занимал ответственное место в Горлите, решая судьбы рукописей и написавших их писателей и ученых, отвечая на вечный гамлетовский вопрос «быть или не быть?», вечный вопрос бытия «жить или не жить?».

Гость из бездны

– Была такая история, – Андрей Дмитриевич Балабуха поглаживает мягкую шкурку золотоглазого кота Бегемота. Тот сладко зевает, делая вид, будто собрался спать, но одно ухо торчком. Слушает. – Была такая история, печальная история, даже немного трагичная. Георгий Сергеевич Мартынов начал писать роман. Хороший роман, утопический, фантастический роман. Опять же сейчас, может, он не так хорошо смотрелся бы, но тогда… Действие отнесено в далекое будущее.

Написал пробу, приволок в «Детгиз». А там дура редактриса глянула и говорит:

– Да что вы, никому такого не нужно, кто это будет читать? Сейчас нужно писать как Жюль Верн. Что-нибудь вроде космического Жюля Верна сделаете?

– Сделаю, – сказал Георгий Сергеевич. Бросил свой роман, сел и написал «220 дней на звездолете».

Опубликовали.

И тут выходит «Туманность Андромеды» Ивана Антоновича Ефремова. Как раз вещь такого же масштаба, такой же направленности, что и у Мартынова.

В итоге Георгий Сергеевич пролетел.

И теперь говорят, что современная фантастика началась с Ефремова. А могла бы с Мартынова.

Его вещь вышла года через четыре после Ефремова, но такого резонанса, естественно, не вызвала.

Странно это как-то звучит. Хотя, возможно, это для меня странно – сказывается разница поколений. Плохо себе могу представить сам факт, что писателю кто-то говорит: это пиши, а это не пиши. Но тогда это было в порядке вещей.

Мокутеки – цель

Знакомый дал посмотреть фильм о том, как изготавливаются самурайские мечи. Динька внимает с открытым ртом и выпученными глазками. По окончании изрекает:

– Мама! Хочу быть кузнецом. Ты меня отпустишь?

– В Японию? Почему бы и нет? Только там ведь учиться нужно, солнышко. Как раз то, чего ты терпеть не можешь. А потом работать. Таттеру (печь) кормить, полученный метал изымать, ковать. Умучаешься.

– Вытерплю, – деловито сипит носиком дочка. – Ведь тебе нужен настоящий японский меч! Пусть это будет моей целью.

Меч

По заснеженным улицам Питера шел человек с мечом за спиной. Человек был черноволос и черноус, движения его отличались порывистостью, глаза были неспокойны. Рано утром он вышел из поезда, принесшего его бог весть из каких далей, и с тех пор все шел и шел, не останавливаясь и не отдыхая.

Он проследовал мимо стелы на площади Восстания, неодобрительно покосился на чуть не налетевшего на него вокзального носильщика и, выбрав направление, поспешил куда-то вдоль по Невскому проспекту.

«Вперед, только вперед, не останавливаться, не отвлекаться», – шептал он себе, то и дело пытаясь нащупать за спиной удобные ножны.

«Принявший чашу понесет крест. Два сердца ему и сияющий меч», – заголосило у самого уха, и человек с мечом заметил, как вздыбился черный конь на Аничковом мосту. Сделав свечку, вороной быстро перебирал чугунными копытами, трепеща чуткими ноздрями.

«Стой, Зорька, – напружинился обнаженный конюх, – в Фонтанку захотел?

«Не Зорька, а Аврора», – басом ответствовал конь и заржал, подмигивая прохожему с мечом.

«Да ну вас. Мерещится», – человек с мечом зябко поежился и ускорил шаг.

«Доброе утро, батюшка», – громогласно приветствовала его профессиональная нищенка у Казанского собора.

Человек покосился на побирушку. Со стороны торчащая рукоять его меча действительно напоминала черный крест.

Главное не отвлекаться – и все получится. Главное…

Угловое зрение поймало склонившегося над ним каменного витязя работы Пименова, хотя Аничков дворец и павильон Аничкова сада остались далеко позади.

«Заманивают, – с горечью подумал человек, стиснув зубы. – Врешь, не возьмешь».

За потенцию

– Первый раз «Меч Бастиона» мы вручали десять лет назад по решению коллегии литературно-философской группы «Бастион», – рассказывает Дмитрий Володихин, – он достался Олегу Дивову. А надо сказать, что в то время Олег был не столь знаменит, как сейчас, но уже заметен и весьма талантлив. Как говорится, восходящая звезда.

И вот, взяв в руки заветное оружие и по обычаю слегка приобнажив клинок, Эдуард Геворкян молвил: «По правилам «Бастиона» мы вручаем меч, не объявляя, за какое произведение он достался номинанту. У вас же, Олег, все впереди, так что считайте, что мы вручаем его вам за творческую потенцию».

Услышав сие, Дивов хитро прищурился и ответил: «Ну что же, мужчине должно быть приятно, когда ему вручают что-то за потенцию».

Крест

– Ты почто поэта, тебе присланного, в сборник не взяла? У него мама на телевидении, папа главный редактор в газете. Быстро позвони, скажи, что ошибочка вышла, что перепутала, не тому отказ ввернула.

– Не-а, не получится. Она не просто отказала. Она на рукописи крест поставила, – привычно сокрушается рядом Саша Смир.

– Крест? Скажи, что это не крест, а знак плюс.

– Не получится, – отмахиваюсь я.

– Крест – не всегда плохо. Можно по-разному понимать: христианство, ось координат. Все можно объяснить в выгодную для дела сторону. Ты какой крест-то поставила? Может, вместо подписи, как безграмотная?

– Ага, – киваю я. – Вроде того. Андреевский – от края и до края.

Толкин или Толкиен

На каком-то из «Бастконов» обсуждали творчество Толкина. Тогда как раз шла дискуссия, как правильно: Толкин или Толкиен? И кто-то в сердцах ляпнул: вот у них есть Толкиен, а у нас почему-то нет никакого Толкиена?

И тогда Сергей Алексеев мрачно в сторону сказал: «Ну да, Пушкиен, Толстиен…».

Нина Чудинова и ее встречи с Анной Ахматовой

«На фоне Пушкина снимается семейство». Мода, наверное, такая пошла: плодить скучные «воспоминания» о встречах с великими (писателями, поэтами, художниками, актерами); и все-то эти встречи похожи одна на другую. В пивной, в ресторане, в забегаловке, накрыв поляну на даче или даже во дворе, на кухне или в комнате. Начинаются словами «у нас было…» и заканчиваются «не помню, что произошло дальше». И даже не в том дело, что тема выбрана не самая интересная. Просто, кому кроме как участникам попойки сама эта пьянка интересна? Во всяком случае, если в результате нее не произошло что-нибудь действительно интересное, необычное, запоминающееся…

А ведь поэты, художники, любимые актеры – те, на которых буквально молишься, – обладают властью порой полностью менять жизнь человеческую. Скажет этакий овеянный тайной магией властитель дум слово доброе – и затрепещет, потянется к нему из мрака собственной жизни живая душа. Точно хрупкий, нежный росток на солнечный свет, чтобы вырасти, окрепнуть, расправить ветви, дать листья и наконец расцвести…

Жизнь не баловала Нину Чудинову. В пять лет девочка осталась без родителей и была сдана в детский дом поселка Шейново Вологодской области, где провела два года. Едва начала привыкать, как пришлось переезжать в интернат города Устюжны, где находилась школа. Большую часть времени Нина находилась в подавленном состоянии, живя по навязанному ей расписанию и стараясь время от времени улизнуть из шумного общества и побыть одной. Когда Нине исполнилось девять лет, в ее душе как бы сами собой начали складываться поэтические строки. «Служенье муз не терпит суеты» – вот она и старалась уйти куда-нибудь от гама и досужих разговоров. Туда, где можно было бы хоть немного побыть в тишине.

Однажды, возвращаясь из столовой в спальный корпус, девочка наткнулась на разбросанные по земле листки из журнала. Они лежали вдоль обочины, и это было странно. Нина подняла один. Со страницы на нее смотрела красивая женщина. «Анна Ахматова», – прочла девочка. Ниже были напечатаны стихи. Ах, какие это были стихи!..

А действительно, какие именно стихи? В своих воспоминаниях Нина ни разу не говорила об этом. Должно быть, Ахматова поразила ее не какой-то отдельной удачной строчкой –

понравилось все!

С того дня девочка старалась отыскать другие стихи Ахматовой, идя за великой поэтессой как за зовущим светом далекой звезды. Теперь она знала, для чего живет. Во всяком случае, пока есть такие стихи, пока есть подобные поэты, жить еще было можно.

Все свободное время Нина проводила в библиотеке, отыскивая портреты, стихи любимой поэтессы, любую информацию о ней. Учась у Ахматовой, про себя разговаривая с ней, мечтая о личной встрече.

В «Махабхарате» есть эпизод – мальчик просится в ученики к великому мастеру, тот отказывает ему. Тогда мальчик лепит статую учителя из глины и каждый день прилежно занимается перед образом своего учителя, стараясь расти и совершенствоваться на его глазах. Что-то подобное происходило с Ниной.

И вот в 1965 году, когда Нине исполнилось одиннадцать лет, их класс отправили на экскурсию в Ленинград, 4 июня они посетили музей-квартиру Александра Сергеевича Пушкина на Мойке, 12. Класс послушно ходил за экскурсоводом, рассказывавшей о семье Пушкина и о последних днях жизни поэта.

Какое-то время Нина позволяла себе следовать в ленивом потоке бредущих в одном направлении и послушно поворачивающих головы направо и налево школьников, когда экскурсовод вдруг подвела гостей к личному кабинету Александра Сергеевича.

Возле входа, за маленьким столиком у дверей, сидела пожилая женщина, которая, не замечая посетителей, продолжала строчить что-то в толстую тетрадку.

– В этом кабинете Александр Сергеевич работал над своими последними произведениями, – скучным однообразным голосом вещала экскурсовод. – А это, заученный взмах в сторону незнакомки, – Анна Андреевна Ахматова.

Постаревшая, располневшая королева Серебряного века и не подумала взглянуть на обступивших ее школьников, продолжая заниматься своим делом. Скорее всего, она и не замечала их. Постепенно толпа вокруг Ахматовой поредела, лишь Нина продолжала стоять напротив поэтессы, разглядывая ее и не зная, допустимо ли отвлекать Анну Андреевну от ее дел.

А ведь она так давно мечтала об этой встрече. И вот судьба… Нельзя даже дотронуться, в глаза поглядеть, слово сказать. Хотелось показать стихи, посоветоваться, просто поговорить…

Неожиданно Ахматова подняла на Нину уставшие глаза.

– Что тебе, девочка?

– Я тоже стихи пишу! – неожиданно писклявым голосом выдохнула та, окончательно смешавшись и покраснев до корней волос.

– Пиши, девочка, пиши, – печальные глаза Ахматовой несколько секунд смотрели в испуганные, смущенные глазки Нины, после чего она вновь вернулась к своим трудам.

«Пиши, девочка, пиши». Эти слова Нина Чудинова пронесет через всю свою жизнь как благословение и напутствие, что дала ей в самом начале великая поэтесса.

Безвозвратные потери

Мне было пять лет, когда не стало отца. Осень, дача в Воейково, овальная лужица под облезлой лесенкой на детской площадке. Под лесенкой, по которой мы пытались забраться на самое солнышко.

Ночью плакал дождик, он знал.

Нас с Виталиком увели в дом. Веселым мячиком брат бегал между мной и мамой, пытаясь утешить. Сама трагедия до него не доходила, все произошло слишком далеко и потому, наверное, мало трогало. Беспокоило, что совсем рядом плачем мы.

Я мало что помню о том дне: сначала было весело, а потом веселье оборвалось и нас увели в сплошное горе.

Когда еще через пять лет не стало дедушки, нас с братом тоже выдернули из радости. Наверное, из самой увлекательной и веселой игры, какая только бывает, чтобы препроводить в горе, избыть которое не удалось и по сей день. Но сначала это не было горем. Я даже подумать тогда не могла, что горе может быть таким необъятным и безысходным, что даже спустя тридцать лет я не сумею с ним примириться.

Бабушка послала нас с братом искать в саду дедушку. Резиновые сапоги едва доходили до колен, а высокая, вся в блестящих дождинках трава доставала до пояса.

Мне было приятно ощущать себя в мокрой одежде, представляя, будто пробираюсь через джунгли. Сначала мы были одни, потом в «игру» включились взрослые. Мы с братом чувствовали себя разведчиками, проводниками в мир неведомого. Шутка ли, мы показывали дорогу, вели за собой – мимо кустов сирени, по тропинке под гору, в которой дед несколько раз пытался прорубить лопатой ступени. Их всегда смывало дождем.

Мы видели озабоченные выражения лиц, отмечали ту необычную мягкость, с которой участники поискового отряда пытались разговаривать с нами, но мы ничего не предощущали, очарованные новыми событиями. Это было затишьем перед бурей.

Деда нашли в цветах сирени – точно актера, вышедшего на свой последний поклон, да так и заснувшего под грандиозным, ароматным букетом.

У меня кружилась голова, я плакала и падала без сил. Мама дотащила меня до кровати. Потом целый год я видела деда во сне, не в состоянии до конца поверить в неизбежность и невозвратность. В конце концов так и не смирившись, я продолжаю жить и поныне, оплакивая его уход.

* * *

– Время от времени меня спрашивают, чего тебе не хватает для полного счастья?

– Чего? Кого! Тех, кто ушел безвозвратно, – отвечаю я.

Последний кусочек колбасы

Отказалась от мяса с незапамятных времен и нисколько не жалею об этом. Хватит уничтожать братьев наших меньших. Рыба? Рыба – другое дело. Вот подумайте сами: если Ной собирал в ковчег всякой твари по паре, кого там не было?

Рыб. Почему? Да потому что какой смысл спасать рыб от наводнения?

Вот поэтому рыбы не наши побратимы и родственники, не те, чье спасение было санкционировано свыше, – исходя из этого, рыб есть можно.

Во всяком случае, это я так научилась отшучиваться.

А на самом деле ковчег здесь, конечно же, ни при чем. Просто однажды я начала замечать, что после самой обыкновенной котлеты не могу не то что прыгнуть повыше, а даже двигаюсь словно беременная слониха. Не ем мяса – и спокойно порхаю по сцене. И еще одно: невыносимо после трапезы видеть на тарелки кости. Ощущаешь себя в кунсткамере или на кладбище домашних животных.

Ну, в общем понятно. Решила отказаться от мяса, сказала – отрезала. Сначала не хватало чего-то, потом привыкать начала. Иногда брат или мама спросят: ну ты хоть в этом году попробуешь мяса? Я только плечами пожимаю. Зачем?

Но вот настал момент, когда после десяти лет воздержания от поедания безвинных животных я все же нарушила свой обет.

Произошло это в Японии, в клубе, где я работала.

В заведении тогда была хима – дико скучное время, когда за целый день не зайдет ни один клиент и все работающие там девочки вынуждены сидеть в вечерних платьях и полном гриме, ожидая невесть чего. Танцевать для пустых столов и скучно торчащих в проходах официантов, обрывать телефоны знакомым, умоляя их хотя бы ненадолго заглянуть в клуб?

В один из таких унылых вечеров к нам неожиданно заявился страшно вредный тип, с которым при лучшем раскладе я бы точно за один столик не села. Но сейчас мы и такому гостю были рады.

За что мы его не любили? Вроде и собой недурен, и умишко какой-никакой у мужика наличествовал. Просто больше всего на свете обожал он издеваться над людьми. То назначит девушке встречу минут за пятнадцать до начала работы: мол, поднимемся вместе в клуб, а я упрошу хозяина с тобой погулять. Девчонка ждет, волнуется, звонит ему на трубку. А он ей отвечает: мол, уже близко, в пробке застрял, уже видит ее.

А потом за пару минут до начала работы, когда у девушки

уже истерика, возьмет да и отменит все: дескать, дело неотложное появилось. Вот и несется бедняжка на работу, ломая каблуки и мешая на лице слезы с косметикой. Опоздание – 300 баксов, такие деньги на дороге не валяются.

Или для смеха возьмет и вместо пенки для волос подсунет крем для депиляции… На тюбике ведь иероглифы – попробуй разберись.

В общем гад он, хоть и японец.

А в тот день по всем приметам вижу: ко мне решил прикопаться. Сидит в компании филиппинок и двух украинок, и всей компанией они на меня взгляды кидают. То он посмотрит, то они, то он, то они…

Наконец позвали меня за стол.

– Ты самая белая в клубе! – смотрит на меня, посверкивая очками-половиночками.

– Возможно, – скромно опускаю глаза. «Самая, самая, это все знают. Японки за такую белизну состояния спускают, а на меня это совершенно бесплатно свалилось».

– И лучше всех танцуешь?

«Тоже не поспоришь. Звезда шоу, она и в Африке звезда». Смотрю, пытаюсь понять, какую каверзу для меня изобрели. Не может же он без гадостей.

– Ичибан?!

– Нет, вот это неправда. Ичибан, то есть первый номер – за моей подружкой Линдой. У нее отличный японский и гостей больше. Мои же в основном на шоу приходят. Так что далеко мне до совершенства.

– Все равно самая-самая… – довольная круглая рожа расплывается в умильной улыбке.

Ну точно, сейчас что-то скверное предложит.

– Я слышал, что ты еще и вегетарианец? Колбаски не желаешь?

Одна из девушек пододвигает ко мне тарелочку с аккуратно разложенными кружками салями.

– Домо аригато. Нику таберу най[4], – кланяюсь я.

– Табетай?[5]

– Хай. Содес.[6]

– Дозо,[7] – тарелка двигается ко мне.

– Нику таберу най.[8]

– Иронай дес ка?[9]

– Зен-зен иронай.[10]

В это время одна из украинок подсаживается ко мне, а филипинка начинает что-то шептать гостю.

– А за тысячу йен будешь? – бумажка ложится рядом с

тарелкой. – Один кусочек колбасы за одну тысячу йен, – поясняет мне украинка. – Тысяча йен – это десять баксов. Ну что тебе будет от одного кусочка сервелата? Проблюешься в туалете и все.

Я отрицательно мотаю головой.

Передо мной ложится вторая тысячная бумажка.

– Нет.

Гость роется в бумажнике и достает пять тысяч йен.

– Гоминосай, декинай.[11]

– Ичи манн?[12]

Девчонки смотрят на меня во все глаза. Ичи манн – 100 долларов. Можно сказать, ни за что.

Разочарованный гость показывает жестом, что разговор закончен. Закрывает бумажник. Я кланяюсь и направляюсь к диванчику, с которого за нами наблюдают другие девчонки.

– Джулия!

Я снова разворачиваюсь и с дежурной улыбкой подхожу к тому же столику. Где теперь рядом с колбасой лежат две бумажки по десять тысяч йен. Он решил издеваться надо мной по полной программе.

Следом за второй на стол с мягким хрустом опускается третья бумажка. Триста баксов. За эти деньги мог бы снять себе проститутку и получить удовольствие, а он…

Воздух вокруг нас словно напитан током. Девчонки, ожидающие нас на диване, злятся, что я не беру деньги. Мой мучитель побагровел, глаза блестят, пальцы лихорадочно двигаются в бумажнике. Ну же?

Я закрываю глаза. Скрип кожи, вздохи и стоны со стороны бара. Мягкий шорох очередной бумажки на столе. Все в порядке. Открываю глаза – четыреста долларов.

Неслабо на сегодня. Тем более, если учесть, что хима, клиентов нет и заработков тоже.

Но я сдерживаюсь, чтобы не взять деньги в тот же момент. Желающий заставить меня переступить через свое «я» человек не примет легкой победы. Еще бы – самая красивая, самая белая, лучшая танцовщица клуба… Я просто не имею права сдаться ему за столь ничтожную сумму.

Хотя почему нет?

– Пятьсот!

Я смотрю на симпатичные бумажки на столе, но не вижу их, вслушиваясь, что происходит вокруг. Девчонки уже не сидят на диванчике – они без разрешения подошли и сгрудились вокруг нашего столика, менеджеры не строжат. Должно быть, делают ставки: кто кого.

Перевожу взгляд на сидящую рядом с гостем филиппинку. И

только тут замечаю ее судорожные жесты. Ага, понятно, у него нет больше свободных денег! А значит, ставка уже не увеличится ни на йену, клиент заберет бабло и уйдет, жутко обиженный на клуб. Уйдет и не вернется. И мы будем в этом виноваты.

Кому в результате лучше? А никому. Я давно хотела вспомнить вкус копченой колбасы, так почему не сделать это за 500 баксов?

Изобразив муку на лице, я сгребаю со стола свои заслуженные сребреники и, выказывая всяческую гадливость, беру наконец кругляшек колбасы. Со стороны может показаться, что я запихиваю себе в рот отвратительного таракана или жабу.

Еще один важный момент: унижение самой красивой и самой белой женщины должно быть обязательно публичным, должно быть невыносимым для нее, причинять страдания. Только при таком раскладе говнюк останется довольным и не бросит шляться в этот клуб.

Решив наконец, что необходимый минимум выполнен и пантомима удалась, я кладу на язык пахнущий копченостями кусочек колбасы и начинаю его тщательно пережевывать.

Желая подыграть мне, менеджер притаскивает стаканчик «Хеннесси», дабы я могла запить «отраву».

Когда-нибудь, когда у меня будет семья, дети и внуки, я соберу их у зажженного камина в нашем доме и расскажу про то, как съела свой последний кусочек отличнейшей копченой колбасы. Съела за пятьсот баксов. Хоть в книгу рекордов Гиннесса отправляй!

Будка Ахматовой

Вот говорят – спонсоры, меценаты… Иной спонсор-даритель даст на копейку, а потом из тебя душу вытрясет, вынимая благодарность. Другой выдаст денег на лимонад детдомовским детишкам, а сам ходит потом гоголем – облагодетельствовал.

Впрочем, земля русская во все времена была богата щедрыми и скромными людьми. Ну вот, например, сколько лет стояла без ремонта будка Ахматовой в Комарово? Сорок. Развалилась уже почти – что такое дом без хозяина, сами понимаете. И что же, приехал как-то в Комарово Александр Петрович Жуков – геолог, доктор наук, бизнесмен.

Пришел поклониться Анне Андреевне в ее день рождения 23 июня, на домик полуразвалившийся поглядел, головой покачал и… что вы думаете? Отремонтировал.

Не сам, конечно, рабочих прислал. Но это ведь не пять копеек – полностью восстановить развалюху, превратив ее в добротный дом, в котором даже обои поклеены, как при Анне Андреевне. Об этой немаловажной детали советовались с Анатолием Найманом – секретарем поэтессы.

Постоит еще будка Ахматовой, послушает, как шумят высокие сосны и клены, посаженные лично поэтессой. Не простые клены – наши, питерские. Художница Валентина Любимова привезла черенки кленов из парка Фонтанного дома в Петербурге, где много лет жила Анна Андреевна. Клены, те самые клены, посаженные Ахматовой, живы!..

Вот пишу я эти строки и размышляю: вроде бы как не самый великий подвиг, а в то же время… на душе делается тепло и радостно.

У Аркадия и Бориса Стругацких есть замечательное произведение «Трудно быть богом». А ведь быть человеком, пожалуй, труднее.

Ваш портрет

На вручении АБС-премии в 2010 году встретились Аллан Кубатеев и Яна Дубинянская – Яна как раз стала финалистом премии Стругацких в номинации «художественное произведение», и ее все поздравляли!

Аллан протиснулся к Яне и, представившись, напомнил, что они уже списывались в ЖЖ.

– Да, я вас сразу же по юзерпику узнала, – весело ответила писательница.

Неплохой комплимент, если учитывать, что на юзерпике у Кубатиева Марлон Брандо в «Апокалипсис now».

Забастовка домашних вещей

– Мама, дядя Виталя, наверное, дома, его комната закрыта, – врывается в поток мыслей Динька.

– Вряд ли, дорогая. У него сегодня рабочий день.

Динька на мгновение исчезает и тут же появляется с озабоченной мордашкой.

– Его точно нет дома? Куртка и зимние сапоги на месте.

– Динечка, – вздыхаю я, – взрослые люди вынуждены ходить на работу, даже когда их комнаты закрыты наглухо и все куртки в качестве протеста остались дома.

Как приходит слава

Событие, о котором пойдет речь, произошло в восемьдесят третьем или восемьдесят четвертом году. Не суть. Главное, что «Комсомольская правда» решила опубликовать материал о художнике Кудрявцеве. Уже было несколько статей, где из Анатолия пытались сделать этакого героя-корчагинца: еще бы, инвалид, который не спился, не впал в самый страшный грех – отчаяние. Стало быть, герой. Что же, отчасти они правы, хотя только отчасти. Ведь это же личное дело каждого, как распорядиться своей жизнью. Плакаться, что нет денег, здоровья, любви, что ушло детство, где-то заблудился разум; или жить, каждый день делая что-то светлое, доброе, настоящее, создавая миры, в которых другие в минуты отчаяния найдут свой приют, свою зачарованную страну, свой волшебный сад.

Пришла к Кудрявцеву журналистка, записала интервью. Пообещала, что непременно покажет текст для сверки, что не разрешит публиковать, пока сам художник не ознакомится и не проверит все до последней запятой. Вот, мол, как у нас в «Комсомолке» работают, не чета другим газетенкам. Все они так говорят, потом никогда ничего не показывают, наскоро собирают текст, отправляют в редакцию, там его потом перерабатывают по-своему, а в результате…

Разумеется, она позвонила уже после того, как отправила текст, да и после того, как статья вышла и сделать ничего уже было нельзя.

– Мне позвонили из редакции, спросили, можно ли в конце статьи дать твой домашний адрес, – извиняющимся тоном сообщила она по телефону.

«Комсомольская правда», у которой тираж 11 миллионов экземпляров. У Анатолия закружилась голова.

– В общем я дала, это… ничего? – журналистка поспешила еще раз извиниться и повесить трубку.

«Ладно, – попытался успокоить себя Толя, ну, придет писем пять-шесть, ерунда».

Первые два дня после выхода статьи прошли спокойно, а на третий на квартиру Кудрявцевых низвергся поток писем. Что называется – пришла слава!

Такого никогда прежде не случалось ни в жизни Толи, ни в тихой квартире его родителей, не бывало ни на улице Карпинского, ни даже на ближайшей к дому почте. Писали из разных городов, сел, поселков, с торпедных катеров, из тюрем, домов умалишенных. Писали с заводов, фабрик, из детских

домов. Старушки присылали деньги, девушки объяснялись в любви, томящиеся в местах не столь отдаленных зеки рассказывали о своей судьбе, прося у художника совета, как жить дальше. Кто-то хотел, чтобы Анатолий дал ответ на интересующий вопрос, кому-то не терпелось договориться о личной встрече, с БАМа летели посылки с орехами, Молдавия слала ящики с яблоками и банки с вареньем. Посылки шли десятками, среди теплых носков, украинского сала и банок с солениями попадались книги и журналы. Самый пик писем произошел, когда Кудрявцев несколько дней подряд получал до 1200 посланий. Почтальоны отказались носить письма, и отец Толи был вынужден ходить на почту с рюкзаком. Ах, какие это были письма! Пухлые конверты с фотографиями, вырезками из газет, написанные убористым почерком откровения, стихи…

Письма валялись везде и всюду: на кроватях, тумбочках, столах; пачки писем складывали в коробки из-под обуви, отправляли на книжные полки и в платяной шкаф; письма были на кухне и в прихожей, так что начинало казаться, будто бы они перемещаются каким-то фантастическим образом, самостоятельно выбираясь из Толиной комнаты и постепенно занимая все пространство квартиры.

Все члены семьи и друзья Кудрявцева были вовлечены в процесс чтения все поступающей и поступающей корреспонденции. Самые интересные бережно откладывали для виновника эпистолярного бума, но даже и этого было много. Ну сколько человек может за день прочитать писем? И сможет ли он делать еще что-то помимо этого, когда чуть ли не над каждым посланием нужно было подумать, в каждое вникнуть. Добавляло трудностей, что как раз в это время Анатолий писал диплом в Академии художеств.

– В основном писали о себе, своих проблемах, страхах, тревогах, – рассказывает Кудрявцев, – тогда не было Интернета, нужно было с кем-то поделиться. А тут статья с автопортретом и реальным адресом. И вот народ кинулся писать.

Многие обижались, что я не отвечаю.

Я посчитал: чтобы мне всем ответить, с тем условием, что я пишу по одному письму в день, мне бы потребовалось 30 лет жизни.

В разгар почтового бума начали приходить различные делегации: рабочие с АвтоВАЗа, пионеры с горнами, заявлялись представители сексуальных меньшинств, последние томно заглядывали в глаза художнику, пытаясь углядеть ответную реакцию, отзыв – пароль. Не удавалось. Уходили… Жулики

делали попытки обокрасть. В детских домах боролись за звание «Кудрявцев».

Когда посмотришь географию этих писем: Грузия, Чечня, Молдавия, с Крайнего Севера, с острова Котлан…

«Вот сейчас выйду из яранги, меня олень ждет, – рассказывала о своей жизни девушка из далекой чукотской деревни, – сяду в нарты, возьму в руки хорей и помчусь в город на почту письмо отвозить».

«Приезжайте к нам в Чечню, – зазывал невидимый друг из далекого горного аула, – будем рядом сидеть, шашлык, долма кушать».

Потом поток писем пошел по затухающей, но, что особенно приятно, Анатолий по сей день продолжает общение с несколькими людьми из тех, кто заметил когда-то в «Комсомолке» портрет художника и написал ему.

Зеленая вода

Анатолий Кудрявцев, Толя. Как странно… Я смотрю на Кудрявцева, точнее, смотрю на то, как он оглядывает меня. Профессионально? Или я уже привыкла к тому, что, болтая со мной о всякой всячине, он неизменно видит меня в образе феи цветов, вавилонской блудницы, амазонки или мадонны… Художник, что с него возьмешь. Я смотрю на Кудрявцева, и вокруг нас словно собирается зеленая вода, сквозь которую едва заметно движение гибких водорослей и осторожных рыб. Почему-то так получилось буквально с нашего знакомства, когда я пришла к нему домой как к редактору альманаха «Зазеркалье» и увидела или, возможно, тогда еще только почувствовала воду. Может быть, плафон на кухне создавал иллюзию движения теней. Или то, что он тут же начал рисовать мой портрет. Я увидела, как его руки выводят плавные линии. Мне показалось, что это тонкие водоросли. Оказалось – мои волосы. Толя рисовал, а его тогдашняя жена Женя Голосова напевала под гитару в другой комнате. Потом мы еще долго беседовали на лестнице, читая друг другу стихи и планируя, какие из них отправятся в ближайший выпуск «Зазеркалья», а какие останутся на последующие.

Зеленая вода – один из символов Кудрявцева. Символ необычный – судьбоносный. Добрый или злой? А шут его знает. Но тут следует пояснить. Дело в том, что, со слов самого художника, первые три года своей жизни Толя провел на территории психиатрической больницы Скворцова-Степанова, где работала его бабушка. Так что первые впечатления жизни у будущего художника оказались связанными со странными взрослыми, бродящими по дворику и коридорам больницы, среди которых нет-нет да и попадались Наполеоны и Екатерины Великие. И еще. Вдоль стен там были расположены зеленоватые аквариумы, в которых текла совсем иная жизнь. Часами мальчик мог любоваться на желтых рыб в странном, так не похожем на всё остальное зеленом мире.

Нереальной казалась не только окружающая Анатолия реальность – полубезумная, полуфантастическая, но и рассказы домочадцев о прошлом семьи. Странно было в атеистическом Советском Союзе слышать о том, что среди родни были священники и церковные старосты. Семейные предания парадоксальным образом повествовали о предках, среди которых числились и графы, и простые крестьяне. Особый интерес и почитание вызывал прапрадед богомаз, расписавший церковь в Осташкове в XIX веке. К сожалению, церковь ныне утраченную, в

войну она была разрушена немцами. Так что правнук не застал творения знаменитого прадеда. Зато родители часто водили его в Эрмитаж и Русский музей. Айвазовский сделался первой любовью юного художника. Завораживала зеленая вода его полотен, за которой словно прятался манящий своей роковой тайной зеленый мир.

Зеленая вода… В 1974 году в поселке Солнечное в возрасте десяти лет Толя нырнул, а из воды его уже доставали другие. Диагноз: перелом позвоночника, повлекший за собой полный паралич. Врачи говорили, что шансов нет. Отец сделался совсем седым, вместе с матерью они боялись отойти от постели сына, ожидая худшего.

А для Толи на несколько месяцев его картинной галереей сделались оставшиеся от последней протечки разводы на потолке, в которых он видел странных людей и животных. А ночью… ночью его снова и снова брали в полон зеленые воды тайны. Вопреки медицине и всему на свете через несколько месяцев он начал двигаться и даже пытался рисовать привязанным к руке карандашом.

Зеленая вода… По словам самого художника, его жизнь течет медленно и незаметно, подобно той зеленой воде, зачаровавшей его в далеком детстве. Зеленое солнце светит сквозь изумрудные воды, плавают желтые, стремящиеся достичь заветной формы Луны рыбы. Зеленая вода жизни Анатолия течет так незаметно, что порой кажется, что она стоит на месте, что уснула. А потом вдруг все словно взрывается в один момент, и жизненная река резко меняет русло. Летит, увлекая неосторожно оказавшихся рядом знакомых и случайных людей, заводя, закручивая все вокруг, пока глаза художника не начинают различать под беснующимися волнами неспешных в своей лунной грации рыб. И тогда снова настает время созерцания, время зеленой воды…

* * *

Когда моя дочь умывается,
Она оставляет в умывальнике столько грязи,
Сколько нет в огороде.
Интересно, избывает ли она мои грехи
Или зарабатывает себе на индульгенцию?..

Почему не любят журналистов?

– Почему не любят журналистов? А за что их любить? Вот, например, случай с Валерием Яковлевичем Леонтьевым, – рассказывает поэт Юрий Баладжаров. – Но сначала преамбула. Каждый год Леонтьев старается отмечать свой день рождения в Петербурге. Он дает три-четыре концерта в «Октябрьском», после которых Элла Лавринович, директор БКЗ «Октябрьский», устраивает банкет. На этом ежегодном чествовании собираются самые близкие люди – личные друзья певца, его балет, продюсеры, авторы, композиторы… Ну и пресса, куда без нее?

Сначала в банкетный зал на третьем этаже приходят гости, и уже самым последним Леонтьев. Не то чтобы звезда важничает или пытается придать себе большую значимость. Просто после концерта он не уходит со сцены, пока публика не отпустит его, кланяясь каждому цветку, благодаря, улыбаясь… Это дань уважения публике, хорошая, добрая традиция. А после выступления нужно ведь еще и разгримироваться, переодеться, принять душ.

В общем, в тот день, о котором я хочу рассказать, все уже успели занять свои места за столом, когда Валерий Яковлевич вошел в зал. И надо же такому случиться, что стол был поставлен так близко к стене, что для того, чтобы именинник пробрался на свое почетное место, нужно было поднимать целый ряд гостей.

– Сидите, сидите. Не такой уж я и старый! – весело остановил пытавшихся подняться и уступить ему дорогу гостей. Валерий. – Ничего со мной не случится, пролезу под столом.

С этими словами Леонтьев действительно юркнул под стол и под смех собравшихся быстро прополз на свое место.

Скажете, отлично вышел из положения? Ан нет, не тут-то было. В этот момент присутствующие на дне рождения телевизионщики включили камеру!

На следующий день материал с вылезающей из-под стола звездой был с успехом показан по телевидению под соусом: «Вот как напиваются народные артисты».

Гадость.

Распродажи

На Сенной площади толпились люди: бабки с иконами, дядьки с нацарапанной шариковой ручкой торговой рекламой, сэндвичмэн. Все они предлагали на продажу свои души.

Первые – рабочие пять дней недели обычно торговля шла активно, в субботу поток желающих приобрести души заметно редел, а в воскресенье только редкий черт забредал в это богом забытое место.

Вообще черти и прочее демонье предпочитают респектабельные, серьезные души с солидным послужным списком грехов или добродетелей. Души королей и банкиров идут с молотка на аукционе Skorbi, души попроще можно приобрести в магазинах или заказать через Инет. Только там ведь никогда не знаешь заранее, что пришлют. Наверняка какую-нибудь совсем уж завалященькую душонку, с которой потом непонятно что делать.

Любимое занятие чертей приобретать души на распродажах. Дешево и сердито. Правда, тут тебе нет каталогов и нельзя как следует приглядеться, взвесить да обмерить… Впрочем, среди душ безнадежных алкашей, бомжей, проституток и наркоманья иной раз попадаются вполне симпатичные экземпляры. Даже художники с Пушкинской, 10, время от времени заглядывают торгануть душой.

Главное – пораньше встать, наладить метлу или какое другое средство передвижения и на Сенную…

Там душу можно приобрести совсем дешево. Если повезет – вообще за копейки. Сама слышала, как один кричал: «Душу продам за опохмелку». А иным просто интересно: как это жить без души? Вот и продают.

Бойкое место – Сенная площадь в Санкт-Петербурге.

Портрет вдовы Татлина

– Некоторое время назад судьба свела нас с Александрой Корсаковой – художницей, вдовой великого Татлина, – рассказывает Наталия Каменецкая.

Мы расположились на кухне у Насти Нелюбиной, Наталия утомлена. Всего несколько дней в Питере – и ни минуты покоя. А тут еще и я с диктофоном. Ну да что поделаешь, ради такого дела приходится терпеть.

– Вы знаете Татлина?

– Слышала, – пожимаю плечами. – Художник-кубист или, скорее, футурист …

– Верно, все слышали. Владимир Евграфович Татлин – живописец, график, конструктор. Татлинскую башню видели? Башня Интернационала. 1919 год, Татлин создал модель из стекла и металла – семиэтажное вращающееся здание, в котором должен был разместиться высший орган рабоче-крестьянской власти. Проект не был реализован, но благодаря ему Татлин заслужил мировую славу и остался в истории как новатор искусства. Александра Корсакова была его супругой, отличной художницей, талант которой мерк рядом с именем мужа. Она так и осталась в истории как вдова Татлина. Даже ее портрет работы Ариадны Соколовой называется «Портрет вдовы Татлина». Несправедливо.

Когда мы с ней познакомились, Александре Корсаковой было уже за восемьдесят, но прямая спина, ясный взгляд, мысли, идеи, желание двигаться дальше, что-то делать… ее невозможно было назвать старухой. Корсакова застала эпоху авангарда и могла часами рассказывать о художниках того времени. Очень интересный человек со своей философией, мировоззрением.

Только одна странная деталь: мы встречались два раза и Александра Николаевна почему-то то и дело возвращалась к теме переезда. То она хотела сменить мастерскую, то собиралась перебраться к знакомому художнику. Говорила, что он ее звал… Позже мы вспомним эти ее слова и вот по какому поводу.

Шел 1990 год. Записав интервью с Корсаковой на магнитофон и расшифровав его (в то время мы с художницей Ириной Сандомирской работали над новым журналом «Феминистки-критики»), собрав весь необходимый нам для дальнейшей деятельности информационный багаж, мы отправились в Америку. Там нашу машину ограбили, и чемоданы со всем материалом и первым номером журнала были похищены. Исчезли

и пленка, и расшифровка… вообще все!

В это же время в Москве Корсакова покончила с собой.

Было такое ощущение, что это она, точно стихийное бедствие, унесла с собой все.

Вот тогда мы и вспомнили о ее разговорах, о необходимости что-то изменить, уехать, начать сначала…

Позже мы воссоздали по памяти интервью. Художник Олег Кулик предложил развесить выставку «Женственность и власть» на плечики, приравняв таким образом женское искусство к гардеробу. В этой выставке по давней договоренности участвовали работы Корсаковой.

Всю жизнь Александра Николаевна прожила как жена, а затем вдова Татлина. Всю жизнь она тяготилась его знаменитым именем и мечтала, чтобы ее оценивали по ее собственным делам. И вот же судьба: на поминках о ней опять говорили как о вдове Татлина. И никто не вспомнил, что она и сама была хорошей художницей.

В конце разговора Наталия Каменецкая заметила, что Александра Корсакова была по-настоящему сильной, не желающей ни от кого зависеть женщиной, которая тяготилась старостью, заранее страшась того времени, когда не сможет обслуживать себя и сделается обузой для окружающих.

Она была такой же сильной и своевольной, как Лиля Брик. Лиля Брик ведь тоже покончила с собой, сломав шейку бедра и поняв, что не сможет самостоятельно передвигаться. Старость и беспомощность – ужасное сочетание.

Да, легендарная Лиля Брик умерла в возрасте 87 лет, приняв смертельную дозу снотворного на своей даче в Переделкино. Корсакова отравила себя в 86 лет.

Тринадцать фактов о Лиле Брик

Факт 1

Ее имя происходило от лилии, а еще от Лили Шёнеман, возлюбленной Гёте. Так решил ее отец, Урий Каган, присяжный поверенный при Московской судебной палате, даря дочери вместе с именем судьбу.

Таинственная женщина. «Муза русского авангарда», как назвал ее Пабло Неруда, сестра французской писательницы Эльзы Триоле, жена критика и литератора Осипа Брика и возлюбленная Владимира Маяковского.

«Это было нападение, Володя не просто влюбился в меня, он напал на меня. Два с половиной года не было у меня спокойной минуты – буквально. И хотя фактически мы с Осипом Максимовичем жили в разводе, я сопротивлялась поэту. Меня пугали его напористость, рост, его громада, неуемная, необузданная страсть. Любовь его была безмерна. Володя влюбился в меня сразу и навсегда, – пишет в своих воспоминаниях Лиля Брик. – *Я любила заниматься любовью с Осей. Мы тогда запирали Володю на кухне. Он рвался, хотел к нам, царапался в дверь и плакал»,* – призналась она же Андрею Вознесенскому.

Факт 2

Мужу она была обязана появившейся в ее инициалах буквой «Б», так как со дня свадьбы ее полное имя звучало как Лиля Юрьевна Брик, сокращенно Л.Ю.Б. Посвящая ей стихи, Маяковский подписывал их: «Маяковский Л.Ю.Б.». Инициалы Л.Ю.Б. были выгравированы на одинаковых кольцах Лили и Владимира, сливаясь в бесконечную ЛЮБЛЮБЛЮ. Именно эти буквы будут высечены на огромном валуне в месте, где друзья через много лет развеют прах музы русского авангарда.

Факт 3

«А если бы Ося женился, вы бы огорчились?» – поинтересовалась как-то приятельница Лили Брик Рита Райт.

«Этого не может быть! И никогда про это не говорите», – ответила Лиля.

Позже, когда Осип Максимович сошелся с Евгенией Соколовой, Лиля подружилась с соперницей. И когда Осип Брик в 1945 году умер от инфаркта миокарда, долгое время помогала ей

материально.

Факт 4

Они жили втроем – Осип, Лиля, Владимир и часто вместе путешествовали. Вынужденная мириться с подобными неудобствами, Женя[13] обосновалась по соседству, куда приходил к ней Осип. Предпочтительно днем. Ночью он должен был спать в своей постели, так как утро и вечер тройственный союз традиционно проводил «своей семьей».

Но если Евгении разрешалось ездить с Осипом по стране, заграница была территорией, куда Лиля вывозила своих мужчин или позволяла вывозить себя.

Факт 5

«Володя такой большой, что удобнее индивидуальный гроб, чем двуспальная кровать». Путешествуя с Маяковским, они не оставались ночевать в одной комнате на одной кровати. Это было правило.

Правила устанавливала Лиля. Лиля была всегда права.

«Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

Глухо.

Вселенная спит,
положив на лапу
с клещами звезд огромное ухо».

Факт 6

Маяковский называл Лилю «Киса», «Лисичка», «Мой любимый Лилятик»:

«Дорогой Мой Милый Мой Любимый Мой Лилятик! Я люблю тебя. Жду тебя, целую тебя. Тоскую без тебя ужасно-ужасно. Письмо напишу тебе отдельно. Люблю.
Твой Твой Твой».

Она называла его «Щен», «Щенок», «Щеник», «Волосик»:

«Волосик, Щеник, Щенятка, зверик, скучаю по тебе немыслимо! С Новым годом, Солнышко!

Ты мой маленький громадик!

Мине тебе хочется! А тибе?

Если стыдно писать в распечатанном конверте – пиши по почте: очень аккуратно доходит. Целую переносик и родные лапики, и шарик, все равно, стриженый или мохнатенький, и вообще все целую, твоя Лиля».

Факт 7

«…если бы у меня был сын, то он наверняка загремел бы в 37-м, а если бы уцелел, то его убили бы на войне», – Лиля решила не иметь детей ни от Осипа, ни от Владимира. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит.

В самом начале отношений с Владимиром Маяковским они договорились честно сказать друг другу, если почувствуют, что их чувства охладели. Весной 1925 года Лиля в одностороннем порядке выполнила условия договора. Маяковский был безутешен.

Факт 8

Лиля считала буржуазным скрывать свои романы и связи на стороне и возмущалась, когда ее взгляды не разделялись другими. Из-за ее отношений с кинорежиссером Львом Кулешовым его супруга актриса Александра Хохлова сделала попытку самоубийства.

«Что за бабушкины нравы?» – возмутилась Лиля, когда ей сообщили о чуть не произошедшей трагедии.

Факт 9

Когда Маяковский влюбился в Наталью Брюханенко, Лиля запретила ему вступать с ней в официальный брак. Великий поэт подчинился. Несмотря ни на что, Лиля дружила почти со всеми его женщинами, ревновала она лишь к Татьяне Яковлевой – русской эмигрантке, с которой Маяковский сошелся в Париже.

Узнав, что Владимир посвящает Яковлевой стихи, Лиля написала ему: «Ты в первый раз меня предал!».

Факт 10

Маяковский хотел, чтобы Татьяна переехала к нему, та же по понятным причинам желала жить во Франции. Гуляя вместе по Парижу, Владимир и Татьяна говорили о Лиле и даже вместе выбрали ей прощальный подарок – автомобиль «Рено». В то время

это было невероятно! Лиля стала второй женщиной-москвичкой за рулем. Казалось бы, она получила отступного и теперь не должна мешать их счастью.

Согласно долгое время бытовавшей версии, Маяковский должен был явиться в 1928 году за Яковлевой в Париж, но его не выпустило за границу ОГПУ. На самом деле, как писал об этом Валентин Скорятин, проведший немало времени в Государственном архиве, Маяковский даже не подавал просьбу о выезде. Невеста напрасно прождала его и через какое-то время сочеталась браком с человеком, не связанным никакими обязательствами, клятвами и привязанностями.

Факт 11

Другие подруги Маяковского не спешили связать свою жизнь с жизнью поэта, так как понимали, что в любой момент между ними может возникнуть тень Лили и они останутся у разбитого корыта.

Последняя любовь Владимира Владимировича Вероника Полонская – актриса МХАТа и жена Михаила Яншина, отказавшись немедленно уйти от мужа и перебраться к Маяковскому в комнату на Лубянке, закрывая за собой дверь, услышала выстрел.

«Лиля – люби меня. Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь – спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят – «инцидент исчерпан»,
любовная лодка разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете и не к чему перечень
взаимных болей, бед и обид.

Счастливо оставаться. Владимир Маяковский» (предсмертная записка В. Маяковского).

«Если бы я или Ося были бы в Москве, Володя был бы жив», – писала Лиля сестре Эльзе.

Факт 12

После смерти Маяковского Лиля носила его кольцо с надписью Л.Ю.Б. на шее и вышла замуж за Виталия Примакова.

Осип снова был рядом с ней и как встарь они жили втроем.

«Я всегда любила одного – одного Осю, одного Володю, одного Виталия и одного Васю» (имеется в виду Василий Катанян – четвертый муж Лили Брик, с которым она сошлась после расстрела Примакова).

Факт 13

Лиля Брик прожила долгую и интересную жизнь. По ее собственному признанию, перед смертью ей явился Маяковский.

Всю свою жизнь Лиля Брик оставалась властной, способной принимать решения женщиной. Поэтому, когда в 86 лет она сломала шейку бедра и поняла, что отныне ей осталось только лежать колодой и что она становится обузой для своих близких, она покончила с собой.

«Приснился сон – я сержусь на Володю за то, что он застрелился, а он так ласково вкладывает мне в руку крошечный пистолет и говорит: «Все равно ты то же самое сделаешь».

Мертвые или вечно живые

В школе мы учимся по стихам давно ушедших поэтов, собственное чтение обычно тоже начинаем с классики. Как правило, первые стихи пишутся в подражание тому или иному любимому поэту. Пииты прошлого – умершие ныне поэты продолжают влиять на нас всю нашу жизнь, так что невольно начинаешь думать, что настоящая жизнь у людей искусства начинается уже после жизни бренной, земной. Мертвые или вечно живые поэты продолжают жить среди нас, время от времени нашептывая на ухо свои, а не наши строки. Есть даже такой термин «привет от…». Привет от Сергея Есенина, от Велимира Хлебникова и Владимира Маяковского. Я уже молчу о многочисленных «приветах» и посланиях от Владимира Высоцкого.

Мы живем в домах или ходим рядом с домами, где когда-то жили поэты, писатели, художники, невольно приобщаясь к их продолжающей жить духовной сущности. Что-то такое, что с годами и не собирается умирать, не покидает стен, за которыми писались романы, песни и стихи, где велись литературные дебаты. Нас цепляет Петербург Достоевского, потому что влияние его не ограничивается страницами романа. Те самые доходные дома и дворы-колодцы существуют в реальности. Есть даже специальные экскурсии по местам Федора Михайловича в Петербурге. Есть Петербург Достоевского, Петербург Блока, Пушкина…

Современные города, города, сохранившие в себе живую историю, в чем-то напоминают «Пикник на обочине» Стругацких. Помните, кто-то посетил землю, устроив на ней пикник, и уходя оставил… Ушедшие, но не оставившие нас в покое поэты и художники привнесли в наш мир что-то такое, что делает «наш» мир… (хотя кто сказал, что он «наш»?) миром, в котором очень сложно, а может быть, даже невозможно сделать что-либо принципиально новое, что-то, чего не было до нас. Как говорил в своих последних беседах с сестрой Артюр Рембо: нет свободы в творчестве, так как все было уже сказано до нас, единственная свобода – петь хвалу Господу, приближаясь через это к его престолу. Но так он думал не всегда, всю жизнь стремясь к свободе и разрывая любые пытающиеся захватить, опутав его по рукам и ногам, узы.

Мы пропитаны музыкой стихов живших на этой земле до нас и, возможно, продолжающих жить здесь по сей день поэтов. Поэтому мне порой и кажется, что времени нет, а все, что было,

есть и будет, происходит на каких-то параллельных пластах, имеющих сходство с лепестками розы Даниила Андреева.

Воланд из бессмертного произведения Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» говорит, что не собирается читать стихи поэта Ивана Бездомного, так как читал другие стихи. То есть стихи создаются не индивидуальным гением человека, но коллективным влиянием на него поэтов прошлого, грядущего, стихотворцев, окружающих нашего поэта, и людей, которые о поэзии в себе даже не подозревают, совершая поступки по степени своего безумства, тонкости или смелости доступные лишь истинным поэтам.

Стихи – многогранны, многослойны, сложны, причем даже те, что написаны нарочито простым языком. С этими вообще все непросто. Начнешь, бывало, разбирать такие стихи, и вот они – играющие в прятки с поэтами настоящего; поэты прошлого высовываются из-за строк. Чур-чура нас до утра.

– Кто сказал, что поэту для того, чтобы писать стихи, нужно какое-то горе или несчастье? – удивляется в своем интервью телевидению Борис Рыжий. – Настоящая трагедия поэта как раз в том, что он не может не писать в рифму. Был бы нормальным человеком – писал бы прозу, а тут… величайшее несчастье – этот дар. И зачем тут что-то другое?

Более чем уверена, что многие взявшие в руки эту книгу читатели будут удивляться, почему я пишу о Лиле Брик, Крученых или Есенине. Вот потому и пишу, что для того, чтобы понимать современную поэзию, необходимо учитывать тех, кто оказывал влияние на этих самых поэтов. Живя в Питере, мы, желая этого или нет, постоянно сталкиваемся с призраками тех, кто был здесь до нас. «Петербургский текст – это безумие», – сказал Андрей Битов на вручении премии им. Николая Гоголя в музее современного искусства «Эрарта» в 2010 году. Московский мистический текст – это «Мастер и Маргарита», крымский – это живущий по сей день в Коктебеле дух Волошина… Кавказ давным-давно пленен Лермонтовым. Мы в сетях поэтов и писателей, мы персонажи в чьей-то пишущейся нашей кровью и нашей радостью истории. Мы листья на Мировом Древе: подует ветер – и нет нас… Или наоборот: прилетит ветер, сорвутся листья и закружатся в воздухе, создавая ослепительную радужную арку, которая выгнется однажды надежным щитом над землей, не позволяя никаким пришлым бедам обрушиться на наших детей. И еще. Даже уйдя из времени настоящего, мы все же продолжим нашептывать, наговаривать, диктовать тем, кто останется жить после нас.

Мы любим эту жизнь, даже если она и не отвечает нам

взаимностью. Мы любим писать и живы, пока у нас есть возможность творить. А следовательно, мы бессмертны!

На крыльях гарпии

В альманахе НФ в конце 60-х годов появилась короткая фантастическая повесть Георгия Гуревича «Крылья гарпии». Прочитал ее Андрей Балабуха и был так обрадован и поражен, что сразу же написал восторженное письмо автору.

«Дорогой Георгий Георгиевич! – писал молодой тогда Балабуха. – Как здорово, что вы фантаст старшего поколения, выросший на фантастике ближнего прицела, в развитие которой вы внесли огромный вклад. Как замечательно, что вдруг вы пишете вещь совершенно в другом стиле! Насколько, оказывается, вы способны расти и меняться вместе со временем. Это же фантастика совершеннейшая!!!».

На что Гуревич ответил неожиданным горестным письмом:

«Что вы, Андрей, это же когда-то была моя первая повесть».

То есть ему ее когда-то задробили и она увидела свет только через двадцать лет после написания. Вот и не верь потом, что новое – это всего лишь хорошо забытое старое. Хотя в этом случае даже не «забытое», а чудом сохранившееся.

Крученых

Когда Алексей Елисеевич Крученых умер в возрасте 82 лет, Корней Чуковский записал в своем дневнике: «Странно. Он казался бессмертным… Он один оставался из всего Маяковского окружения».

– Крученых верил в возможность бессмертия, в то, что когда-нибудь ученые изобретут средство против смерти, и стремился дожить до этого благословенного времени, – рассказывает лично знавший его поэт Константин Кедров. – Крученых верил, что все беды происходят от микробов. В доме у него все чашки были черными от марганцовки, которой Алексей Елисеевич обязательно протирал посуду перед употреблением. Посещавшая поэта у него дома Лидия Борисовна Лебединская была поражена цветом его посуды.

* * *

– В ЦДЛ Крученых заходил по удостоверению Союза писателей, которое он демонстрировал очень странно, как будто бы боялся, что документ могут отобрать. Как-то боком, почти что не вынимая из кармана, – рассказывает Константин Кедров. – Дело в том, что в Союзе писателей того времени существовала процедура переаттестации, которую литераторы меж собой называли «переарестацией». По итогам которой вполне могли отобрать членский билет. Это было страшно! Любого писателя практически в любой момент могли вызвать в секретариат и попросить отчитаться о проделанной работе. Чем бы он отчитывался?

дыр бул щыл
убешщур
скум
вы со бу
р л эз

Его могли спросить: «Где ваши стихи о Родине? О партии?» И что тогда?

Это было страшное время, тогда удержаться на плаву могли только люди с сильной и надежной «крышей».

Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Василий Аксенов –

все они обладали мощнейшими покровителями.

Аксенов был женат на дочери нашего посла в Англии, у Беллы мама была могущественная вельможная особа, Вознесенский…

Крученых ничем подобным не располагал. Он ходил в ЦДЛ, всякий раз ожидая вызова на комиссию, грозной переаттестации, того, что, возможно, его вообще никуда не пустят, отобрав драгоценные корочки. Тем не менее, он не только шел в ЦДЛ, но еще и тащил туда литераторов, не являвшихся членами СП.

На поэта Крученых ЦДЛ-овская обслуга неизменно смотрела свысока, чуть ли не с презрением: мол, ходят тут всякие. И она же подобострастно кланялась Симонову.

В тот день, когда Кедров проник в Центральный дом литератора в компании Алексея Елисеевича, Крученых повел его в ресторан при ЦДЛ. Там, сидя за столиком и разговаривая о литературе, Алексей Елисеевич тщательно, со всех сторон обжигал сыр. Микробы, опять эти опасные, жуткие микробы!!!

В тот день в ЦДЛ говорили о реализме. Реализм был в моде.

Крученых: Реализм это что-то очень мещанское, мечта мещанина о счастье. Все мещане мечтают, чтобы жизнь была реалистическая. Отсюда реализм – мещанская религия.

Кедров: Слово это французское. Не знаю, что означает.

Крученых: А я и знать не хочу.

Захотелось кофе. А ЦДЛ славился тем, что там варили приличный кофе. Вообще в Москве числилось несколько привилегированных местечек, где можно было попить кофе, но везде пропускали лишь по удостоверениям. В тот день кофе в ЦДЛ не завезли. Или завезли, но не для Крученых.

Тогда Алексей Елисеевич предложил пойти в Дом ученых, утверждая, что кофе там был. Правда, на полпути выяснилось, что «кофе там был, но до войны».

В Дом ученых их тоже долго не пускали, Крученых пытался доказывать, что он ученый.

Крученых: Я тоже ученый

Кедров: Я бедный студент.

Наконец их пропустили, но кофе там тоже не оказалось.

Через много лет, вспоминая этот эпизод с поиском в Москве

шестидесятых годов XX века кофе, Константин Кедров написал:

Однажды я беседовал с Крученых,
– Вы молоды, – сказал он, – вы умны.
Давай пойдем со мною в Дом ученых,
Там было кофе, правда, до войны.
И мы пошли с Крученых в Дом ученых,
Но не было там кофе для Крученых.

Грустный-грустный и веселый-веселый

– Днем после университета захожу в «Сайгон», – рассказывает Дмитрий Вересов, – там один мой знакомый, веселый-веселый, за столиком кофе пьет. Подходит другой знакомый – грустный-грустный. И между ними происходит следующий разговор:

– Почему ты такой мрачный?

– А почему ты такой веселый?

– Так у меня-то работа повеселее твоей.

При этом первый, тот, что веселый-веселый, – прозектор-патологоанатом Коля Ставицкий. А который грустный-грустный – клоун Вячеслав Полунин.

Весеннее настроение

Гуляем с Динькой по Александровскому парку. Важничаю, из себя заправского экскурсовода строю:

– Посмотри направо. Сирень расцвела, тюльпанчики красненькие – красота какая, а это дерево – каштан – свечками, точно на Новый год, украсилось. Это каменный грот, здесь фотографироваться можно, а это черемуха-красавица распустилась. Запах от нее… Вот там впереди Петропавловская крепость, тут акация расцветает, а это – мечеть. Видишь?

– Ага, – вдруг оживляется дочка. – Дай, я сама, как гид, попробую экскурсию провести. Вот акация, а это… Мама, смотри, мечеть-то как распустилась!

Баночка

По улице шла женщина изрядно в годах уже, но костюмчик, туфельки, сумочка, прическа, маникюр… из модного журнала, не иначе. Люблю, когда пожилые женщины стильно одеваются. А эта – картинка! Идет, каблучки цок-цок, цок-цок, легкий ветерок ее шелковую юбочку чуть шевелит, заигрывает значит. Аромат французских духов перемешивается с особым запахом элитной парикмахерской. Только что оттуда, а может, из спа-салона, а может…

Каблучки цок-цок, в дизайнерской сумочке дивная мелодия, дамочка достает телефон. У-у-у… смартфон дорогущий. Отвечает кому-то неспешно, грациозно.

Невольно ловлю себя на том, что иду за ней. Цок-цок, цок-цок. Леди подходит к магазину, останавливается возле урны, быстрым, отработанным движением извлекает оттуда пустую банку из-под пива, ставит ее на асфальт и тут же припечатывает роскошной туфлей. Раз! Банка превращается в аккуратный блинчик!

Да, профессионализм не загламуришь.

В тульском парке

В 2003 году город Тула отмечал столетие своего парка, возникшего в давние времена на месте городской свалки. Есть сведения, что приехавший в Тулу в 1918 году в поисках денег на стихотворный сборник Сергей Есенин бывал в тульском парке. Кстати, об этом красноречиво повествуют многочисленные плакаты, расположенные в городе и на подступах к нему: «Полюбил я ваш парк, я каждый день с наслаждением гуляю по его аллеям. Это самое лучшее, что есть в Туле» (С. Есенин).

Есенин действительно приезжал в Тулу вместе с поэтом Сергеем Клычковым.

Друзья-поэты сразу же поселились у владельца небольшого пивного завода Бориса Павицкого, где с успехом и провели недели две. Время от времени, устав от литературных разговоров, они катались за городом. По словам поэта Валерия Ходулина,[14] Есенин лихо управлял тройкой стоя в санях.

Никто не знает, удалось ли в результате Сергею Александровичу получить деньги на книгу, забыл ли он, зачем приезжал, или же благополучно пропил все на обратном пути.

О парке города Тулы поэт Андрей Коровин рассказал совсем другую историю. Вот она. Решила Тула отпраздновать столетний юбилей своего парка. Проводить церемонию был приглашен, как это и водится, любимец публики Леонид Якубович. Тот все выполнил честь по чести, и очень скоро администрация и специально приглашенные гости традиционно отправились бухать. Только – лето, жарко, время летит быстро, вроде утро раннее, четыре часа, а светло и никто не спит. Народ рассредоточился по парку пить пиво под кустами, воздухом дышать. Вскоре и из здания администрации города гости на воздух запросились. Да только занят весь парк – места свободного не отыскать. А как хочется.

– Ничего, ничего, знаю я одно местечко, там ни души, – подбадривает Леонида Якубовича мэр города Николай Тягливый. – Посидим на травке своей компанией, попьем, хорошо ведь.

Действительно, вывел к срубленному деревцу аккурат напротив здания мэрии. Посторонние туда не посмели заявиться, бутылок накидать да от широты душевной и скудости умишка напакостить.

Только душевно устроились, неведомо откуда появляется девица. Сама рыжа да пьяна. И движется причудливыми

зигзагами как раз к господину Якубовичу. И, что самое странное, охрана ее вроде как не замечает. То ли нечисть лесная, то ли своя она тут.

– Папа… – девушка проникновенно заглядывает в глаза Леониду Аркадьевичу, делая при этом выразительную паузу.

Якубович лихорадочно вспоминает, как давно он был в Туле и могла бы у него тут оказаться взрослая дочь.

– Папа, на фига вы сперли мою открывалку? – наконец заканчивает фразу девица, отчего ситуация не становится понятнее.

– Какую открывалку? При чем здесь я? – наконец находится Якубович.

– Папа, вы были недавно в Самаре?

– Был.

– С концертом?

– Да.

– Вы жили в номере с белыми мебелями?

– Жил. А в чем дело?

– Видите ли, папа, – девушка глубоко вздыхает, – после вас в номер въехала я, и когда мы с друзьями сели пить и играть в карты, вдруг выяснилось, что открывалки нет. Я обратилась к горничной, и та сказала, что только что из этого самого номера выехал артист Якубович, которому она выдавала новую открывалку. Так, папа, на фига вы сперли мою открывалку?

– Это местная сумасшедшая? – ошарашенный Якубович с надеждой смотрит на Андрея Коровина.

– Нет, это самая известная в Туле журналистка Таня Мариничева, – отвечает тот.

– Ой, – говорит Якубович, хватаясь за голову.

Немая сцена.

Коврики на конах

На одном из «Росконов» ночью, когда все перепились, делать было решительно нечего. И тогда компания во главе с Димой Казаковым скатала все коридорные коврики в рулоны. И в таком виде они пролежали достаточно долгое время. Все ходили мимо них, никто не обращал внимания. Мол, скатаны и скатаны. Значит, так и должно быть.

А вот в санатории «Подмосковье», где проходил «Басткон 2010» и где я услышала эту историю, все ковры намертво прибиты к полу гвоздями.

Без компромиссов

На первый «Роскон» из Польши ожидался высокий гость – мастер фэнтези Анджей Сапковский в сопровождении переводчика Эугеньюша Дембски. Встречать известного писателя было поручено Ирине Станковой. Поезд пришел без опоздания, народ начал выходить из вагона, мимо Ирины несли тяжелые сумки, носильщики перетаскивали коробки и чемоданы, а пана Анджея все не было. Давно ушел последний встречающий, разбежались по своим делам пассажиры, перрон опустел. И тут в вагоне произошло странное шевеление и на платформу прямо к ногам Ирины вывалился мэтр польской фантастики Анджей Сапковский собственной персоной. За ним на нетвердых ногах, но не теряя собственного достоинства, вышел Дембски, который первым делом направился к упавшему фантасту и зачем-то поправил его недвижное тело, видимо, сочтя, что тот лежит недостаточно выразительно. После чего Эугеньюш одним изящным отработанным движением поднял на ноги пана Анджея.

Приняв вертикальное положение, Сапковский отряхнулся и, весело взглянув на ошарашено хлопающую глазами Ирину, поинтересовался:

– Ну, где у вас здесь можно попить?

– Вот тут, пан Анджей, прекрасное кафе. Чайку? Кофейку? – вышла из ступора Ирина и тотчас была перебита недовольным фырканьем.

Фыркнув точно породистый кот, Сапковский отвернулся, демонстрируя крайнюю степень раздражения и обиды.

В то же мгновение Дембски с глазами, полными праведного гнева, подошел к Ирине, взял ее за руку и, проникновенно заглядывая в глаза, изрек: «Как вы могли так оскорбить великого польского писателя?! Как вы могли?! Кофе, чай… никогда… ничего, кроме водки!»

Раз – и…

В 2005 году в Киев на очередной конвент приезжал Анджей Сапковский. Слово за слово пан Анджей начал рассказывать о своем тяжелом детстве в голодной послевоенной Польше, где нельзя было выйти из дома без выкидного ножа. Причем нож нужно было навостриться открывать чуть ли не в кармане. Потому что кто-то подходит, а ты раз… и…

Говоря это, Сапковский вдруг вскакивает, осоловело глядя на собрание и ища взглядом, на ком бы показать, как бывает, когда раз… и…

Рискнуть здоровьем согласился Олег Силин. Сапковский выхватил из кармана воображаемый нож и нанес им быстрый отточенный удар пониже живота ассистента.

– Раз – и по яйцам! – пояснил он.

В тот же вечер на огонек зашли Олег Дивов и Светлана Прокопчик, и Сапковскому пришлось показывать свой фокус еще раз. Пан Анджей вытащил в центр комнаты Свету и к восторгам собравшихся, продемонстрировал на ней свой знаменитый удар.

– Раз и по яйцам!

– Но простите, пан Анджей, а как же быть с женщинами? – поинтересовалась Света. – Ведь у женщин нету яиц.

– Ничего, зато там есть артерия, – со знанием дела парировал писатель.

Блуждающий ресторан

В Москве есть один фантастический ресторан, который все время перемещается с места на место, так что если вы вдруг соберетесь посетить его, совершенно не факт, что он будет дожидаться вас там, где вы видели его в последний раз. Это трамвай-ресторан «Аннушка». Каждый день ходит он от памятника Грибоедова, доезжает до Покровки, где поворачивает и возвращается обратно, крутясь по предписанному ему колечку целый день. Но так было не всегда. Не всегда «Аннушка» была спокойным и благовоспитанным рестораном. Московские старожилы помнят его буйную фантастическую молодость, когда странный ресторан путешествовал по всему городу, возникая в самых неожиданных местах или пропадая, точно перемещаясь в другое измерение. Он мог заехать на университет или переместиться в Измайлово. Как карта легла, так и поехал. Поговаривали, что заколдованный ресторан открывает свои двери лишь перед теми, кто не думает искать его, и прячется от преследователей, ни за что не попадаясь на глаза или же обманывая ищущих ложными призраками.

Блажен жаждущий, рядом с которым вдруг открывал свои гостеприимные двери старый трамвай, волею воскресивших его из небытия проживающий свою вторую жизнь в качестве блуждающего ресторана.

И вот в один из дней, когда «Аннушка» еще гуляла по всему городу, точно потерянная после разлитого масла Аннушка Михаила Булгакова, приметили ее писатели Виктор Пелевин и Андрей Саломатов. Да грех было не приметить, когда «Аннушка» притормозила как раз напротив друзей, весело распахнувшись всеми своими дверьми, обнажая крохотные столики и соблазняя милыми сердцу запахами.

Забрались в трамвай Пелевин и Саломатов водку кушать. Начали скромно по 50 граммов, затем скакнули на 150, позже ограничили себя до 100, снова 150 и только после этого 200 граммов.

И так продолжалось до тех пор, пока уже весьма утомившемуся Андрею Саломатову не показалось, будто бы мимо трамвая прошел человек с мечом за спиной. Хороший такой меч, приметный. Саломатов Пелевина локтем толкнул, на неизвестного мечевластителя показывает: мол, глянь, брат, не галлюцинация ли сие?

Узрел ли Пелевин человека с мечом или что-то другое души

его коснулось, ангел либо демон, да только вскочил вдруг Виктор Пелевин, с диким криком вылетев из ресторана, прыгнул на колбасу встречного трамвая и с гиканьем умчался в черную ночь.

Иней

Ночью был туман, и сейчас все покрыто тончайшим инеем. Так что даже березки обрели белые иголочки.

Вот и их мечта исполнилась в новогоднюю ночь.

Об известности

На книжной ярмарке в районе метро «Тульская» в Москве вручалась премия «Филигрань». Огромное шумное помещение, куда члены оргкомитета и сами участники притащили столько спиртного, что у многих возникло ощущение, будто данная «Филигрань» вполне может стать последней в их жизни. В этот день фантасты гуляли особенно весело и широко, так что бедные уборщицы – благовоспитанные сотрудницы принимающей высоких гостей ярмарки испуганно жались к стенам в большом банкетном зале, не решаясь хотя бы на секунду выбраться на середину.

– Боже мой, неужели это те самые знаменитые писатели, те известные литераторы, о которых вы рассказывали нам? – с ужасом в голосе осведомилась у менеджера книжной ярмарки самая смелая из аборигенок, продолжая нервно наблюдать за беснующимися литераторами. На что менеджер, человек бывалый, ответила:

– А мы чем пьянее, тем известнее!

Лирическое наступление 1

Как метко заметил Александр Щуплов: «В России «биография» да и вся наша история делается анекдотами». Вот и я записываю события исторической значимости, «события давно минувших дней». Они ведь уже перешагнули грань настоящего, очутились в прошлом и теперь принадлежат ее величеству Истории. Когда-нибудь искусствоведы и историки будут читать эту мою книгу, выискивая в ней события, о которых не сообщит строгая энциклопедия или милая моему сердцу Википедия, но которые от этого не менее значимы и ценны.

И пусть вчерашние хулиганы, раздолбаи и весельчаки вдруг приобретут величественные черты официальных, различной степени крупности и величия исторических персонажей. Кто-то обзаведется с годами радужным нимбом, на чей-то сильно приукрашенный фотошопом портрет будут молиться юные впечатлительные особы. Но для меня важно сохранить их еще такими, какими помнят их и любят современники, по возможности не приукрашивая и не ретушируя.

И неважно, что в книге вместе со мной выстраивается множество других рассказчиков. Одному человеку не потянуть такую махину, не объять необъятного, пусть и очень хочется. Я вписываю в канву рукописи персонажа, а он вместо того, чтобы спокойненько занимать отведенную ему нишу, вдруг ни с того ни с сего начинает производить различные действия, махать руками и ногами, травить анекдоты, выдавая их затем за события, имеющие место быть в реальности. Иногда я ловлю их на полуслове, порой узнаю от других людей, что на самом деле все было совсем не так… И тогда я спорю со своими персонажами, звоню им по телефону, договариваюсь о встрече, снова записываю одну и ту же историю на диктофон и… А кто, собственно, сказал, что официально принятая версия априори единственно правильная?

И снова нелегкий выбор, ошибки и попытки их исправления. Да простит меня многострадальная Клио… У того же Щуплова в «Российской газете»: «Мы наш, мы новый миф построим». Может, и миф, может, и странную, местами страшную, а местами заразительно смешную и наивную сказку. Главное, чтобы Мнемозина не подвела, чтобы соткавшийся вдруг из воздуха Станиславский не прокричал своё знаменитое: «Не верю!». Чтобы не сбили, не сразили на полуслове всезнающие скептики.

Итак, мы продолжаем…

После бала

Первый «Роскон». 2001 год, дом отдыха «Боровое» в шестидесяти километрах от Москвы.

– Поскольку наша фантастическая публика и пьет фантастически, – вольготно расположившись в кресле, делится впечатлениями Дмитрий Володихин, – организаторы конвента утром после первой ночи, не сговариваясь друг с другом, прошлись по коридорам примерно с одной и той же целью… – голос Володихина при этом делается чуть глуше, словно он собирается поделиться тайной. Я невольно наклоняюсь к нему, боясь упустить интригу.

– Иду я по вестибюлю и вижу, что Эдуард Геворкян проходит вдоль рядов кресел и иных посадочных мест, внимательно приглядывается к углам, лавкам, заглядывает за кадки с пальмами и даже портьеры.

– Эдуард Вачаганович, случилось что-нибудь? Что-нибудь ищете?

– Да вот, смотрю, не завалился ли куда-нибудь мертвец.

Грустное

Несколько раз приходила на день рождения к Б., а он пьяный спал в своем углу.

Пила чай с женой Б., оставляла подарки, уходила. И так раз за разом, и так год за годом.

Кто печет блины

…А ведь я вспомнила эту пожилую даму с пивной банкой! Правда, в нашу первую встречу она была в ватнике и не благоухала дорогой парфюмерией, не цокала каблучками и не помахивала дизайнерской сумочкой. Наоборот, она с мрачным видом бродила по газонам вдоль девятиэтажного дома на Гражданском проспекте, тыча в землю лыжной палкой. Бумажки собирала, фантики всякие, сорванные рекламные объявления, и вдруг…

– Ой! – сказала старушка, подняла свою палку с нанизанными на нее, точно входные билеты в какой-нибудь допотопный кинотеатр, бумажками и, немного потрудившись, сняла грязный, пробитый посередине доллар. – Петровна, погляди-ка, чего ето? Никак валюта?

На зов к счастливице немедленно двинулись горбатая подельница с сизым носом и одутловатым лицом испытанной пьянчуги и молодой обкурок, меланхолично тыкающий своей палкой под окнами дома.

– А куда ж его теперь? Один-то, наверное, не поменяют? Побрезгуют, – заволновалась старушка, демонстрируя поживу.

– А ты поблизости поищи, деньги, они компанию любят. Небось рядом еще насыпано.

Все трое уставились в землю, словно под чахлой прошлогодней травой могли притаиться сокровища.

И тут точно из-под земли перед компанией возник милиционер.

– Ну, что у вас там? Доллар, – он заграбастал грязную бумажку, бережно разгладив ее на ладони.

– Ну ты у бабки взял, не побрезговал, – вступилась за подругу пьяница.

– Действительно, дядя, ты бы отдал деньги бабульке. Не от хорошей жизни она здесь.

Милиционер подул на доллар, затем аккуратно свернул и уже хотел положить себе в карман, как вдруг…

– Ой! – сказала бабка, взмахнув руками, и с силой вбила заточенное острие палки в ногу обидчика.

– Ааа… – завыл от боли блюститель порядка, теряя добычу.

Подхватив доллар, троица заковыляла во двор, то и дело оглядываясь на злобно матерившегося им вслед милиционера.

Молодцы!

Есть такое выражение: «богатство к богатству», а может, они правы и деньги действительно любят компанию. Хочется верить, что мент в тот день не поймал бабку и она, вернувшись на место преступления (говорят же, что преступников неизменно тянет на место преступления), нашла там целый сундук денег. Но это уже домыслы…

Может, конечно, это и не та бабка, а просто похожая. Но только если бы та, гламурная, никогда не жила в нищете, откуда тогда столь профессионально отточенное движение? Это ведь не каждый сможет – с одного удара из пивной банки блинчик сделать!

Парк Юрского периода

– Не могу я есть этих шоколадных зайчиков, мишек, лисичек! – беспомощно отталкиваю от себя вазочку со сладостями. – Сто раз говорила, с души воротит!

– Ладно, – мама пожимает плечами. – Диньке без разницы – хоть Снегурочку, хоть шоколадного Путина. Все схомячит.

По глазам вижу – не обиделась ни капли. Ну и ладно. Еще не хватало из-за ерунды поругаться.

На следующий день сажусь обедать и вижу – на тарелочке с голубой каемочкой целый рассадник монстров обосновался. Шоколадные уродцы с клыками, когтями, рогами. Парк Юрского периода! Динозавры, птеродактили, звери невиданные. Уничтожай – не хочу!

А ведь и вправду таких гадов кусать вовсе не жалко, только страшно уж очень. Придется отдать тем, у кого нервы покрепче.

Правило левой руки

– А вы тигра гладили? Какой он на ощупь? – спрашиваю я Бориса Федоровича Сергеева. В свете начала сбора текстов на «кошачий» сборник «Котэрра» вопрос отнюдь не праздный.

– Жесткая шерстка, жестче, чем у кошки. Впрочем, я больше общался с кошками килограммов эдак за сто, – улыбается Борис Федорович. Еще бы, с детства в кружке юных зоологов при Ленинградском зоопарке. С довоенного детства, разумеется.

Это сейчас детишкам в кружках юных натуралистов доверяют общаться с хомячками или, в лучшем случае, с кроликами. А тогда… В общем, Сергееву были поручены хищники!

– Как же вас, детей, подпускали к клеткам? Вас учили, как следует обращаться с животными? Что можно, а чего нельзя?

– А как же?! Первое правило кружковца – к животному протягивать только левую руку.

«Левую руку? Почему? – засуетились в голове мысли. – Правая рука у большинства людей основная. Животные считают правую руку более агрессивной, чем левая? Но левую руку в случае опасности отдернешь медленнее, нежели правую. Да и умеют ли они различать право-лево?»

Ничего не поняла.

– Почему левую? – вопросительно смотрю на Бориса Федоровича.

– А правую жальче, если откусят, – удивляется моей непонятливости собеседник.

Не поспоришь

Дедушка приходил, бывало, снимал носки и просил бабушку заштопать дырку.

– Хорошо, я ее заштопаю, только ты сначала их постирай, – миролюбиво отвечает бабушка.

– Не надо стирать, просто заштопай.

– Заштопаю, только сначала постирай.

– Да они же чистые! Всего день носил. Просто зашей дырку, это что, сложно?

– Нет, но сначала я все же постираю.

– Ну стирай, – вздыхает дед. – С тобой не поспоришь.

Бабушка победно выносит в ванную носки.

Про рукоделье

Моя бабушка работала художником по тканям. Впрочем, чего она только не умела делать – настоящая мастерица, да и все в ее семье с руками. Тончайшие кружева, матерчатые пуговицы, какие-то замысловатые фалды, цветы из лент. И, конечно же, вафельки… у меня так в жизни не получится, сколько ни учи.

Всем премудростям, которые ведала моя бабушка, научили ее мама и старшие сестры. Учили и в школе, но она всегда с неизменным отвращением вспоминала об этих занятиях.

«Придет училка, сядет посреди класса, снимет с ноги башмак, стянет старые-престарые вонючие чулки. И штопайте их на оценку».

По высочайшему повелению

Лето. Душно. Лиговка стоит, километровая пробка. Тесная маршрутка набита до отказа. Двоим даже места не хватило. Груди сгорбившейся у дверей женщины свисают под платьем, как два полупустых бурдюка. А солнце жарит. С каждой секундой, с каждым ударом сердца воздуха все меньше и меньше. Машина делает попытку продвинуться на метр и тут же встает.

Господи, а ведь уже почти что добрались до метро. Сейчас бы только двери открылись, и я – раз… Не получится. Машина застряла во втором ряду, до спасительного берега не добраться.

Берега? Почему я подумала о берегах? Воде? В сумке бутылка с минералкой, когда-то холодной и с газом. Глоток спасительной жидкости, но его нельзя тратить абы как. Только в экстренном случае, например когда сделается совсем невыносимо.

Надо на что-то отвлечься. Ах да, почему я подумала о воде? Жаркий день, машинная и человеческая вонь, медленное натужное движение…

И тут в голове проясняется. А ведь Лиговка когда-то действительно была каналом. Да каким там каналом – просто грязной канавой. Петровские солдаты рыли сквозь лес и надоевшее всем болото.

Согласно приказу Петра вода из Лигова должна была самотеком добраться до Летнего сада, заодно осушая окрестные болота. Вот какие у нас цари! Даже стихии могли приказать.

Двести лет просуществовал Лиговский канал, обмелел, зарос, испоганился. А потом его зарыли, проложив здесь Лиговский проспект.

Ах, вот в чем дело – стоячая вода! А ну, по приказу Петра Алексеича пошла… быстрей, быстрей…

Маршрутку тряхнуло. И вдруг, закачавшись, словно лодка, она поплыла, не задерживаемая больше уже ничем.

Вот что значит по высочайшему повелению! Помнишь, зараза, былые времена, когда не забалуешь, а как миленькая будешь радение выказывать на службе отечеству.

Я бы еще много всего сказала сей виртуальной канаве, но как назло в этот момент наша маршрутка действительно причалила к пирсу метро «Лиговский проспект» и я, оставив скверно воспитанную Лиговку в покое, поспешила по своим делам.

Вопль в ночи

Что за дурацкая карма: сначала мыть голову шампунем для выпрямления волос, а затем спать на бигудях?!

* * *

Часов шесть просидели с Виктором Беньковским над макетом нового сборника «Честь и радость». Он делает верстку, я проверяю, правлю, он снова выводит. И так час за часом.

Умаялись, убились. Потом я в «Теремок» побежала покушать, а Витька у себя дома остался отдыхать.

Подхожу к прилавку, над которым названия кушаний и ценники выставлены, смотрю – что-то не то. Первая колонка: заголовок «Блины» и ниже название блинов, второй столбец «Супы» и перечисление супов, третий – «Салаты». Только слово «салаты» не с первой строчки, а со второй, а на первой значится «Уха по-фински» – во втором столбце, должно быть, не уместилась.

– Непорядок у вас, – говорю и показываю на неправильное меню. – Верстка поехала.

После одного из таких мучительных дней родился моностих:

Отольются заказчику слезы верстальщика.

Мурр против вирусов

Налетели как-то на мой компьютер злобные вирусы. Прыгают по программам, словно бесы, и плодятся с такой скоростью – уничтожать не успеваешь. Бились мы вместе с Мурром целый день. Только почистит, а оно по-новой – сирена орет: «Система обнаружила новый вирус». Только запрешь заразу в хранилище, полечишь или удалишь – опять двадцать пять.

Устали оба. Мурр еле живой домой уехал. Проводила его до лифта и в полном изнеможении к себе вернулась.

Подошла к компу.

– Ну что, блохастая тварь! Вычистили тебя? Больше гадостей цеплять не станешь?

А в ответ металлическим компьютерным голосом:

«Вирусная база УТОМЛЕНА»!

Мурр и математика

Есть такие фокусы математические для детей, когда загадываешь какое-нибудь число, потом выполняешь кучу действий с ним и в результате получаешь его же. Мурр не верил, что так может получиться.

– Загадай число, – попросили его.

Загадал.

– Умножь, раздели, вычти, сложи. Получилось то же самое число?

– Нет.

– Ну как же так? Давай еще раз. Загадал? А теперь умножь, раздели… получилось то же самое число?

– Нет.

– Ну почему же нет? Какое число ты загадал?

– 31 апреля.

Мурр и весна

Весна. Мурр гуляет за руку с ребенком.

– Видишь, доченька, весна. Весной травка начинает расти. Тепло, солнышко выглядывает, деревья появляются…

Мурр и слава

Когда новые знакомые узнают, что Юля Черняховская – жена того самого Мурра из «Анахрона», на нее смотрят с восторгом, граничащим с преклонением перед божеством. Буквально: «Девушка, вы замужем за памятником!».

Наши в городе

Идут по Невскому проспекту в прекрасный солнечный день Мурр и Беньковский, рассуждают о смысле жизни. Навстречу им Лена Хаецкая в отличном настроении. Видит небритых, похмельных мужиков и думает: «Ну надо же, чтобы в столь распрекрасный день и такие страшные и понурые!» Подойдя поближе, внезапно: «Оп, да это же свои!».

Окурок

Человек с мечом вынырнул из метро, чуть не сбив с ног белую от пуха снежных ангелов старушку попрошайку и, пробежав через тихий, точно стыдившийся своего неоригинального вида дворик, оказался перед входом в картинную галерею. Не замечая ворчания смотрительницы, без билета и объяснений ворвался в зал и быстро зашагал мимо глазеющих на него со стен персонажей полотен Игоря Геко.

Поравнявшись с картиной «Белое или черное», где Иисус сидит за старым деревянным столом напротив безобразного дьявола, он остановился, силясь вникнуть в сюжет.

На коленях дьявола расположился жуткого вида уродец. Иисус держал на руках хорошенькую светлую девочку, предлагавшую дьяволу (а может быть, и зрителям) выбор «черное» или «белое». Какими играешь? Или на чьей стороне воюешь?

Человек с мечом стоял какое-то время, тяжело дыша и шевеля губами, точно разбирая по слогам невидимые письмена.

И вдруг… вдруг он различил знак, за которым пришел.

Из глаза девочки торчал потушенный в нем окурок!

– Пора, – прокаркал меченосец и, резко развернувшись, узрел перед собой странного человека с пышной копной седых волос и с белой бородой. Лицо незнакомца было светлым, напоминая кого-то, в больших голубых глазах стояли слезы.

– Да как же? Да кто же посмел? – запричитал над изуродованной картиной художник Игорь Геко. – И главное – почему ее? За что его-то? Не дьявола? Не монстра? А саму чистоту?

Человек с мечом посторонился, когда художник отодвинул его, бросившись к своему поруганному детищу.

– Глазик я тебе промою, подкрашу, будет лучше прежнего, – засуетился-защебетал Геко.

– Мы тебя вылечим, вычистим, осветлим, по головке погладим, в щечку поцелуем – боль и пройдет, – заговорили, заворковали, загулькали фавны и лешие на картинах, запели заколдованные леса, в каждой небыли которых отражался образ самого художника.

– Зло нанесло удар, но добро все равно восторжествует, – кивнул человек с мечом и уже не торопясь проследовал к выходу.

* * *

– Была у меня история, – Игорь Геко на несколько секунд снимает ткань со стоящей у стены картины, отходит на шаг, всматривается. – Однажды в 1996 году устраивал я «персоналку» в залах кинотеатра «Баррикада». И вот, проходя по выставке, смотрю на картину «Белое или черное» и замечаю странный дефект – как будто лицо девочки слегка сморщилось, искривилось. Когда пригляделся – понял. Кто-то воткнул ей в глаз грязный окурок.

История одного бомжа

Меня убили. Мозг втоптали в грязь.
И вот я стал обыкновенный «жмурик».
Моя душа, паскудно матерясь,
сидит на мне. Сидит и, падла, курит!..

Аркадий Кутилов

Весной 1985 года в Омске в сквере около транспортного института был обнаружен труп бродяги (лицо БОМЖ, как это было отражено в милицейском протоколе). Обстоятельства смерти неизвестны. Впрочем, труп был опознан достаточно скоро. Им оказался поэт Аркадий Кутилов, бродяжничавший уже семнадцать лет.

Пролежавшее несколько недель в морге тело Кутилова не было востребовано ни родственниками, ни друзьями, ни товарищами по перу. Аркадий был похоронен за счет государства, место захоронения до сих пор неизвестно.

«Опознан, но не востребован». Так озаглавил статью об Аркадии Кутилове Геннадий Великосельский.

Аркадий (на самом деле Адий) Кутилов писал стихи, прозу, подвизался в журналистике. Был отмечен Твардовским, признан в литературных кругах Омска.

В юности во время прохождения срочной службы в армии Кутилов с группой друзей раздобыли где-то антифриза, устроив мощную гулянку на территории части. До утра дожил один лишь Аркадий.

После того как тела погибших солдат были отправлены родителям, а Кутилов вышел наконец из госпиталя, его жизнь изменилась. По словам знакомых, Кутилов будет нести груз этих смертей до конца, разбивая свою жизнь вдребезги и не позволяя себе хотя бы на время наладить отношения с окружающим миром.

Он будет рисовать, писать, пытаться публиковаться… Но еще он будет страшно пить.

Из-за пристрастья к алкоголю он сделается изгоем. Постоянно увольняемый, преследуемый молвой, в конце концов он бросит все и начнет бродяжничать.

«А ведь при жизни ни один сосед//Не приглашал поэта на обед», – написал в свое время Роберт Бернс. Приглашали или нет, но думаю, что находились добрые души, пытавшиеся спасти поэта от пропасти, к краю которой он стремительно катился. Только ведь это страшный крест – тащить на себе алкоголика, муж он, друг или поэт…

Часто, знакомясь с трагическими биографиями поэтов, художников минувших лет, потомки утирают слезы, восклицая: «Если бы я оказался рядом с этим святым человеком, я бы тогда…» Нет, святой – это тот, кто несет сей страшный крест, ежедневно поддерживая хрупкий огонек жизни в другом, кто этой самой жизнью не дорожит и спасибо за жертву не скажет.

А Кутилов уж никак не святой. Он просто поэт каких еще поискать. Очень жаль, что мы так мало о нем пока знаем.

Стихи мои, грехи мои святые,
Плодливые, как гибельный микроб…
Учуяв смерти признаки простые,
Я для грехов собью особый гроб.

И сей сундук учтиво и галантно
Потомок мой достанет из земли…
И вдруг – сквозь жесть
и холод эсперанто —
Потомку в сердце
Грянут журавли!

И дрогнет мир от этой чистой песни,
И дрогну я в своем покойном сне…

Моя задача выполнена с честью:
Потомок плачет.
Может, обо мне…

Пропущенная встреча

– Конец восьмидесятых. Заезжаю к Вовке Шинкареву. Как всегда, напились, и тут звонит Сапега, говорит, что у него тоже интересная встреча и чтобы мы быстренько собирались. А мы – ну просто никакие, – рассказывает Дмитрий Вересов. – Ну в общем не пошли. Проходит неделя, другая, и вот встречаю я на улице Сапегу.

«Интересная была тусовка, жаль, что вы не приехали, – сокрушенно качает головой он, – многое пропустили. Впрочем, у меня запись осталась, хочешь послушать»?

– Короче говоря, взял я кассету и прослушал запись, – Дмитрий делает выразительную паузу. – Представь себе – трио. Три пьяных мужских голоса проникновенно тянут «Летят утки». И эти трое…

Он снова останавливается, испытующе глядя на меня.

– И эти трое – Цой, Башлачов и Майк Науменко!

Вот какую тусовку я, оказывается, пропустил! Не застал, но запись слышал.

Пожелания

Поздравила «ВКонтакте» поэта Арсена Мирзаева. Написала кратко: «Поздравляю!!! Здоровья, денег, любви!!!»

Арсен ответил: «Спасибо, Юля! И тебе – всего самого несбыточного!..»

Медведев

На очередном дне рождения Пушкинской, 10, – 26 июня 2010 года я запланировала встречу с известным в прошлом правозащитником, а ныне художником и писателем Юлием Рыбаковым. Готовясь к встрече, проконсультировалась у знакомого по поводу политической карьеры Юлия Андреевича. Сама-то я в политике ни бум-бум.

Вернулась вечером домой, звоню, докладываю: мол, видела знаменитого политика и поговорила с ним несколько минут.

Интересно другое: весною на выставке я дарила Рыбакову свою книгу «Многоточие сборки» и еще экземпляр просила передать Медведеву.

– Угу, – говорит знакомый, отчего-то вдруг сделавшись немногословным.

– Так что ты думаешь, он Медведеву книгу так и не передал. Сам Медведев на выставку заявился, совершенно стеклянный и «Многоточие сборки» требует. Я объяснила, что книжка у Рыбакова. Он завелся. Хотел уже идти ругаться, экземпляр вызволять. Ну я ему, лишь бы не скандалил, тут же книжку подарила.

– Стоп. Как Медведев явился на Пушкинскую, когда он в Москве?

– Да в какой Москве? Здесь. Я же говорю – бухой на выставку приперся.

– Кто?! Медведев бухой?!!

– Ну, да.

– Какой Медведев?

– Николай.

Забавно, а он, оказывается, на президента подумал.

Эрмитажная сказка

Раз в месяц писатель С. «брал Зимний». Не так, как грубые, пьяные матросы в октябре семнадцатого, а планомерно, раз за разом. Точно входящий в супружескую спальню муж. Каждый раз он брал Эрмитаж с нежностью и упорством, удаляясь затем с чувством исполненного долга. Стены Зимнего дворца давно запомнили странного посетителя, являвшегося регулярно каждый первый четверг и вышагивающего затем по залам главного в Питере музея.

Подобно тому как барон Мюнхгаузен вставал с постели с непременным намерением совершить подвиг, как христиане берут на себя добровольное обязательство читать по главе Евангелия в день, С. добросовестно и обычно в отличном расположении духа в любую погоду, мучаясь от вынужденной человеческой близости в общественном транспорте, заслоняясь рукой от ледяного ветра, перемешанного с дождевыми каплями и осколками зеркала, разбитого троллем, шел к своей цели.

Раз в месяц год за годом он восходил, воспарял по беломраморной лестнице, походя или церемонно здороваясь с беломраморными богинями. Богини тоже были разными. Со многими из них у писателя сложились особенные доверительные отношения. Так что ни богини, ни уважаемый прозаик давно уже не обижались на некоторую разрешенную в среде своих фамильярность.

«Ан не закрыли в этом году окна должным образом, непорядок. Нерадение!» – придирчиво приглядывался к рамам С., трогая большим шероховатым пальцем не тронутые замазкой щели.

«Пустое, – чревовещала белоснежная Ника, – сквозняки и сырость вредят картинам. Да вот еще, возможно, снова простудится бабушка, уже сколько лет греющая стул в углу».

«Бабушка! Да ты, должно быть, выжила из ума, подруга. Слышали! Бабушка. Сразу видно, что создатель не наделил тебя и каплей наблюдательности и ума. Бабушка! Каково?! – весело вступала в спор крутобедрая Мнемозина (откуда она взялась в Эрмитаже, не из Летнего же сада прилетела потолковать о жизненных перипетиях), – бабушка… А вот умеющие мыслить и подмечать детали люди скажут тебе, что еще совсем недавно на этом самом стуле сидела отнюдь не старушка, а похожая на букетик незабудок юная девушка, только-только закончившая искусствоведческое отделение.

Когда ее не станет, когда ссохнется человеческая красота,

перетекая в картины и статуи, на месте старой сотрудницы музея, на этом самом стуле, на котором прошла ее жизнь, появится букет незабудок».

«Могу ли я, Ника Аптерос, помнить какую-то девушку, перетекающую в бабушку? Ее красота, молодость и радость рано или поздно перейдут в нас, если только уважаемый сочинитель не сочтет нужным сохранить их в стихотворении или эссе. Ну что? Так и будете любоваться на мраморную, не знающую целлюлита наготу или же напишете пару строк о спящей в углу старушке?»

«Может быть, и напишу, – пожимает С. плечами, – хотя…»

«К чему писать о бренном, когда есть вечное? Ускользающая красота может протечь сквозь пальцы, не оставив и следа воспоминаний. Нет смысла воспевать обыденное и каждодневное – все равно оно исчезнет, обратившись в прах. Останется только…»

Писатель застыл на месте, боясь спугнуть летающий над ним призрак мудрейшей Мнемозины.

«Останется и не канет в Тартар, не достанется мраку, не исчезнет в суете веков то, к чему человек прикладывает частичку своего сердца, – принялась за поучения старая труженица Мойра, – то, во что он верит всей душой. И бабушка-девушка – прекрасна, потому что отдала свою молодость и жизнь Эрмитажу. Умерев, она будет вечно жить в его стенах, пока стоят эти самые стены.

Сохраняют частичку жизни художники и скульпторы, продолжающие жить через свои произведения. Писатель постепенно истончается, списывается как карандаш, переходя в строки. Вензеля, закорючки, строгие компьютерные дорожки – если в них есть душа, то они – суть продолжение жизни, шаг к бессмертию.

Люди привыкли думать о каретах и паланкинах, сандалиях и плащах, об оружии и месте, где можно отдохнуть после работы или долгого пути, об очаге и похлебке. Но кроме вещей необходимых есть и иные, те, что на первый взгляд кажутся ненужными, а на самом деле… Картины и изящные вазы, дорогое оружие и украшения, созданные ювелирами, – все то, что хранит в себе тепло жизни и любви уже после смерти создавших их мастеров, – все это пропуски в вечность.

Стяжая блага от суетного, получишь лишь сиюминутный выигрыш. Халкос – медный грошик. Купишь на них маленький двойной или пирожок с сомнительной начинкой. Проглотишь – и всё.

Служи вечности и воздастся тебе от людей грядущего, верь мне!» – голосила мраморная Мойра, ловко крутя в руках шустрое

веретенце с суровой ниткой писательской судьбы.

«Хотя бы шерсть пряла стерва, к зиме дело, – подумал было С., но тут же осекся. По уму для пиита тетка должна была тянуть тонкую шелковую нитку. Для Пушкина шелк – хоть для основного полотна, хоть для вышивки. Для Набокова. … Нет, суровая нитка – стало быть, прочная, грубая, неизящная. Ну да ничего. Протрутся шелк и бархат, батист и вельвет – все что угодно, но суровая нить – в последнюю очередь. А ничего, судьбу мне спрядет старая зануда, полотно соткет, а потом нужно будет непременно проверить, чтобы двойной шов сделала. Главное проследить, а то потом намаешься…».

«Слушай меня, смертный…», – гнула свое Мойра.

«Свои бы мысли все передумать, – отмахнулся писатель, – смертный. Вот именно что смертен! Времени в обрез. И еще столько всего сделать нужно, а она…»

«Не смей отворачиваться от меня – богини судьбы! Ну хотя бы посвящение прими. – Мойре сделалось не по себе оттого, что впервые ею пренебрегли, да еще кто, не какой-нибудь простой пахарь или кузнец, которые и сами, лучше любых богов наперед знают свою судьбу, потому как все судьбы их похожи, точно черенки от лопат, а вроде как вполне приличный, респектабельный дядя, мыслящий, можно сказать, культурный, и вдруг такое. – Ты что же, совсем в судьбу не веришь?»

«Почему не верю? – С. остановился, по привычке зачесывая назад сбритые недели две назад волосы. На стене его двойник повторил жест, тряхнув густой длинной гривой. – Просто, вы же плетете все по старинке, ткете на станках далекого прошлого, кроете по вышедшим из моды лекалам, а мне надо…», – он махнул рукой.

– «Инженер человеческих душ! Ишь ты, – зашипела Горгоной Мойра, – по старым лекалам… видали! Да где же это видано, чтобы смертный избежал участи идти от рождения к смерти, шаг за шагом, от капли, личинки, зародыша, чада – к сокровищнице своей жизни? Чтобы расцвести дивным цветом, сбросив лепестки желаний. И обессиленному, утомленному жизнью и любовью улечься в манящую долгожданным покоем могилку?

У тебя же все не так, все не как у людей. Хочешь начать с середины? Хочешь без проволочек стартовать? Будучи зрелым мужем, начать жить сызнова? Начать от центра, а не от края, как все людишки? Что же, будь по-твоему! – Она захватила кривыми зубами суровую нить и, перекусив ее в двух местах, отбросила в сторону кусок жизни, быстро связав готовые вырваться из ее старческих рук два обрывка. – Итак. Смотри и слушай. Слушай и внимай. Ты родился только сейчас. Сколько тебе? Сорок? Больше?

Не перебивай, пока остальные нитки не разорвала да, растерзав, к богам подземным не забросила. Ух, и довел же ты меня! Ох и рассердил. Ты начнешь жизнь с этого дня, начнешь со всем приобретенным ранее опытом, со всеми потерями, невзгодами и болезнями, какие успел набрать.

Сегодня ты пойдешь на старт. И чтобы шел вверх! Хочешь не как все люди, хочешь с середины – будет по-твоему, только уж не плачь. Друг плечо не подставит – нет больше у тебя друзей! Прошлое оторвано и перечеркнуто. За спиною ни крыльев, ни котомки. Ногами, своими ногами по земле-матушке иди. А ну, пшел отсюда! Что сказать нужно?»

– Да пошла ты! – С. досадливо повел плечами. Крыльев действительно не было. А ведь могла, хотя бы ради чистого эксперимента. Богиня… мда.

– Чего-чего?

– Спасибо, – он улыбнулся. И вдруг, резко крутанувшись на месте, вырвал веретено из рук не успевшей отреагировать Мойры. – А вот нить своей собственной судьбы я чур с этого дня плету сам. Поняла? – И С. весело подмигнул судачащим вокруг богиням и пошел своей дорогой.

– Он обязательно вернется через месяц, вот увидите… – засуетилась вокруг обескураженной Мойры старушка-смотрительница. – Он каждый месяц сюда приходит. Помнится, была я девушкой – так он тоже приходил. Суровый такой, серьезный…»

За спиной старушки шумно стрекотали стрекозиные крылья. А на стуле, на котором она привыкла сидеть, лежал букетик незабудок.

Сила искусства

Пригласил как-то Ларионов Четверикова в гости культурно отдохнуть, так сказать, музыку послушать. Музыку – новый концерт «Альфы», правда, Виктор Четвериков сам принес, он тогда в Доме молодежи на дискотеке подрабатывал, отчего всегда мог разжиться интересными записями.

Хорошо сидят. Магнитофон «Юпитер» орет на всю округу песню «Гуляка» – ту, что на слова Сергея Есенина «Отчего прослыл я хулиганом, отчего прослыл я скандалистом», катушки исправно крутятся, дверь на балкон распахнута – слушай народ, не жалко.

Закуски на столе вдоволь, выпивки еще больше. Настроение расчудесное!

И вдруг в проеме балконной двери (восьмой этаж!), за которой лишь черное небо, светящиеся окна да крыши ближайших домов, перед изумленными приятелями… нарисовалась всклокоченная тетка в старом халате и в тапочках на босу ногу.

Одно слово – «допились»: ужасы мерещатся.

Ларионов моргнул и на всякий случай ущипнул себя, прогоняя видение. Но странная баба и не подумала исчезать. А вместо этого нежно улыбнулась ничего не понимающим мужикам и попросила еще раз поставить песню про московского гуляку.

Оказалось, что соседка услышала волшебные строки Есенина и, не выдержав, перелезла через решетку балкона, не убоявшись ни высоты, ни того, что могло ждать ее в соседской квартире.

Вот что называется сила искусства!

Ну и налили ей, конечно.

Приезжайте к нам… в Сосновый Бор

На одном из «Интерпрессконов» подходит к Балабухе Ларионов. Естественно, уже весьма поддатый, но при этом, надо отдать ему должное, на ногах держится твердо, по прямой движется сносно и вполне способен к членораздельной речи. С высоты своего роста облапил Балабуху Ларионов:

– О, Андрей Дмитриевич! Как я рад тебя видеть!

– Володенька, я тоже!

– А помнишь, ты приезжал к нам в Сосновый Бор?

– Ну конечно, помню.

– И Шалимов к нам приезжал.

– Да, помню.

– А вот Шалимова уже нет, – сказал Володя Ларионов и пошел дальше.

Вечером они встретились в коридоре, и Володя Ларионов, падая на грудь Андрея Дмитриевича, снова повторяет, как он рад его видеть:

– А ты помнишь, к нам в Сосновый Бор приезжал Снегов?! А ведь Снегова уже нет…

На следующее утро в столовой Ларионов, обнимая Балабуху, сообщил, как он рад его видеть.

– Ты меня уже в третий раз рад видеть, – на всякий случай насторожился Андрей Дмитриевич.

– А ты помнишь, как приезжал к нам в Сосновый Бор? А ведь в Сосновый Бор приезжал и Щербаков Александр Александрович! А Щербакова уже и нет…

За обедом в той же столовой он снова был рад видеть Балабуху, тонко намекнув, что нет Брандиса.

За ужином он радостно сообщил, что из тех, кто побывал в Сосновом Бору, нет Георгия Бальдыша.

Таким образом за три дня «Интерпресскона» он перебрал около девяти человек. Когда участники конвента собирались разъезжаться и уже садились в автобус, Ларионов снова был рад видеть Балабуху.

– Приезжай к нам в Сосновый Бор, а то и тебя не будет, – сказал он на прощание, стискивая Андрея Дмитриевича в своих богатырских объятиях.

– Спасибо. Володя. Теперь уж я точно туда не поеду, – ответил Балабуха. И не поехал.

О Саломатове

Последний день одного из Росконов: затянувшаяся пьянка, глубокая ночь, в банкетном зале стоят уставленные остатками напитков столы. Глеб Гусаков с Алексом Орловом допивают все то, что еще можно допить. В коридоре пьяная компания, на Андрее Саломатове бессильно висит писательница Маша С. Подходят Орлов и Гусаков. Маша мутным взором смотрит на Гусакова, отрывается толчком от Саломатова и повисает на Гусакове. Саломатов переводит на Глеба изумленный взор:

– Маша, ты меняешь меня на него. МЕНЯ на него? Меня на НЕГО?!!

Маша мычит нечто нечленораздельное. Саломатов смотрит на бейдж Гусакова.

– Глеб! Я прошу тебя, береги ее! Береги ее, Глеб!!! Маша – она такая, Маша она… – затихает.

– Спокойно, – Глеб находит глазами соседку Маши по комнате. Они берут сомлевшую девушку под руки и тащат, ноги ее безвольно волочатся по коридору. Саломатов остается в той же прострации.

Учат в школе

Динька подделала мою подпись в дневнике. Иду домой, мысленно перебираю возможные казни. Телевизора она лишена до конца недели за драку, к компу не допускается за хулиганство на уроке. Иду, злоблюсь. И вдруг в голове возникает простой вопрос. А с какой это стати я оплачиваю ребенку художественную школу, если она на втором году обучения простую подпись толком срисовать неспособна? Это чему их там учат?!

Нет, так дело не пойдет – нужно будет поставить вопрос на родительском собрании. А то как ребенка ругать – все горазды, а как научить чему-нибудь жизненно полезному – никого!

Белый кот – не белый стих

1999 год. Я пришла к Виктору Кривулину с просьбой поучаствовать в новых стихотворных сборниках «Actus morbi» (свидетельство о смерти) или «Проникновение» (сказки, фантастика, иная реальность). Уфлянд уже дал согласие, и мы с ребятами надеялись, что имя Кривулина придаст проекту вес.

Сложность заключалась еще и в том, что после этих книжек планировалось выпустить несколько сборников в подготавливаемой Морозовым[15] антологии, выходящей под эгидой Союза писателей России, в то время как Кривулин принадлежал к СП Петербурга. Я подарила несколько книжечек, и Виктор Борисович пообещал ознакомиться с ними и решить, давать стихи или нет.

Когда я уже собралась уходить, вместе с хозяевами провожать меня вышла серая мохнатая кошка по имени Сова. Во всяком случае именно так представили красавицу хозяева. За кошкой, гордо задрав хвосты, шествовала ее свита – сын и дочка, при виде которых я тотчас забыла, что тороплюсь, бросившись гладить пушистое семейство.

Кривулин и его супруга переглянулись.

– У нас есть годовалый котик, которого решительно некуда девать, – доверительно сообщил Виктор Борисович. При этих словах его жена метнулась назад в комнату, откуда мы только что вышли, и вынесла совершенно белое флегматичное создание, которое я видела на диване, но приняла за меховую подушку. – Вот этого никто не забрал.

Кот глядел на меня сонным безразличным взором.

– У меня дома кошка. Полосатая британочка, как с рекламы «Вискас», – обреченно констатировала я, запуская руки в теплый белый мех.

– Получатся красивые котята! Вы будете продавать их у метро, – с наигранной веселостью предложила жена Кривулина.

– Я не умею торговать, – отступила я на шаг.

– Тогда раздавать! С руками оторвут!

– Не знаю… А как его зовут?

– Вы можете дать ему любое имя. Ему все равно.

Взглянув на равнодушную мордулень котяры, я поняла, что хозяйка не врет.

Я помотала головой, уже понимая, что влипла.

– Его можно и кастрировать, хотите, я займусь этим. У меня есть знакомый ветеринар. Прекрасно кастрирует, – продолжала наступать дама.

– Как мы прокормим двух котов?

– Но он же у нас все кушает, решительно все. Потрогайте, какой жирненький.

– У меня даже котоноски нет, – начала сдавать позиции я.

– Котоноски нет? Вот как? – Кривулин в нерешительности перевел взгляд на супругу. На мгновение показалось, что само отсутствие переноски для кошек характеризует меня с нежелательной стороны.

– А далеко ли везти? Может, я бы помогла, – не собиралась сдаваться хозяйка.

– На Гражданку, через весь город, – на всякий случай уточнила я. – Так что, может, в другой раз?..

Взять породистого белого кота, конечно, хотелось. Но как бы повела себя Баська, предъяви я ей этого прекрасно-кастрированного принца?

Вот так и получилось, что у Виктора Борисовича я больше не была и стихов его не просила.

Кошачий рай

– Многие спорят, есть ли рай и есть ли ад. Насчет ада не знаю, но рай определенно есть – кошачий рай, – философствует Мурр. – И я в него непременно попаду. В качестве обслуживающего персонала.

Книжкина неделя

С тех пор, как Гутенберг изобрел печатный станок, молодежь пошла не та. Уткнутся в книгу – никакой духовности.

Никола Флавийский, 1444 г.

На Книжкиной неделе в Аничковом дворце наш поэтический кружок почему-то неизменно выступал перед мальчиками и девочками, явившимися на книжный праздник. Почему мы, а не ТЮТ[16]? Понятия не имею. Наверное, занимались более серьезными делами. На Книжкину неделю нет-нет да и заглядывала Ирина Малярова. Но это было не ее время, а время карнавала. Малярова председательствовала в жюри творчества юных и если и посещала веселые представления, то просто желая развлечься.

Основное действо по написанному сценарию, и потом сопровождая группы, кому какая достанется. Группы определялись в самом начале, когда дежурные раздавали детям разноцветные шапочки. Сколько групп, столько и цветов. Мы же заранее знали, кому какой цвет выпадет, и вели группы по заранее намеченному маршруту. В каждой гостиной проходило костюмированное представление, поэтому имело смысл каждый день брать новую группу и наслаждаться вместе с детьми разными спектаклями. Но каждый день дежурить на Книжкиной неделе не разрешалось, роль учили два-три человека, с чем я решительно не могла согласиться. Честно отработав предшествующий год в костюме развеселой обезьянки Чи-чи и уразумев, что три выступления меньше шести, на следующий год я устроила первую в своей жизни интригу.

Роль пса Артемона досталась мне и Юле Григорьевой. Мы получили свои тексты и, быстро выучив, приступили к репетициям. Но тут Юля заболела. Пропустив пару репетиций, она позвонила мне, забрасывая вопросами о предстоящем празднике.

– Знаешь, мы так много уже успели без тебя, думаю, тебе будет трудно запомнить все мизансцены, – с хорошо деланной честностью в голосе посетовала я.

– Трудно? – я знала, что Юля панически боится этого слова. – Ну тогда я, пожалуй, не буду ходить до Книжкиной недели. Кашель еще не прошел, да и вообще…

Было немного стыдно, но я просто не могла отдать хотя бы часть радости пребывания на сцене другому человеку. К слову сказать: всю неделю непрекращающихся праздников со мной во дворце был мой младший брат, чью радость я также не собиралась прерывать. На входе перед началом представления галантный пес Артемон нежно целовал ручки дамам, дарил цветы, а потом вдруг направлялся в гардероб для того, чтобы хлопнуть по плечу уже ожидавшего чего-то подобного Виталика и провести его наверх, мимо бдительных билетеров. Кто знает, может у нас так задумано: Артемон выбирает одного из гостей и вместе с ним поднимается по беломраморной лестнице.

Вообще-то по жизни я не люблю собак, точнее не понимаю их и потому стараюсь держаться подальше. Но пес Артемон дорог мне до сих пор.

– Это моя сестра, – с гордостью показывал на меня брат одному из своих новых приятелей, с кем свел знакомство на Книжкиной неделе.

– А твоя сестра мальчик или девочка? – задавали ему встречный вопрос.

Брэдбери, или Кто пьет «Вино из одуванчиков»

В течение нескольких лет Андрею Балабухе пришлось в единственном числе представлять собой жюри на литературной олимпиаде во Дворце пионеров, в той части, которая называлась «Фантастика». Присылали рассказы и критические статьи, посвященные фантастическим произведениям. И вот тут выяснилась одна интересная подробность.

«Я никак не мог понять, почему среди всех книг Брэдбери, я могу переварить только одну: «Вино из одуванчиков». Замечательный роман о детстве.

Читаю присланные детьми сочинения, а там все по науке: каждое под псевдонимом или, как сейчас сказали бы, ником. Плюс – отдельный список с именами и адресами. Больше всего писали о Стругацких, о Леме или о Брэдбери. И вот странность: ежели про Брэдбери – пишет девица, если о Леме или Стругацких – парень. 98 % попадания!

Потом узнал, что и на родине у себя он часто печатался в дамских журналах.

Критики-мужики хвалили Брэдбери, но какими-то очень отстраненными словами, зато дамы неизменно восхищались. Если бы кто-то рассказал – не поверил бы. А так – чистый эксперимент: если о Брэдбери, то пишет девица».

* * *

19 июля «Planetary Radio» выпустило получасовое интервью с Реем Брэдбери, в котором он сообщил, в частности, что написал завещание, в котором просит похоронить себя на Марсе.

Попробуй разберись…

В один день в ЖЖ меня «отфрендили» два человека: один за то, что я много пишу в Сети, другой потому, что пишу мало.

Задумчиво…

Администрация сетевого ресурса «Мой мир» предложила подружиться с Ниной Чудиновой. «Подружившись с Ниной Чудиновой на проекте «Мой мир», вы сможете переписываться и обмениваться файлами».

На тот момент времени минуло уже полгода с тех пор, как Нина Чудинова покинула наш мир.

Предсказание астролога

Одному человеку знакомый астролог предсказал, что у него будут трудности в начале года. Но уже с июля все пойдет очень хорошо. Деньги, любовь, любимая работа. Даже исполнение мечты.

Человек поверил. И, начиная с июля, судьба действительно начала одаривать его словно из рога изобилия.

Когда через несколько лет он снова встретил того же астролога, сказал ему спасибо.

– За что? – удивился астролог.

– За то, что сказал, когда настанет счастливое время, и не уточнил, когда оно закончится. Я ведь такой доверчивый!..

Лирическое наступление 2

…Размечталась, ушла в текст и плаваю там, не наблюдая пролетающих минут… телефонный звонок… поднимаю трубку… мужской голос:

– Муж-пьяница нужен?

– Спасибо, нет.

Машинально продолжаю стучать по клавишам.

Михайлов

– Помните такое выражение: «Коротенько, минут на сорок»? – спрашивает Дмитрий Володихин. – Обычно выступающие грешат этим, занимая и свое время, и время тех, кто должен читать после них. В общем дорвался человек до микрофона, теперь его ни за что не оторвешь. Никто не любит ни слишком долгих лекций, ни посматривающих на часы ораторов. Поэтому опытные выступающие стараются заранее просчитать свое выступление, дабы не утомить публику чрезмерными излияниями.

Но вот однажды именно немногословность или излишняя скромность чуть было не сорвали чтения памяти Аркадия Натановича Стругацкого. А было это так. Собрались на чтения люди, определились, кто будет рассказывать о своих встречах с Аркадием Натановичем. Но так получилось, что все они быстро оттарабанили что хотели и вернулись на свои места. Буквально десять минут – и все кончилось, – рассказывает Дмитрий.

Члены оргкомитета начали переглядываться, ища глазами кого-нибудь, кто бы мог спасти положение. Шутка ли сказать – пришли почтить память мастера, а получилось, что сказать вроде как и нечего. И тут встает фантаст Владимир Дмитриевич Михайлов, благороднейший человек, златоуст, который приехал на эти чтения, чтобы послушать доклад о фантастике, берет микрофон и не меньше часа рассказывает о своих встречах с Аркадием Натановичем…

* * *

Светло.
Небесный дворник метет небо.
Только что начал —
Голубые полосы чуть-чуть видны.

Две радуги

На румяных, еще теплых пирогах вместо узоров были выписаны имена поэтов. Обычно тех, кто переступал порог гостеприимного дома Юры Логинова и Тамары Никитиной. Близких друзей и новых знакомых. Это было замечательным сюрпризом, особой данью уважения, дружбы и любви.

За столом читались стихи, исполнялись песни под гитару.

Добрым, необыкновенно теплым был дом Юры и Тамары. Какие там пелись песни, читались стихи, велись разговоры… Казалось, радость неиссякаема, пройдут годы, а в квартире двух поэтов останется так же шумно и весело, так же обильно будет заставлен стол, все так же будут собираться за этим столом интересные люди, но… Судьба распорядилась иначе.

– Они сильно пили. Оба. От того и угорели вместе в одну ночь в своей квартире на проспекте Ударников, дом 32, в Санкт-Петербурге, – рассказывает печальную историю Алина Мальцева, и ее лицо, только что словно освещенное дорогими сердцу воспоминаниями, мгновенно мрачнеет. Кажется, что вдруг сделалось темнее.

– Очень трудно хоронить не просто друзей, а поэтов – людей, общение с которыми давно уже переросло рамки обыденного, сделавшись чем-то особенным, душевным, сокровенным. Мы же хоронили сразу двоих!

Прощание проходило в крематории в пасмурный унылый день. С самого утра небо заволокло, затянуло серыми, плотными тучами. Но когда после прощания мы вышли на улицу, тучи вдруг разошлись, выглянуло солнышко, а с неба опустились сразу же две прекрасные радуги!

В этот момент тяжесть немного отступила от сердца, потому что все присутствующие вдруг одновременно осознали, что две чистые души поднялись на небо. Это был особый, данный нам в утешение знак.

О современности и современниках

Когда-то Марина Цветаева написала: «У меня есть право не быть собственным современником». Не быть современником современному тебе миру с его особенностями и не близкими тебе правилами, авторитетами, идолами. Современником времени, в котором вынуждено пребывать физическое тело, оболочка, в то время как душа находит отдохновение совсем в других временах, где она вполне адекватна и современна выбранной ею эпохе. Но, может быть, ей, душе, виднее?

Современники – люди, объединенные самой эпохой. А если эпоха не нравится? А как раз наоборот – более органично ощущаю себя где-нибудь…

Это ведь унизительно, честное слово, ежели лет через сто кто-нибудь скажет: «Они были современниками Евгения Петросяна в эпоху Филиппа Киркорова или, прости господи, Геннадия Малахова»!

Заранее можно считать себе оплеванными.

Лирическое наступление 3

Разговор в Доме писателя.

– Как Андреева может писать о Бродском? Она же его не видела!

– А вы Пушкина видели? – парирует Сергей Арно.

– А ведь о нем сколько книг уже написано! И все пишут и пишут!!!

* * *

Не понимаю, откуда подобное возмущение? Мне кажется, что излагать реальные факты о людях– вполне допустимо. И неважно, был ли избранный персонаж царем, полководцем, писателем или соседом. Все мы частички истории, которую все время пишет Всевышний.

«А я говорю вам, что Богу тоже знакомы бессонные ночи» (Мария Конопницкая).

…Частички историй друг друга…

В этом смысле куда интереснее создавать новую фантастическую реальность с реальными в ней персонажами. Как это сделал, к примеру, Леонид Панасенко в рассказах «Следы на мокром песке» (о фантасте Рее Брэдбери) и «С Макондо связи нет?» (о Габриэле Гарсиа Маркесе).

Кстати, Брэдбери ему ответил, поблагодарив за рассказ, после чего завязалась переписка.

Когда-нибудь я тоже напишу цикл сказок о моих любимых писателях. Когда-нибудь… Не хочу загадывать, когда.

Отец монстров

Свой новый роман Сергей Арно назвал «Фредерик Рюйш и его дети». Фредерик Рюйш – лицо известное и, безусловно, интересное – знаменитый голландский анатом, открывший способ сохранения анатомических препаратов и бальзамирования трупов посредством так называемого «liquor balsamicus», основатель первого после анатомических музеев Ворма и Бартолина в Дании музея.

Написал роман Сергей, отнес в «Лениздат». Через некоторое время вижу в Сети новую книгу Арно рекламируют. И на обложке начертано ни много, ни мало:

Сергей Арно, ОТЕЦ МОНСТРОВ.

То есть Сергей Арно, имя автора, там, где и должно быть, – сверху. А по центру пресловутое: «Отец монстров». Но когда читатель сию обложку видит, он неминуемо прочитывает всю фразу: «Сергей Арно – отец монстров».

Интересно, как реальные дети Сергея к такому определению отнеслись?

Лирическое наступление 4

Отравилась чем-то. Плохо. К тому же зима, вьюга и скользко. (Читайте: с Динькой некому на детский праздник идти. А она ведь готовилась.)

Одеваюсь, рассеянно пью зеленый чай, глотаю черные таблетки активированного угля. Только бы дотянуть, по дороге не загнуться.

Видя мои мучения:

Мама (Дине): Ну, куда вы собрались? А если мама там умрет?

Диня: Ничего, я обратную дорогу хорошо знаю.

Оригинальное название

Забавная история произошла с израильским автором, пишущим под псевдонимом Аль Странс. Написал он книгу «А судья подсуден?». Долго мыкался с нею, даже до меня текст добирался. Неплохой роман, на мой взгляд, несколько многословен, но к литературе безусловно отношение имеет и уж получше многих опусов издаваемых большими тиражами в Питере авторов.

Наконец нашелся и издатель, старый уважаемый журнал «Звезда». Вот где, казалось бы, сюрпризов быть не должно. Выпустили книгу в двести пятьдесят экземпляров – кризис. Серенькая обложка без украшательств – классика. Наверху мелкими прописными буквами имя автора: «Аль Странс». А посередине – крупно – «Дети Содома».

Хорошо хоть не содомитов…

* * *

Звонит Николай Прокудин.

– Выступать завтра перед детьми будешь?

– Не получится, на Украину еду.

– Наши договоры в «Шико» везешь? – пытается догадаться собеседник.

На самом деле на Украину я на конвент собралась, у меня там презентация серии. Ну и заодно действительно с главным редактором встречаюсь, везу договор Сергея Арно. Тот его сначала вместе со всеми не захотел подписывать, а потом передумал. Но тут решила очередной миф породить.

– Нет, – говорю, – ваши договоры давно уже по почте отправлены, везу только бумаги Арно. – Вздыхаю. – Сам понимаешь, ЕГО договор я обязана лично с рук на руки передать, потому как Арно…

Вешаю трубку.

Так и работаем

Работая над сборниками серии «Петраэдр», обычно первая смотрю тексты я. Читаю, отмечаю понравившиеся плюсиками, рядом с которыми красуется уверенная «Ю». Сидим у меня дома. Точнее, это Смир устроился в кресле с пачкой отсмотренных мною текстов, а я, как заведено, по хозяйству хлопочу. Сыр нарезать, чайник поставить… Тружусь в общем. Заодно нет-нет и в тексты заглядываю, на вопросы отвечаю.

– Это кто? – Сашка протягивает подборку безымянных виршей (вот не любят авторы подписывать свои сочинения!).

– Это… ага… это Арсен Мирзаев. Я его манеру из тысячи узнаю.

– Ладно. Отмечаю у Арсена это и это. Пусть еще зашлет. А это?

– Писатель-фантаст. Известный, да и тексты весьма приличные подобрал. Из них обязательно что-то нужно выбрать.

Выкладываю сыр на тарелочку, ставлю на стол вазу под фрукты.

– А это? Ни черта не подписано!

– Это? Критик из Москвы.

На кухне завывает чайник.

– А это чье?

Мельком взглянув в текст, убегаю на кухню. Чайник уже вопит так, словно вот-вот взлетит. Возвращаюсь. В комнате, смеясь в голос, Смир заканчивает чтение рассказа.

– Это берем по-любому, с именем или без, – отсмеявшись, Сашка протягивает понравившийся текст. – Положи отдельно. Принято, второй раз читать не будем. Кстати, чье?

– Моё.

А потом сыр на тарелочку, фрукты в вазочку, кофе по чашечкам… Так и работаем.

Смир и классика

Познакомившись с поэзий Александра Смира, Наталия Грудинина выдвинула предположение, что автор крохотных двустиший, получивших впоследствии название «шуризмы», сильно увлечен рок-музыкой.

«Вот попробуй хотя бы годик не послушать рока, и ты найдешь себя в классике», – предположила она.

Год не слушать рока! Несколько раз Смир честно пытался запрятать любимые записи куда подальше, но снова и снова срывался, в конце концов покончив с экспериментом.

Так что теперь уже не определишь, подросли бы его двустишья до классического сонета или лирической поэмы или все напрасно и Смир остался бы Смиром, с рок-музыкой или без оной.

Смир и стиль

Смир машет длинными костлявыми руками, точно бесприютная сирая птица. Даже фирменные вещи на нем смотрятся точно на бомже.

Полное отсутствие лоска, ассоциальность, невозможность приткнуться, вписаться, с честными глазами заявить «я свой» – выдают собственный стиль.

Стиль, противоречащий мнению большинства. Представлению о том, как должен выглядеть издатель, основатель книжной серии.

Андеграунд, пытающийся стать мейнстримом и одновременно остаться андеграундом?

Не выйдет!

Гламурятина

В самое голодное талонное время пришлось мне танцевать на какой-то пафосной пирушке, устроенной для русских иностранными партнерами. Эротическое шоу, репродукции Бердслея по стенам, показ модных бикини. И главное событие вечера – банкет. Не простой – навороченный. Гвоздь программы – кремовые пирожные в виде половых органов.

Гости брали кондитерскую диковинку двумя пальцами и кто смущаясь, а кто и напоказ потребляли продукцию, подтрунивая над поедающими пирожные неподходящей им «ориентации» гостями.

Хорошенькие девушки в кружевных передничках и чулках обносили гостей напитками. Официанты в набедренных повязках тарзанов то и дело доставляли в зал ароматные шашлыки и водку.

Манерные геи томно посасывали эклеры, обучая древнему искусству смущенных художниц, приглашенных на званую вечеринку и еще не успевших проникнуться заморским гламуром.

Но это было еще не все.

– Но где же настоящие русские мужики? – взывал итальянский кутюрье, одетый в песцовую шубу, из-под которой торчала нарочито дырявая майка. – На показе мод я не увидел ни одного. Когда же нам покажут русского мужика?

Русские мужики, а именно солдаты-срочники как раз и должны были появиться в разгар банкета, громко маршируя по подиуму. Их уже давно доставили, и теперь парни изнывали за кулисами, мучаясь от голода и дурея от скуки.

Мы, танцовщики, уже успели пообщаться с ними и даже присутствовали на репетиции. Собственно, военные делали то, что они умеют лучше всего, так что в этой части представления никто не ожидал ни малейших сюрпризов. Ну потопают они под аплодисменты зала, а потом попрыгают в грузовики, армейское начальство получит деньги – и все.

В самый разгар вечера, когда все уже устали и от показа моды, и особенно манекенщиц и манекенщиков, раздался громовой топот кирзовых сапог. На подиуме выстроилось небольшое подразделение солдат.

Представьте себе: полуобнаженный персонал и подвыпившие гости. Почувствуйте запахи горячих блюд и разносимого по залу шампанского. Заметьте крошечные, покрытые инеем стопочки настоящей, «непаленой» русской водки. И догадайтесь, что чувствовали голодные солдаты, которым отдали приказ

маршировать. С каждой секундой гул от подбитых железом сапог становился все громче и громче, пока не сделался оглушительным. Одновременно с солдатами на гламурный банкет прилетел запах трех десятков разгоряченных молодых мужских тел, услышав который, полуголые официантки в панике заторопились к выходу. Кутюрье запахнул на груди шубу, точно ему вдруг сделалось зябко. Кто-то надрывно смеялся, кто-то, размахивая в воздухе шашлыком, зазывал солдатиков присоединиться к банкету.

– Стоп! Раз-два! – послышалась команда. – Кру… – отдающий приказы из диджейской рубки вдруг подавился последним словом.

– Вольно! – скомандовал кто-то из зала в наступившей тишине. – К уничтожению банкета приступить!

Еще не верящие в свое счастье солдаты послушно качнулись в сторону зала и стекли туда живой, горячей лавиной.

В одну секунду было сметено все мясное, рыбное, сладкое. Голодные парни запихивали в рты гламурные пирожные, не обращая внимания на их форму. Все это немедленно заливалось шампанским и водкой. Еще, еще, пока опомнившееся начальство не дало команду «По машинам!». Крем заедался соленым огурцом, за рыбой следовал коктейль, из которого прямо на пол выбрасывались мешающие зонтики и соломинки.

За пару минут на столе не осталось ничего съестного.

Поэтому, когда все же прозвучала команда «По машинам!» и одетые в однообразные «камуфляжки» юноши покинули банкетный зал, заглянувший на праздник фотограф мог запечатлеть лишь белые от пережитого шока, с потеками туши лица устроителей вечера и их гостей.

Полумеры

– Есть ли человек, которого ты не сможешь простить? – интересуется подруга, истая христианка.

– Есть.

– Неужели ты не простишь никогда? Ни при каком условии?

Я (подумав):

– Умрет – прощу.

– Полумеры! – отрезал О'Санчес, когда я передала ему разговор.

Ну да, конечно, это ведь он написал: «До полусмерти – это полумеры». После смерти, учитывая бессмертие души, выходит – тоже?

Об издании одной рукописи

Позвонил как-то Олег Дмитриев издателю Кононову:

– Слушай, – говорит, – сижу я тут, рукопись читаю. Замечательную! Думаю, тебе тоже прочитать стоит. Давай я ее прям щас привезу, сам увидишь.

Воскресенье. Вечер.

– Давай не сегодня, – недовольно кривится Александр Клавдиевич. И то правда – только ему и делать, что в последний вечер выходных работать.

– Давай в понедельник.

– Давай, – немедленно соглашается Олег. – Тебе первый том привезти или сразу оба?

– А она что, еще и длинная? – мрачно осведомился Кононов.

– Страниц девятьсот, тысяча, – с готовностью отрапортовал собеседник.

– М-да… – «Что тут поделаешь». – Привози оба.

– Только там надо сначала сквозь текст продраться.

«Час от часу не легче».

– Кто хоть автор?

Прозвучала незнакомая фамилия.

Итак, перед Александром Кононовым один за другим выкладывалась цепочка выразительных минусов:

1. Читать нужно срочно, хоть на очереди запланированного чтения шкаф не меньше.

2. Рукопись большая.

3. Нужно продираться сквозь текст.

4. Автор никому не известен.

Оставалось добавить, что книга еще и плохо написана, и можно будет смело ставить на этом деле жирный крест. Но подобной характеристики не последовало, и в назначенное время Олег Дмитриев действительно притащил две толстенные папки.

О том, что он вернет рукопись, Кононов знал с самого начала. Но возвратить, даже не попытавшись вчитаться, было невозможно.

Ладно, до точки ясности – и в сторону. Решил издатель, спокойно закончил рабочий день, улегся дома на диванчик, открыл папку, и… … … …. …. … … … ….. ….. ….. ….. …. … …. … … … … ….. очнулся где-то на девятисотой странице.

– Есть книги хорошие и не очень, – рассказывает Александр Клавдиевич, – но эта впервые поставила предо мной вопрос: если мы не занимаемся этой книгой, то чем мы вообще занимаемся?

Что мы вообще делаем?

Так был принят к изданию роман писателя О’Санчеса «Кромешник».

Одуванчики

Картинка из детства. Первые одуванчики, мы с братом гуляем за домом. Не во дворе, где новенькая детская площадка. Там дует, а бабушка – профессиональный ловец солнца, она выслеживает солнце, ходит за солнцем и таскает нас за собой. Поэтому мы меняем площадки иногда по нескольку раз в день, чтобы все время быть на солнце. Кроме нас выглянули полюбоваться солнышком веселые одуванчики. Мы собираем их в букеты и дарим бабушке. Мне лет пять, а брату три. Но букеты быстро надоедают, и тогда я нахожу песок и начинаю печь пирожки. Песок – мука, немного воды из лужи, а еще мне необходимо яйцо. Я точно помню, что мама клала в тесто яйцо. Я разрываю одуванчик, смешиваю его желтые лепестки с песком. Красота! Еще, еще… Все мои цветы быстро заканчиваются, и я беру одуванчики, протянутые братом. Больше, еще больше… Игра захватывает!

Помню огромные, удивленные и одновременно немного обиженные глаза Виталика.

Будто я сделала что-то не то… Одуванчики!

Когда я пропустила волшебный переход от цветка-яйца к цветку-подарку?!

Я оглядываюсь. Но вокруг больше нет цветов! И бабушка уже нетерпеливо зовет нас домой.

Я смотрю на брата. Могу ли я хоть чем-то загладить свою вину? Судя по тому, что эта история преследует меня всю жизнь, – видимо, нет.

Старая школа

На юбилейном вечере Владимира Евзерова в Москве в Театре оперетты собралось великое множество исполнителей.

Концерт вел Валерий Леонтьев, были Люба Успенская, Песков с балетом, Катя Шаврина, Коля Басков, Аня Резникова, Тамара Гвердцители…

Представляете себе, что творится за кулисами: все приходят, здороваются, целуются, расходятся по гримеркам, одеваются, красятся, а затем выходят и продолжают общаться, разговаривать, делиться новостями… Закулисье гудит, точно улей. Блестят стразы на платьях дам, шуршат шелка, кому-то спешно подкалывают прическу, кто-то пытается разглядеть сквозь щель в кулисах сцену или кусочек зала. При этом все ждут выхода, волнуются или обсуждают последний футбольный матч, договариваются о встречах и совместной работе, флиртуют – словом, жизнь кипит.

Из общей суматохи выделялась могучая фигура Иосифа Давыдовича Кобзона, который в полном одиночестве ходил за сценой и учил текст.

Заинтригованный странным зрелищем, подходит к певцу поэт Юра Баладжаров и спрашивает:

– Иосиф Давыдович, зачем вам это? Все равно все поют под фонограмму, концерт давно записан и ничего уже не изменится.

– Губы должны совпадать, – строго ответил Кобзон. И продолжил свое занятие.

Тигрица в полете

– В ленинградском зоопарке до войны жила белая тигрица, любившая прыгать на руки ко всякому, кто зайдет в вольер, – рассказывает Борис Федорович[17]. – Кто-то приучил, когда была тигренком, вот и…

– И вам приходилось ловить тигрицу в полете?

– Да. Но только зимой, – лицо Бориса Федоровича делается серьезным.

– Почему зимой? – не понимаю я.

– Потому что падать удобнее на мягкое.

Весна, любовь и красное платье

Цвела весна, на мне красное платье и туфельки на каблуках. Я почувствовала твое приближение и выпорхнула навстречу, радостно распахнув объятия. И только тут вспомнила, что мне нельзя целовать тебя на людях и нежелательно летать. Я попыталась остановиться в воздухе, но на моих каблучках давно стерлись кнопки обратного хода.

За спиною стрекотали сделавшиеся уже видимыми крылья, я трепетала в воздухе не в силах ни вновь обрести твердь под ногами, ни пристыженно улететь прочь.

А ты – ты смотрел на меня, не говоря ни слова, но, как кажется, и не досадуя на то, что я опять все испортила, невольно выдав нашу тайну.

Ты уж прости меня. Женщины – они как дети. А тут еще весна, любовь и красное платье…

* * *

Мы запутались в наших крыльях.

Белых роз букет

Эдита Станиславовна Пьеха сломала ногу. Состояние удручающее: крах тщательно выверенных планов, депрессия…

Навестить певицу отправился поэт Юрий Баладжаров.

А как обычно принято навещать прекрасных женщин – неважно, двадцать им, сорок или семьдесят два? Юра заторопился к цветочному ларьку.

– Пожалуйста, подберите мне букет белых роз. Только пусть они будут действительно свежими, без черных точек и прочей ерунды. Я хочу подарить их необыкновенной женщине.

Разумеется, продавщица тут же пожелала узнать, кого имеет в виду покупатель. И выяснив, что направляется он к Эдите Станиславовне, подобрала букет белых роз, не взяв за это с Юрия ни копейки.

– Мне важно, чтобы эти цветы попали к Пьехе. Можете ничего не говорить обо мне. Главное, что они уже сегодня будут у нее.

В тот же день, вдыхая аромат дивных роз, Пьеха призналась в своей давней мечте – спеть песню, в которой будут невеста Белая Ночь и жених Питер. И чтобы этой невестой была она…

Мы разговаривали с Юрой Баладжаровым, наблюдая за играми его озорного кота-сфинкса Бастиана с розовыми ушами и грациозной походкой. А потом в метро я вдруг услышала голос Пьехи – был такой проект, в котором известные актеры и певцы объявляли следующую станцию следования. Эдите Станиславовне досталась моя первая ветка.

Французско-польский акцент нежно проник вдруг в звучание интервью, которое я прослушивала по дороге домой. «Осторожно, двери закрываются», – задушевно произнесла певица. Я машинально взглянула на пустынный в этот поздний час вестибюль станции. И точно в подтверждение этой магической связи из диктофона раздался голос Юры:

…Взмахнет с перрона кто-нибудь рукой,
Устало подо мною скрипнет полка;
И за окном просторы и покой
Вдруг замелькают призрачно и долго.
И, может быть, сойду я поутру
На маленьком затерянном перроне,
И рук моих, озябших на ветру,
Коснутся чьи-то теплые ладони…[18]

Свадьба

Летом 2010 года в прессе появились сообщения о предстоящей свадьбе певицы Афины с поэтом Юрием Баладжаровым. Надо ли говорить, что ни «жених», ни «невеста» понятия не имели о предстоящих событиях.

Датой свадьбы неопределенно назывался декабрь 2010 года.

Несмотря на попытки обеих сторон добиться от прессы опровержения, ничего не удалось сделать.

«Ну что же. Теперь тебе, как честному человеку, придется на мне жениться», – нашла выход из создавшегося положения Афина.

Одной крови

– Как вы находили общий язык с хищниками? Всегда почему-то думалось, что утверждение «Мы с тобой одной крови» звери предпочитают проверять на вкус, – пристаю я с расспросами к Борису Федоровичу.

– Очень просто. Для того чтобы поладить с хищником, неважно лев это, тигр или собака, с ним нужно поваляться по полу. Очень просто!

– Действительно просто, – картинно представила себе, как буду валяться рядом, скажем, с волчицей… м-да.

Мир со стертыми гранями

Должно быть, от сидения за компьютером начало портиться зрение. Кто-то говорил, что с годами появится дальнозоркость. Но дальнозоркость пока еще не дает о себе знать, зато близорукость…

Мой мир – мир с нечеткими контурами и полустертыми границами – постепенно исчезает, погружаясь в туман.

Решила поправить положение, купила линзы. И тут же разочарование. Лица близких мне людей все прочерчены, прорезаны морщинками, на любимых шторах пятна, на улицах мусор, на стенах подонковатые надписи.

Вынула линзы – чудо. Вновь нежные краски. Вместо метро – подземный дворец, взамен неухоженного парка – королевский лес. А люди, вы бы видели людей! Их лица! Какие это красивые вдохновленные лица. Какие благородные и прекрасные!

Никогда больше не воспользуюсь линзами. К чему мне этот чужой, злой, некрасивый мир со всеми его омерзительными подробностями?

Улица имени меня

В советское время полярные летчики были фигурами культовыми, их именами прижизненно называли улицы. В честь полярного летчика Валентина Ивановича Аккуратова в Питере тоже есть улица, недалеко от станции метро «Удельная». То есть сейчас там построили метро. А тогда это была жуткая окраина города, добираться туда было очень далеко и неудобно.

Когда Аккуратов приезжал в город, он традиционно звонил Балабухе, и тогда же звучала историческая фраза: «Поехали на улицу имени меня».

«Мы отправлялись туда, отмечали встречу в одной и той же пивнушке и возвращались обратно, – рассказывает Андрей Дмитриевич. – Неважно, что приходилось тащиться через весь город. Главное, ритуал был соблюден».

«Поехали на улицу имени меня» – это было красиво!!!

Володин

Иной раз для того, чтобы понять писателя, достаточно побывать у него дома. Посмотреть, как расставлена мебель, где он работает, где отдыхает, ходят ли домочадцы на цыпочках в то время, когда он пишет, или же вокруг кружит скандал, в воздухе летают разной тяжести предметы, а он, не обращая внимания ни на что, творит «нетленку».

Однажды Владимир Меклер пришел домой к Александру Володину поснимать его в неофициальной обстановке.

– Где вы обычно пишете? – спросил фотограф, машинально просчитывая, хватит ли света для полноценной съемки. Хотелось сделать портрет писателя за работой, так, как это происходит на самом деле, а не как придумает чудак-фотограф.

– Да вот тут, на диванчике и…

– А как?

– На левом боку, лежа, – пояснил Александр Моисеевич и с готовностью улегся.

– А почему именно так?

Оказалось, что Володин воевал и с войны у него в теле остался осколок, который не позволял хотя бы немного сменить позу. Из-за неподвижного положения тело постоянно ныло, но это было еще не страшно. Хуже, если о себе напоминал опасный трофей. Боль от неправильного движения, боль от лежания без движения…

– Володин вообще был невероятно чувствительным и восприимчивым человеком, – рассказывает Владимир Меклер, – что бы ни случилось, он все проводил через себя, невероятно переживал неуспех, непонимание, переживал за друзей и за совершенно незнакомых людей. Все – через боль. Должно быть, потому он и пил, чтобы хоть ненадолго притупить эту боль.

Никитин

Маленький, печальный человек, напоминающий Чаплина, мим Коля Никитин впервые появился в квартире Наталии Андреевой в конце 70-х – начале 80-х годов. Хотя она, Наталия, как ей самой показалось, знала его и раньше. Как выяснилось, она видела телепередачу с участием Никитина. Ту самую, когда легендарный Марсель Марсо назвал Колю лучшим мимом. Никитину тогда был посвящен целый сюжет, и Наталия запомнила его большие грустные глаза, так не вяжущиеся с профессией клоуна-мима.

С тех пор Коля часто забредал на огонек, что неудивительно. Во-первых, срабатывал феномен – центр города. Место, куда можно заскочить по дороге на работу или возвращаясь со стрелки. Это вам не отдаленный пригород, куда и по обещанию не всякий раз приезжают… это почти что свой салон. И, во-вторых, его там тепло принимали. Душевное тепло, та драгоценная валюта, которой Никитину всю жизнь не хватало. Хотя, по воспоминаниям друзей по клоунскому цеху, Колю все очень любили. Но вот любил ли он себя? Осиротев в далеком детстве, Никитин воспитывался в приюте, где, должно быть, так и не научился жить без любви и тепла, всю жизнь стремясь к ним и не смея поверить, что кто-то относится к нему с нежностью.

– У Коли были большие печальные глаза и длинное черное пальто. Студийцы, с которыми работал Никитин, связали ему длинный тяжелый шарф, которым он очень гордился.

Как-то Коля набрал свою собственную студию. И вот тут особенно интересно проявилась та черта характера, которая лучше прочих показывает Никитина-человека. Итак, известнейший мим имел возможность набрать лучших из лучших, провести кастинг или, как тогда говорили, конкурс талантов, заняв под это дело актовый зал любого ДК. Но он обошелся без помпы и излишней шумихи вокруг своего имени. И ребят он выбрал «не лучших из лучших», а отвергнутых – тех самых, которые не прошли в театральный институт, тех, кто был признан профессионально непригодным. Принял таких же отверженных, как и он сам. Коля никогда не отождествлял себя со своим успехом, несмотря ни на что оставаясь на обочине славы, за кулисами почитаний, на задворках любви.

Наталия была на одной из первых репетиций и сразу же подумала, что Коля взял на себя непосильную задачу. Ведь отобранные Никитиным актеры являли собой весьма жалкое зрелище – угловатые и негибкие. Особенно выделялась

долговязая девочка, которую, казалось, вообще ничему и никогда невозможно было научить.

Через пару месяцев Коля пригласил Наталию во второй раз – посмотреть на полученный результат.

«Это были удивительно гибкие, пластичные, непривычно двигающиеся люди. Казалось, что на сцене царит незримое волшебство, какой-то гипноз, потому что ребята вдруг словно впали в некий транс, на время показа перестав быть самими собой и превратившись в чудесные существа. Та долговязая девочка, на которой и приемная комиссия, и сама Наталия поставили решительный крест, двигалась словно богиня!

Помня свое прежнее впечатление, Наталия смотрела представление не сдерживая слез восторга.

Вскоре никитинскую труппу пригласили на слет мимов в Риге, где они заняли второе место.

Маленький таинственный Коля в начале спектакля выходил на авансцену с флейтой. Он садился на край сцены и оставался там в течение всего действа. Вскоре был снят фильм о новой театральной труппе, и «профнепригодные» ребята с успехом гастролировали какое-то время по Латвии.

Плата за жилье

Коля был прописан где-то в пригороде, в доме-развалюхе, где было невозможно жить. Добавьте необходимость постоянно находиться на репетициях в Ленинграде. Чтобы как-то существовать и заниматься любимым делом, он снимает комнату у знакомого боксера, платя ему за жилье, что называется, натурой. Боксер использовал Колю как грушу, отрабатывая на маленьком, хрупком миме силу ударов.

Время от времени Никитин уходил от боксера, жил у друзей, залечивал раны. И в конце концов снова возвращался к своим пыткам, терпя побои за возможность иметь крышу над головой.

* * *

Однажды Коля влюбился в девочку из своей студии. Никитин был счастлив. Любовь заставляла его не замечать недостатков любимой, давая возможность той раскрыться как актрисе и очаровательной юной женщине. С этого момента, казалось, счастье полилось на Никитина, точно из рога изобилия. Ему дали квартиру в городе! Отметив новоселье, он тут же сделал предложение своей возлюбленной, женился и прописал девушку у себя. Но через год жена потребовала, чтобы он убирался вон.

Может, для кого-то другого потеря жилплощади не была бы таким ударом. Как говорится, благородный мужчина уходит в пустоту, оставляя дом жене и не требуя ничего лично для себя… мужчина должен сам заработать на новую квартиру, построить новый дом и новое счастье… но Коля – видели бы вы его большие печальные глаза! – Коля должен был вернуться к непрестанным побоям или унизительному пребыванию у своих знакомых, не зная, когда ему в очередной раз укажут на дверь.

Так говорит Наталия Андреева, поведавшая мне эту печальную историю о Никитине. Я-то знала Колю, когда тот был уже бомжом, и никогда не видела, чтобы он хотя бы смеялся, не то чтобы был счастлив.

Больше такого яркого счастливого периода в его жизни не было!

* * *

Как-то Колю сильно избили. На самом деле били его часто и

обычно за дело. Но в этот раз все было как-то по-особому гнусно. Как я уже упоминала, у Никитина были длинное кожаное пальто, шляпа и шарф – все невероятно старое и поношенное. В кармане, как обычно, ни копейки.

Незнакомая подвыпившая компания предложила угостить его сигаретой, а он, вот ведь дурачок наивный, обрадовался и пошел за новыми знакомыми в ближайший подъезд, где у него отобрали пальто, шляпу, шарф да еще и сильно поколотили.

Я отлично помню Колю, с которым мне пришлось довольно-таки много времени провести на Пушкинской, 10, где мы подолгу разговаривали о театре. Когда мы познакомились, Никитин уже давно не работал и бомжевал. Его лицо было покрыто глубокими морщинами, а тщедушное тельце было телом недокормленного подростка и старика одновременно. Поражали глаза! Большие, печальные, и какие-то невероятно наивные глаза человека, привыкшего соприкасаться с чудом и готового поверить в то, что это чудо может проявиться где и в ком угодно. Он все время ждал чуда, общаясь с нашими актерами, с замиранием сердца сидел на всех показах, включая черновые. Бывал на репетициях. Он искал проблески чуда в своих собутыльниках с Пушкинской или в бомжатнике на Свечном… Он был тем, кого у нас на Руси называют юродивыми, – наивным, точно ребенок, который смотрит на мир с позицией своей личной чистоты, не замечая его убожества и грязи. Поэтому особенно больно, когда в ответ на желание открыть в другом человеке чудо Коля получал жестокие удары.

«Будьте как дети», – говорил Иисус. Маленький мим Коля Никитин был святым ребенком – ребенком, который состарился, не растеряв своей детской чистоты, не осквернив душу.

Лучшее выступление

«Ленконцерт» устраивал выступления типа «солянка», там работали танцовщики, певцы, клоуны, дрессировщики, фокусники и сатирики – словом, развлекательный жанр. Представления проходили шумно и весело, под аплодисменты и хохот публики. Достаточно долгое время с «Ленконцертом» сотрудничал и Коля Никитин. Об этих выступлениях ходило много актерских баек. Одну из них, самую запомнившуюся, часто пересказывал сам Никитин.

– Среди прочих актеров выделялся укротитель змей со своим дрессированным питоном. Хороший человек и очень добрый, послушный змей, которого и пресмыкающимся-то трудно было назвать. Скорее уж друг и партнер. Единственный друг.

Зрители неизменно шарахались, когда дрессировщик пускал питона поползать по рядам. Это был гвоздь программы. Визги женщин, нервный смех мужчин. Потом человек и питон боролись и, наконец, дрессировщик уносил змею за кулисы.

В тот день, о котором пойдет речь, публика подобралась особенно душевная. Зал рукоплескал, не желая отпускать своих любимцев. Наконец, поклонившись в последний раз со счастливой улыбкой, человек со змеей скрылся за кулисами, где участники представления еще долго слышали его плач.

Оказывается, старый добрый питон умер прямо на сцене, и все блистательное выступление дрессировщик манипулировал еще не успевшим застыть мертвым телом своего лучшего друга.

В бархате

Когда в 1982 в Ленинграде только что отстроили Дворец молодежи, Вячеслав Полунин устроил там фестиваль пантомимы «Мим». На праздник съехались, наверное, все театральные коллективы, занимающиеся этим жанром. Это был переходный этап от классической пантомимы к эксцентрике. Очень интересное, насыщенное время.

Шел октябрь, недавно закончивший институт Анвар Либабов не поехал по распределению, а остался в городе своей мечты актером. И одновременно с тем, как это часто бывало, бомжом. Жить было негде, не было и денег, чтобы снять какой-нибудь угол. Ни двора, ни угла, но зато был Дворец! Где каждый день происходило волшебство, и каждую ночь, прячась от делавших обход дежурных с красными повязками на рукавах, в театре Дворца прятались два актера, два бомжа – Коля Никитин и Анвар Либабов.

Когда стихали шаги проверяющих и гас свет, друзья вылезали из своих убежищ, раскладывали на полу театральный задник, устраивали в изголовье арлекин, клали по краям падуги, а потом зарывались в теплую кулису[19] – все из тяжелого черного театрального бархата.

В полной темноте в пустом театре разносилось два голоса. Анвар и Коля вели неспешные беседы.

– А тебе не кажется, Анвар, что мы обуржуазились? – вдруг спросил бомж Николай бомжа Анвара.

– В каком смысле? – оживился неожиданным поворотом разговора Анвар.

– Ну мы же, как король Луи-Филипп, спим в бархате. Мы же спим с тобой в бархате!!!

О понимании

Странное дело. Вот, казалось бы, какая штука – мы учимся, читаем, ходим, ездим, глядим, слушаем. В результате происходит набор некоторых знаний, представлений о мироустройстве, о человеке, Боге и прочее. А потом вдруг встречаешь человека, у которого тоже две руки, две ноги, одна голова и с которым вполне можно поболтать, обсудить знакомых, провести время в кафе или клубе. Словом, все у него хорошо. Но в его чемодане знаний и понятий нет какой-то малозначительной на первый взгляд детали. Всего одной какой-то мелочи. Например, знаний о Древней Греции.

Вроде бы пустячок. Ну какое мне дело до того, знает мой собеседник о пантеоне греческих богов или путает музу с пегасом? Да и часто ли мы сами разговариваем на такие темы?

А вот, оказывается, – все это имеет значение, да еще какое.

Филиппинки, с которыми я работала в японском клубе, как раз никогда не слышали о греческих богах. Одна из наших положила на стол блокнот с фотографией статуи Аполлона на обложке. И тут началось…

Вполне спокойные и рассудительные девушки повскакивали со своих мест, хихикая и тыча пальцами в причинное место статуи.

– Порнуха! Член! Голый мужик! – орали девушки, крутя пальцем у виска и всячески выражая свое негативное отношение.

– Но это же статуя, классика, Греция… – пытались перекрикивать филиппинок мы.

– Порнография! Голый мужчина! Позор! – вопили в ответ островитянки.

Вот, казалось бы, какая простая штука: ведь мы каждый день видели этих подруг, общались с ними, время от времени они уговаривали своих знакомых давать нам чаевые за танцы, просто так, ни разу не прося нас поделиться подарком, а тут…

Подумаешь, проблема, но не могут они воспринимать обнаженные скульптуры или живопись, определяя уровень цивилизации в том или ином населенном пункте наличием в нем «Макдоналдса», а сразу понятно, что общаться больше вроде как и не стоит, все равно не поймем друг друга.

Фиговые листочки

Персональная выставка Насти Нелюбиной, цикл «От поцелуя до оргии», проходила в 1995 году в Союзе художников недалеко от конференц-зала. А надо сказать, что в работах Нелюбиной не просто присутствуют обнаженные персонажи. Настя принципиально выписывает гениталии, так как считает, что поскольку Господь создал людей такими, снабдив их органами для радости и для воспроизведения, то к чему же их скрывать?

Выставка была с успехом открыта, работы должны были висеть месяц. Но уже через несколько дней в квартире Нелюбиной раздался телефонный звонок. Звонил Настин папа, по взволнованному голосу которого было понятно, что произошло что-то плохое.

– Быстро пойди и сними все провокационные работы. Дело в том, что у нас запланировано отчетно-перевыборное собрание, – срывающимся от волнения голосом начал Федор Федорович, – и все члены собрания должны будут пройти сквозь выставочный зал. И увидят этот ужас! Настенька, прошу тебя, поезжай прямо сейчас в Союз художников и сними все рискованные произведения.

Легко сказать, да трудно сделать. Что значит снять все рискованные произведения, ежели они все таковые? Снять всю выставку? Но это огромная работа…

Наконец у мужа Насти Андрея Лурье созрела гениальная идея. Андрей вырезал из зеленой бумаги фиговые листочки, и Настя при помощи пластилина прикрыла ими гениталии своих персонажей. Приличия были соблюдены, и все остались довольны.

Но самое смешное, что история этим не закончилась. Шло время, Настя побывала во Флоренции, где среди прочих произведений искусства она собиралась сфотографировать статую Давида[20]. И надо же, чтобы именно в это время мраморный Давид претерпевал реставрацию и был весь в лесах. Единственной частью скульптуры, которую сумела сфотографировать Настя, почему-то оказалось причинное место Давида.

Уже дома она выложила флорентийские фотографии в своем альбоме «ВКонтакте». И тут же получила комментарий от собственной дочери. «А между прочим, одна из копий Давида, хранящаяся в Англии в музее Виктории и Альберта, на случай визита королевы снабжалась специальным съемным гипсовым листком», – писала та.

Забавно, идея прикрывать гениталии на художественных произведениях оказалась не новацией, а традицией…

В моем мире нет времени

В моем мире нет времени. Точнее, оно есть, только течет как-то по-особенному, иногда совсем незаметно. Когда-то давно, в детстве, устроившись под столом в гостиной, мы с братом соорудили там себе домик из одеял. Так вот, однажды я сидела в домике, играла со своими куклами. Должно быть, тихо сидела, если меня не заметили вошедшие взрослые. Не обращая внимания на домик под столом, они включили телевизор. Шел фильм о плантаторах и рабах. Рабы были хорошие, а их хозяева, естественно, плохие. То есть это сейчас я могу обозначить ситуацию словом «естественно», а тогда я почувствовала себя раздавленной открывшейся вдруг несправедливостью мира взрослых. Потом, немного успокоившись, наплакавшись и отдышавшись, я приняла непростое для себя решение. Все те, кому я не могла помочь в реальной жизни, были срочно эвакуированы в страну моей мечты.

Обычно мы добирались в воздушной лодке, запряженной прекрасными белыми, величиной с породистую лошадь лебедями. Позже лебедей заменила тройка белоснежных Пегасов, дальше появились и другие средства передвижения.

В начале все было в фантазийном смысле убого: мои гости ели на золотой посуде, получали роскошный гардероб, Папа Карло – естественно, новый театр. Козетта – семью, Сирано де Бержерак – полное собрание своих сочинений плюс наше уважение и всеобщую любовь. Отчего-то мне казалось нечестным предлагать ему уменьшить нос хирургическим или магическим путем. Вместо этого я добилась, что он разочаровался в Роксане и увлекся…

Королевство расширялось. За ночь изготавливались бальные платья, возводились замки, завоевывались, а иногда и покорялись без боя города.

Маленький мир жил и развивался, вырабатывая волшебную субстанцию поэзии, благодаря которой была возможна сама жизнь.

Поколения сменялись поколениями, я дышала своим призрачным миром, а он жил и продолжает жить мной.

В моем мире нет времени. Время тащит за собой докучливую реальность, а значит, пока есть время, те, кто ушел, – ушел безвозвратно.

В моем маленьком мире есть место и для ушедших друзей. Время от времени они стучатся в мое сердце и я… ну, что тут поделаешь… открываю его.

В день поминовения новомучеников российских

Ранним утром 5 февраля 1995 года, в воскресенье, когда праздный народ еще нежился в своих теплых постелях, в центре Санкт-Петербурга, недалеко от Спасо-Преображенского собора, была жестоко убита немолодая женщина, опознанная позже как Наталья Ивановна Карпова – поэтесса.

Говорили, что она ушла вслед за мужчиной, которого любила и который утонул в июле, что, мол, неспокойные времена, чеченская война, бандиты… Версия ограбления была отброшена сразу, поскольку золотые украшения и деньги остались в неприкосновенности.

В этот день – в день поминовения новомучеников российских Наталья Ивановна, как обычно, шла в церковь.

Судя по характеру нанесенных ран, она была убита далеко не с одного меткого удара. Она кричала – центр Питера, улица Пестеля это не глухая тайга, кругом окна, люди… Она кричала, но ее почему-то никто не услышал. Можно, конечно, сказать, что в феврале окна заклеены и происходящее на улице слышно плохо, что все еще спали… Но чтобы в таком перенаселенном городе, как Питер, и не оказалось ни одного человека, способного хотя бы вызвать милицию…

…чтобы не оказалось ни одного человека…

Когда уходит поэт, тем более уходит раньше срока, то прибывает лунный свет и убывает солнечный. «Все мы солнечные зайчики, а станем лунными», – пишет О'Санчес. Вроде ничего особенного не произошло. Ушел человек, такое бывает. Но когда уходит поэт, в мире становится чуть меньше тепла.

Я не считаю себя знатоком православия. Но если человек погиб по дороге в церковь, в день поминовения новомучеников российских, не означает ли это, что в том, небесном полку прибыло?

Вот что пишет на смерть Натальи Карповой протоиерей Андрей Логвинов:

Ах, могилка у Натальи вся в цветах,
В зацелованной морозом красоте…
Где с младенческой улыбкой на устах
Навсегда она застыла на кресте…

И еще одна подробность. Отпевали и хоронили Наталью Ивановну в день смерти Александра Сергеевича Пушкина.

Незнакомая королева

По улице шла молодая женщина. Высокая, светловолосая, платье до пят. Необычное, как будто когда-то в нем играли королеву из «Гамлета». Когда-то давно, потому что было оно потрепано и все в пыли.

Стопы незнакомки были обмотаны тряпками, поверх которых странная дама закрепила полиэтиленовые мешки, плечо оттягивала тяжеленная матерчатая сума, на голове посверкивала серебряная корона, вроде тех, что покупают маленьким девочкам на елочный бал.

Женщина проследовала по Невскому до Марата, остановилась на секунду около «Сайгона», поймав на себе несколько недоброжелательных взглядов.

Кто она и откуда? Затерявшаяся в переплетении миров королева? Беженка?

В памяти всплыл образ из какой-то полузабытой легенды – юная девственница с мешком золота на спине идет через земли королевства и никто не покушается ни на ее честь, ни на богатство, ни на беззащитность.

Девушка с мешком золота все шла и шла, ночуя на грязных постоялых дворах, в стогах сена, а то и просто на голой земле.

Девушка шла, и рядом с ней шло время. Давно истрепалось ее некогда красивое, подаренное королевой платье, сбились и прохудились туфельки. Поседели прекрасные золотые волосы, а сама она превратилась из юной в старую деву. Но путешествие все не заканчивалось.

В своем замке король давно позабыл о начатом много лет назад эксперименте, не предполагая, что девственница с мешком золота смогла уйти дальше королевского парка. А потом умер и сам король, умерли королева и их дети. А странница все шла и шла, не ведая, когда и где закончится ее путь.

Впрочем, если это именно она, то при чем тут корона?

Женщина в короне и обмотках была высока и стройна, ее лицо, правильные черты которого напоминали статую, казалось изможденным и уставшим. Она давно мечтала остановиться где-нибудь, сбросив с плеча тяжелую ношу.

Наконец, приметив бабку с пирожками, она, вздохнув, подошла к ней и, достав из складок платья несколько монет, ткнула в хот-дог.

Когда «незнакомая королева» – из-за величественного вида я решила называть ее именно так, – сняла с плеча суму и поставила ее на асфальт, послышался звон монет.

Я ни разу не слышала, как звенит золото, но уверена, что это было именно оно.

Заметив мое внимание, дама заговорщически усмехнулась, отчего ее детская корона засверкала вдруг подлинными бриллиантами.

Я все время хожу по краю

Я все время хожу по краю. Во сне я даже вижу его: вдруг под ногами раскрывается бездна, и я застываю над ней.

Я застываю над бездной, иногда начинаю хвататься за ускользающий мир, реже лечу.

Когда я летаю – мир шутит со мной, пряча удобные берега, если я лечу над водой, или исчезает сама земля. Кругом лишь обманки-звезды, а крылья уже устали.

Иногда, когда мне удается сохранить равновесие на краю, моя бездна обращается в мохнатого хищника и кидается на меня из засады.

Я все время хожу по краю. Я каждую секунду на грани. Под моими ногами если не болото, то зыбучий песок, если не океанские глубины, то воздух или даже огонь.

Я всегда на краю, и даже ты, в ком я тщетно искала опору, – не прочная стена, за которой я хоть на время могу обрести покой, а призрачное счастье, к которому боязно прикоснуться – вдруг исчезнет.

Моя дивная тайна, даже ты не удержишь меня на краю бездны, когда подует попутный ветер и придет время улетать.

SUNKILLER

Я очень белая, и солнышко мою кожу не жалует, чуть не досмотришь – ожог.

Тем не менее, работать довелось в Японии, где летом если и выходишь на улицу, то дальше уже приходится передвигаться короткими перебежками от магазина к магазину. Влетаешь, бывало, в двери магазина – и под кондиционер.

Зная эту мою проблему, желающие пригласить меня на пляж или на прогулку японцы покупали крохотный пузырек с солнцезащитным кремом под названием «SUNKILLER».

Таким образом, этот пузырек стал своеобразным знаком свидания.

Не знаю, как правильно перевести – «солнцеубийца» или «убийца солнца». Для меня был важен сам результат. Да и вот история осталась.

Из разговоров с мамой

Мама: Ты на мужиков как смотришь? Тебе главное, волосы подлиннее. Не ум, не красота, не деньги. Вот патлы сальные по плечи или хвост за спиной – и все!

Я: А тебе что в мужчинах нравится?

Мама: Ну, чтобы волосы были густые-густые и чтобы на затылке плоечками лежали. Ах!..

В магазине

Делаю покупки или когда, что называется, припрет, или желая исправить настроение.

Захожу в магазин, останавливаюсь возле пестрого ряда платьев.

Продавщица: Чего изволите?

Я: Настроение улучшить.

Продавщица (с видом профессионала): На какую сумму будем улучшать?

Покупатель

Это был симпатичный магазинчик с ассортиментом от народного сувенира и авторских украшений, до полотен современных художников. Писатель Павел Марушкин в то время работал в этом салоне. Любопытствующие, посещавшие художественный магазин, иногда часами бродили по залам и разглядывали картины, общаясь с продавцами и прицениваясь. Постоянных посетителей знали в лицо. С ними здоровались, ожидая, что в один прекрасный день те все-таки решатся на давно запланированную покупку и тогда…

И вот в салон зачастил пожилой, одетый в старый, потертый костюм господин. Он являлся чуть ли не каждый день, обходил картины, словно здороваясь с ними, и неизменно застывал в конце концов рядом с копией знаменитой картины Ивана Ивановича Шишкина «Утро в сосновом лесу», сделанной один в один с оригиналом 139 х 213 см. То есть здоровенным полотном, если попросту.

Копия занимала полстены и жутко надоела продавцам из-за того, что висела уже изрядное время и никому не была нужна. Вот в старые времена какой-нибудь санаторий или дом отдыха наверняка взял бы это чудо, – сокрушались товароведы. – Ведь сколько места занимает.

Тем не менее, за картиной никто не приезжал и она продолжала мозолить глаза, неизменно притягивая к себе опрятного старичка, который ходил-ходил и вдруг однажды словно набрался храбрости и решился сделать дорогую покупку. Влетел в магазин и тотчас устремился к своей любимице. Постоял, как это у него было принято, а потом – была, не была – подозвал к себе скучающего продавца.

– Сколько стоит это произведение искусства? – с напускной серьезностью и громко, чтобы все слышали, поинтересовался он.

Продавец указал на ценник.

– Заверните, – старичок окинул «Утро в сосновом лесу» по-мальчишески озорным взглядом и, убедившись, что двое младших продавцов подлетели выполнять его желание, стал руководить процессом снимания здоровенной картины. Кто-то побежал за тряпкой протирать раму, кто-то уже нес бумагу и бечевку.

– А доставка у вас есть? – деловито осведомился клиент.

– Как же без доставки. Назовите адрес.

– Угу, – чудаковатый старичок оглядел пространство магазина. Стена, с которой была снята картина, смотрелась как

человек, на чьей одежде в самом интересном месте образовалась здоровенная прореха. И тут взгляд его остановился на копии картины Эдуарда Мане «Завтрак на траве» (холст, масло. 214 х 270 см). – И эта продается? Неужели? И сколько стоит?

Назвали сумму.

– Что же, они обе будут славно смотреться у меня в столовой. Заверните немедленно, а я тут еще, пожалуй, осмотрюсь. А эта красавица, – он ткнул суховатым пальцем в сторону натюрморта кого-то из современных художников, – ее тоже беру. Все три заверните, пожалуйста.

После того как третья картина была снята со стены и ее принялись обтирать и упаковывать, покупатель направился к кассе, с гордым видом вытащил из кармана пиджака бумажник и извлек оттуда один бумажный рубль.

Судя по выражению лица городского сумасшедшего, этого дня – дня, когда одним вальяжным движением он купит Шишкина и Мане, а также, не задумываясь о деньгах, подберет еще что-то из современной живописи, он ждал всю свою жизнь!

О предприимчивости

В картинную галерею пришел старый-престарый художник с папкой своих офортов. Еле добрел по жаре, то и дело останавливаясь и борясь с одышкой.

Посмотрели работы продавцы, побежали к директору. Так, мол, и так. Явился такой-то, еле живой. Может, взять у него что-нибудь, чтобы не обидно было, что путь такой проделал?

– Еле живой, говорите? Возьмите все, что он принес, отвезите домой на моей машине. И пусть при вас по закромам порыщет, – моментально среагировал директор. – То, что вы сегодня не купите по дешевке у непонимающего ценности своих произведений старика, завтра придется приобретать у наследников совсем за другие деньги.

Белое платье

В первой половине XVIII века Большая першпективная дорога (Невский проспект) была засажена березками. По четыре ряда с каждой стороны. Молодые деревца составляли очаровательную аллейку, по которой ехали экипажи и осуществляли променад петербуржцы и гости города. Все бы ничего, но хозяйки, чьи окна выходили на Невский, приспособили березки для своих целей, а именно: развешивали на них белье для просушки.

4 мая 1756 года по Невскому проспекту проезжала императрица. Светило весеннее солнышко, на березках только что появились первые клейкие листочки, а тут… Елизавета Петровна увидела дивной красоты платье! Платье было белого цвета, скромное, но настолько милое, что императрица тотчас послала кого-то из слуг узнать, сколько оно стоит, сообщив, коли возникнет тому необходимость, кому именно приглянулось платье.

Слуга скрылся в подъезде и вскоре появился перед дщерью Петровой.

– Они сказали, что платье вообще не продается! – дрожа от возмущения, сообщил он. – Его только что привезли из Франции для дочки…

– Бумагу, перо – живо! – вскричала оскорбленная императрица. Тотчас был написан указ о запрете использовать березки для развешивания белья или платья, а все обнаруженные на деревьях вещи следовало немедленно отбирать и передавать в казну.

> «Понеже по Невской Першпективой против разных домов берёзки посажены для увеселения, а ныне усмотрено, что между теми берёзками развешено белое платье, того ради Ея императорское величество соизволило указать о том обывателям, чтоб они никогда платья не вывешивали, а ежели впредь кто по той Невской между берёзками будет платье развешивать, оное отбирать в казну».

Так было арестовано белое платье. А вскоре и березовая аллейка исчезла с лица Невского проспекта.

Идя однажды по Невскому, я вдруг явственно различила среди привычных домов и броской рекламы старинное белое платье и вспомнила эту историю. Платье стояло, одетое на манекен напротив дверей в Интерьерный театр, словно не

решаясь постучать в дверь.

Вдруг подумалось, что, может быть, это то самое платье, снятое с березки и отправленное во дворец… Но оказалось, что это выставка восковых скульптур. Рядом с безголовым манекеном стояла сама Елизавета, фигуру которой я поначалу не заметила из-за рекламного щита. Императрица злорадно усмехалась, а обезглавленный манекен в платье стоял на пороге своего собственного дома, не смея войти и не понимая, что делать дальше.

Запоздалое объяснение автора, или Предисловие, отчего-то оказавшееся в середине текста

Из чего состоит человек?

Прежде всего, человек от Бога. Так как Бог сотворил его. Мы так и говорим: «Отец Небесный». И еще немного он, конечно, от лукавого, поскольку Бог создал только первых людей, а благодаря дьяволу они были изгнаны из отчего дома и зажили самостоятельно, своей семьей, рожая новых и новых людей.

Человек – это его семья и его учителя, все те, кто повлиял на него. Это друзья и даже соседи, это книги – человек состоит из книг тоже, а многие люди даже в большей степени книги, чем люди. Человек состоит из всего того, что ему удалось поглядеть на своем веку, неважно – заброшенная это деревенька в две избушки, речка, поле да лес или же египетские пирамиды, пустыни, блескучий Лас-Вегас или очаровательный Париж. В человеке, который любит Париж, тот занимает весьма существенное место.

И еще человек – это его предки, генетический код которых всегда при нем. Неважно, знал он своих родителей или нет, они в нем, вместе с бабушками и дедушками – все, вплоть до самого первого человека.

В человеке много звезд и такое количество разнообразных миров, какое только позволит впустить в себя воображение.

Человек – это все и всё, что и кого он любит, и все и всё, что и кого он боится и ненавидит. Да, в нас не меньше врагов, чем друзей.

И еще душа… душа, унаследовавшая памяти всех инкарнаций, через которые она проходит.

Поэтому, пытаясь написать что-то о себе, я неминуемо начинаю говорить о других, о дожде за окном, дожде внутри меня. Из меня вылезают герои книг и моя шумная, вечно командующая всеми бабушка. Во мне живет Япония. Не вся Япония, а несколько любимых городов: Нагоя, Токушима, Киото, Нара, Наруто, во мне крошечная буддийская молельня, выдолбленная трудолюбивыми монахами в скале, и она нисколько не мешает православным храмам моего родного Питера. Во мне есть Нотр-Дам де Пари и китайские львы «шицза».

Когда я хочу рассказать о себе, я рассказываю истории, в

которых кроме меня есть и другие персонажи. Но эти персонажи не собираются вечно сидеть на вторых ролях, время от времени требуя уступить им лидерство. Я – это картины Сандро Боттичелли и леонардовская мадонна Лита, которую я тщетно пыталась срисовать еще в детстве.

Я – крошечный алый лепесток, который однажды я, сама не понимаю для чего, протянула маленькой девочке, мрачно идущей рядом со своей матерью. «На!» – сказала я, раскрыв ладонь, и лицо ребенка тотчас засветилось в ответ на мою улыбку и нежданный подарок.

«А это из сказки?» – задал вопрос маленький мальчик, когда я и еще две девушки, разодетые в платья восемнадцатого века, шли через Александровский парк. Мы снимались в массовке фильма «Гардемарины, вперед», помнится, был перерыв и мы искали недорогую кофейню.

«А это из сказки?» – спросил малыш, и я, присев перед ним, честно призналась, что его догадка верна. «Да, из сказки»!

Из самой прекрасной сказки!!!

Весна прошлого года. Наверное, я бы не обратила внимания на эту девушку. Девушка как девушка: джинсы, коротенькая курточка, сумка через плечо… если бы вдруг она резко не нагнулась и не подняла с асфальта свежий лепесток тюльпана. Взглянув на находку, незнакомка посмотрела по сторонам и, заприметив скучно сидящего в песочнице малыша, наклонилась к нему. «На!» – сказала она и, лучисто улыбнувшись, зашагала прочь.

«Спасибо!»

В этот момент я узнала девушку, подарившую лепесток: свет, озаривший лицо ребенка, это был мой свет!

А еще я вспомнила бабочку. Крошечную матерчатую бабочку с прозрачными бусинками на усиках. Мне было лет пять, мы с дедушкой возвращались домой на троллейбусе. Дед, как обычно, был центром всеобщего внимания, развлекаясь на свой лад, а я почему-то вдруг разговорилась с пожилым мужчиной.

Когда дедушка сказал, что нам пора выходить, и, взяв меня на руки, вышел из троллейбуса, на моем плече вдруг оказалась эта самая бабочка.

– Она из сказки? – спросила я, потому что не видела, чтобы мой собеседник держал в руках это сокровище, да и дедушка не из тех людей, чтобы прятать подарок так долго.

– Из сказки, – авторитетно подтвердил дед. – Из самой прекрасной сказки.

Итак, я начала рассказывать, из чего состоит человек и из чего состою я сама, с целью объяснить внешнюю хаотичность вошедших в эту книгу историй. Но в том-то и дело, что можно описать каждый год человека буквально день за днем. На самом деле я не думаю, что это возможно, но представим, что это получилось бы. Так вот, если взять и описать все действия человека, все события – от самого первого до самого последнего, то в результате получится все что угодно, но только не представление о жизни самого человека. Если взять какой-нибудь отдельный класс и попросить учеников описать предыдущий школьный день, то в результате получатся весьма схожие сочинения: ведь уроки у всех были одни и те же, все они ели одинаковую еду в столовой и учительница у всех одна и та же. Отличия составят мысли и чувства детей. И если школьники в своих сочинениях возьмут за основу не расписание дня, а опишут, что они чувствовали, о чем мечтали, сидя за партой, если припомнят, какая навязчивая мелодия не давала покоя с самого утра, какого замечательного щенка удалось погладить по дороге от дома, если они расскажут, куда собрались с родителями на выходные, или припомнят, как строили планы охоты в джунглях…

Я рассказываю истории – истории, произошедшие со мной или моими близкими, истории других людей, за которых мне больно, обидно, страшно или которым я завидую, кого люблю и кого хотела бы защитить. Все эти истории – часть меня самой. И только в них я могу собрать себя, точно рассыпанные кусочки разноцветной смальты.

Моя семья

(Динькино сочинение, 2-й класс)

В моей семье четверо человек – бабушка, мама, дядя и я. Еще у нас есть кошка Бася.

Я часто посещаю мамины презентации и литературные вечера.

Я с мамой езжу к знаменитым художникам, поэтам, писателям.

Художников зовут: Анатолий Кудрявцев, Анастасия Нелюбина, Любовь Бурлакова.

Поэтов зовут: Александр Смир, Юрий Баладжаров, Евгений Раевский.

Писатели: Виктор Беньковский, Андрей Саломатов, О'Санчес, Андрей Дмитриевич[21].

У нас дружная семья.

Брат и вахтеры

Брат работает на продовольственном складе, расположенном в одном здании с моим бассейном.

Раз попросила его отнести домой пакет с полотенцем, тапочками и мокрым купальником. У самой дела в городе нарисовались, не с собой же таскать.

Виталий забрал вещи на склад. А надо сказать, что согласно инструкции через их проходную можно выносить все, кроме продуктов питания.

Настал вечер, брат закрыл склад и отправляется домой. На проходной его тормозят, реквизируют пакет, собирают понятых, спешно вызывают уже успевшее добраться до дому начальство.

Наконец, когда все участники импровизированного спектакля в сборе, вываливают на стол содержимое пакета и…

– Что это такое? – начальник смены беспомощно поднимает за лямку мокрый лифчик.

– Это не едят, – невозмутимо отвечает брат.

После был составлен протокол, в котором черным по белому значилось, что обнаруженный в вещах Андреева В.И. купальник не является продуктом питания. Кто бы мог подумать?!

Тридцать пятый на тридцать седьмой, или Чего не сделаешь из любви…

Из Японии я везла множество подарков родным. Полюбила шопинг. До этого терпеть не могла, а тут чуть ли не каждый день начинался с одного и того же. Шла в галерею магазинчиков и гуляла, гуляла там, разглядывая товары и представляя, что именно из них порадует моих близких.

Чашечка с заварочником и крышкой, сама вся расписана ромашками внутри и снаружи, так и хочется в ней травяные чаи распивать. Или вот легчайшие кроссовки, на ноге они не чувствуются, а стопы защищают и сносу им нет – лучший подарок для брата. Или вот это чудо-юдо – диковинная игрушка без правил. Точнее, они явно есть, но в лавочке старьевщика, где я старинный маджонг нашла, никаких описаний к нему не прилагалось. Самое то для умного человека – заново правила разработать.

А вот еще неведомые по тем временам в России чехлы для стульчаков на унитазы, пушистые, веселые, теплые. Специально для тех, кто любит подолгу читать в «мыслильне». Для наших северных условий – отличное приобретение.

Ну и по мелочи: статуэтки, амулеты, платочки, шарфики…

Кроссовки брату взяла, «выменяла» на свои любимые французские духи, мне их как раз только что подарили, вот я и уступила Айе за символические пятьдесят баксов. Духи на кроссовки. Носи, дорогой!

А когда купила, в сторонке другую пару приметила: крошечные, черные, тоже легкие и удобные, тридцать пятого размерчика – как раз для моей мамы. И опять цена неподъемная, а другого свободного парфюма-то нет. То есть духи у меня есть, конечно. Лишних нет, а контракт уже заканчивается, время поджимает.

И тут, пока я вздыхала, глядючи на хорошенькие черные кроссовки, меня окликнул знакомый. Не друг, не приятель – просто в клуб на шоу частенько заходил. Бывает, увидишь, головой махнешь, и достаточно. А тут подошел, предложил пообедать вместе, а перед этим выбрать себе подарок.

А я гляжу на хорошенькие маленькие кроссовочки и думаю, как бы они отлично смотрелись на моей маме. Он тоже кроссовки заметил. Предлагает примерить.

Ну и трудно же засовывать ногу тридцать седьмого размера в тридцать пятый. Впрочем, ладно, засунула. Мужик бумажник из кармана достал, но разуваться не позволил.

– Пошли так, тебе идет. Да и некогда уже.

– Ну пошли.

Чтоб вам всю жизнь ходить в новой обуви – проклятие такое у испанцев, кажется есть. Хорошо, что у японца хоть машина за углом стояла, а иначе привет ногам.

Ресторанчик маленький. Села, ноги кровью налились, все удовольствие от еды пропало. А тут еще мой благодетель то в боулинг играть зовет, то потанцевать…

Честное слово, лучше бы свои деньги заплатила, чем эти пытки. Зато подарок маме привезла, а сейчас, столько лет спустя, Динька те кроссовки донашивает.

* * *

Мою подвенечную фату
Кто-то пристроил на форточку от комаров.
Сижу теперь и слово сказать боюсь.
С одной стороны – фата…
С другой – комары!..

Концепция

Дедушка наглядно объясняет пятилетнему внуку Виталию, как разные люди режут хлеб.

– Мужчины прижимают хлеб к животу и ведут нож к себе, – отрезает кусок. – А вот женщины – те кладут на стол и уж потом… Мужчина – воин, он не боится ножа, – отрезает второй.

В кухню вхожу я (мне семь лет). Не снимая школьной формы, подхожу к столу, привычным движением прижимаю буханку к груди, отрезаю краюху.

– Концепция меняется, – немного подумав, подытоживает дед.

О престиже

В Японии есть такой прикол: молодой, прилично одетый японец подходит к иностранцу и, отвешивая ему самый вежливый поклон, интересуется, из какой тот страны. Получив ответ, так же учтиво кланяется, извиняясь за то, что никогда не слышал этого названия.

Не понимающий, в чем соль, иноземец начинает произносить название своей страны на разные лады, вспоминает ближних соседей, рисует в воздухе… бесполезно. Очень вежливый японец не в состоянии вспомнить такой мелочи, как, скажем, Россия или Соединенные Штаты.

Вот, мол, вам – называйтесь сверхдержавами, занимайте огромные территории на картах, завоевывайте мир… а мы это все мелко видели. Для нас вы совсем не интересны.

На самом деле очень даже интересны, потому что за шутником обычно наблюдает целая толпа его приятелей, ловящих каждое произнесенное слово, дабы вспомнить затем за вечерней пирушкой, как выкатывал большие голубые глазищи белобрысый незнакомец, как пытался заступиться за престиж своей страны… как…

Я тоже попадалась на эту шутку.

– Извините, пожалуйста. Из какой вы страны? – поинтересовался молодой японец, по виду студент или мелкий служащий.

– Из России.

Недоумение.

– Русиа. Раша… Большая страна на севере. Ну, Ленинугураду, Мосукува… Росияджин…[22]

Вернувшись после прогулки в нашу хибару, я рассказала другим танцовщицам о странной встрече, удивляясь невероятно низкому уровню образованности в Японии.

Незнакомые знакомцы

Живя за границей, очень быстро начинаешь вылавливать в толпе знакомые лица. Эта девушка работает в кондитерской, а этого парня я уже несколько раз видела с рокерами, этот бездомный сидит обычно у ратуши. Интересно, что он забыл в этом районе города? Иногда тебя тоже узнают – улыбка, кивок. Хоть кто-то знакомый среди моря чужих лиц. Порой узнаешь не человека, а его одежду, парфюм, примечаешь смутно знакомую черточку в манере наклонять голову, держать сигарету. Жесты и манера разговора нередко наводят на след знакомца, на след следа знакомца.

У нас в метро я знаю нескольких профессиональных нищих, которых вижу много лет. Обычно я не подаю им, да и они не пристают ко мне, принимая наше псевдо-знакомство за особую привилегию не платить.

«Своя», – думает профессиональный нищий, скучно скользнув по мне взглядом и никогда не смотря вслед. Ему это даже не приходит в голову. «Своя» не подает, никакого шкурного интереса.

Я тоже ни разу не останавливалась со «знакомыми» нищими, не спрашивала, кто они и откуда, даже имен их не знаю.

Но вот однажды случается странное: с неделю не видно тощего бородача с покалеченными ногами, которого я прозвала «недотепой» из-за его рассеянного, слегка виноватого взгляда. Обычно он зарабатывает на жизнь, раздавая какие-то листовки или предлагая на выбор липовые удостоверения или дипломы, а когда работы нет – просто стоит с протянутой рукой.

Я замечаю это не сразу. Просто дней через пять возникает легкий дискомфорт, а в голову приходит мысль, что чего-то не хватает.

Я хожу и ищу причину неприятного ощущения, а она – пустое место у третьего столба станции метро «Гражданский проспект». Пустое место не сразу бросается в глаза. Какое-то время по инерции я продолжаю видеть карие глаза «недотепы». Его неказистый призрак словно приклеен к определенному месту станции метрополитена, к моему восприятию этого места.

Я привыкла, блуждая точно во сне, видеть его именно там. И вдруг сон прерывается, и я понимаю, что его нет!

Потеря равносильна исчезновению самой колонны.

Его нет, но ведь всегда был. Был, должен был быть! Но его нет!

Я стараюсь забыть о кареглазом, отвлекаюсь на другие

мысли. И все же, каждый раз спускаясь на станцию, невольно пытаюсь отыскать именно его.

Мы незнакомы и, скорее всего, никогда уже не познакомимся. Но для меня этот бедолага – часть моего Питера. Часть, которую я не готова потерять.

Маленькая, точно стоптанная до самых валенок бабулька с невероятно злобным выражением лица и скрипучим голосом профессиональной попрошайки, неистовая богомолка (скорее всего, бывшая гимнастка или цирковая артистка) возле станции метро «Невский проспект» тычется головой в асфальт, стоя на коленях, так, как и с молодой спиной нипочем не сделаешь. Выполняет она эту мучительную асану над бумажной иконой, застывая в таком положении минут на десять.

Странный одутловатый олигофрен, сосредоточенно рисующий в блокноте дерево с листьями. Листья он считает вслух. Видимо, должно получиться определенное число. Если не сходится, он злится, негромко ругаясь и стуча по дверям вагона.

Безногий инвалид с клешнями вместо рук.

Похожий на Санта-Клауса улыбающийся дедок в ярких пиджаках с неизменной мягкой игрушкой в кармане – обязательно под цвет галстука.

Еще один, тоже с игрушками – обычно с яркой ромашкой, торчащей из сумки, – худой, с колким, цепким взглядом – художник, карма которого, по его же словам, не позволяет ему надолго покидать Питер. Возвращаясь из кратких отлучек, он спешит не к семье, – было бы странно, если бы у такого человека была семья, – нет, он идет поклониться Александрийскому столпу!

Все эти люди составляют для меня лицо Питера или, точнее, – часть лица: родимые пятнышки, еле заметные черные точки, морщинки. Не бог весть что, конечно, но тоже ощутимая, значимая часть – приметы для опознания.

Находясь за границей, я инстинктивно пытаюсь отыскать хоть что-нибудь знакомое, хоть один смутно узнаваемый образ, манеру движения, взгляд. Я ищу этих «незнакомых знакомцев» или пытаюсь создать их заново. Почему-то это тоже важно для меня.

Отношение к иностранцам в России

Приезжали знакомые из Японии. Всего-то на три дня. Пять лет не виделись. От гостиницы «Москва» на автобусе до ресторана, на том же транспорте обратно. Зашли на полчасика в бар выпить на дорожку. Японцы вообще не могут без этого. Разговор не разговор, если на столе нет напитков. Пусть и вода, но должна быть.

Поднялись на третий этаж в бар, уселись. Только заказали по мартини с соком, мужчины взяли себе виски, – заявляется администратор и прогоняет нас. Мол, идите в другой бар на втором этаже, а тут только для тех, кто живет в отеле. Стоял над душой, пока мы не убрались.

Спускаемся на второй этаж, а там бар уже закончил работать. Идите на первый этаж в бильярдную, говорят. Но туда тоже не так просто добраться, нужно выходить из здания. Было бы время – ушли бы в любое другое кафе в городе, но время уже поджимало, мы же только попрощаться по-человечески хотели.

Японцы злые, мы уж извинялись, извинялись… Стыдоба, да и только. Воистину, «совок» непобедим!

Весь приятный день как коту под хвост. Думаю, больше не приедут. А зачем, раз такое отношение? Куда иностранец ни сунется, с него дерут в 5–10 раз больше, чем с русских. Таксисты даже счетчик не включают: на кой, иностранцы – зеленый свет грабить.

У меня вышло три книги о Японии, но когда думаю, что о нас напишут японцы после такого, то руки опускаются.

Вопль в ночи

Когда же я научусь совпадать с календарем?!

Фокус

Коля Никитин приходил в гости со своим ковриком, садился на пятки, очень прямо держа спину.

– Хочешь, покажу фокус? – предложил он однажды Наталии. – Зайди мне за спину и скажи, сколько мне лет?

Наталия послушно встала со своего места и зашла Коле за спину. Чудо! Сзади он выглядел хрупким, нежным юношей.

– А теперь медленно обойди меня, – попросил Коля.

Наталия снова сделала то, что от нее требовалось, и… впечатление, произведенное Колиным лицом, невозможно описать словами. Если со спины ему ни за что нельзя было дать больше шестнадцати лет, то Колино лицо, худое, со впалыми щеками, все в глубоких морщинах, было лицом древнего старца!

Каим

– В Доме актера проходил джазовый фестиваль, – рассказывает Мурр. – Как обычно люди ведут себя на концертах? Шуршат программками или рекламными проспектами, кто-то кашлянет, кто-то роется в сумке, извлекает оттуда конфеты и тут же начинает разворачивать бумажки. Кто-то даже тихо переговаривается с соседом. Все идет своим обычным порядком, все как всегда.

Но тут появляется «Самкха»: Евгений Жданов со своими саксофоном и флейтами, перкуссионист Андрей Вихарев, который потом от Каима ушел в «Аквариум», сам Каим, кто-то еще у них был, не помню сейчас, была вокалистка по имени Ариадна…

У Каима его гитара, двенадцатиструнка с каким-то безумным экзотическим строем, штуки три банджо, собственноручно изготовленная калимба[23]. Действо начинается. Буквально после нескольких тактов воздух на сцене и в зале начинает густеть, зритель в креслах не то что боится кашлянуть, он дышит через раз.

Полутемный зал, а на сцене явно материализуется нечто вроде прозрачного, опалесцирующего шара, в центре которого сидит довольный Каим с банджо. Не глядя на гриф, он, что называется, наяривает, вокалистка поет, резкие пассажи саксофона сменяются певучими трелями флейты – и все это на едином дыхании. Светящаяся сфера вокруг музыкантов наливается перламутром, а люди сидят точно зомби – застыли в креслах, завороженно смотрят на сцену. Чудо!

Выступили. Полная тишина. Группа укладывает инструменты. Тишина. Потом робкий хлопок, и загремели аплодисменты. Ура!!! Люди с облегчением вздохнули. Группа ушла.

– Но это еще не все! – продолжает Мурр. – После Самкхи на сцене появляется вокальный ансамбль – то ли квартет, то ли квинтет, не помню. И откуда он, тоже не вспомнить: вроде из Днепропетровска. Перед выступлением они коротко распеваются, прямо перед зрителями в зале. Берут первый аккорд, и звучит полная фальшь. Минутная растерянная заминка. Они пытаются снова, и опять – кто в лес, кто по дрова… Музыканты ничего не понимают. Не первый год работающий, профессиональный коллектив… Третья попытка – и снова звучит откровенная фальшь…

Объявляется пятнадцатиминутный перерыв. Растеряны, надо сказать, все: зрители, музыканты, устроители…

После антракта люди заходят в зал, рассаживаются на местах,

тот же квинтет начинает петь – все нормально. А почему раньше фальшивили? Загадка.

– А произошло вот что, – Мурр делает паузу, – у Каима все его инструменты в основном имеют настройку нетрадиционную, а играл он тогда музыку, которую с западноевропейской темперацией соотносить не стоит. Проще говоря, он изъяснялся музыкальным языком, совершенно не привычным нашему слуху. И они, Игорь и его музыканты, за свои 25–30 отведенных под выступление минут умудрились перестроить слух всему залу! Так что, когда после «Самкхи» вокальный джазовый ансамбль запел в традиционном ключе, зритель услышал нечто совсем иное. Потребовалось какое-то время, чтобы все вернулось на круги своя.

Вот так выступил Каим.

Время. Лирическое наступление 5

Ночью оставленное без догляда время привозит нас в будущее.

Завтракаем мы в реальном завтра. Потом обед – как обещание чего-то прекрасного. Полдник уже отмерил половину дня. Но полдник и полдень – суть разные времена. Отсюда первая неправда и недоверие.

И ужин – ужим во всем. Когда время сворачивается ужом и в темноте уже не видна дорога. Ужин ужимает время, пытаясь обуздать его бег и своеволие. Скудный, скромный ужин со звездами в небе и мечтами о завтра.

А потом снова завтрак и неизбежное завтра…

Не поделили

Году в 88-м пригласил Александр Сидорович Сергея Александровича Снегова в Ленинград выступить в клубе «Миф XX». Целый день они гуляли по городу, заходили в Союз писателей, в кафе. Рядом с Сидоровичем, а точнее, между ним и Снеговым, то и дело стараясь оттеснить Александра от приехавшего писателя и не давая никому вставить словечко, шла весьма довольная жизнью миловидная девушка, тогдашняя подруга Александра. Да, ей было чему радоваться! Ведь Сергей Александрович подарил ей роскошный букет цветов и вообще внимательно выслушивал, благожелательно кивая головой и загадочно улыбаясь, все то, чем она хотела поделиться с ним.

Сам же Сидорович был мрачнее тучи и только и думал, как бы заткнуть надоедливую болтунью. А та, видя расположение к себе, должно быть, возомнила, что еще пара часиков – и Снегов падет к ее прекрасным ногам, вопя от любви.

– В общем со Снеговым я все-таки поговорил, хотя и не как хотелось, а урывками, – жалуется Александр Викторович. – Но с этой подругой я после такого дела расстался.

Не Ромео

Познакомилась в Интернете с учителем русского языка и литературы. Голова гладко выбрита, зато лицо до самых глаз заросло чернущей бородищей. Во рту в два ряда золотые зубы поблескивают. Золотые цепи вокруг шеи, на пальцах – массивные золотые «гайки».

Общаемся о житье-бытье. Я о Питере, абрек о своем горном ауле.

И вот день эдак на пятый знакомства пишет он, что-де собирается в Питер или Москву. И будто бы работать намерен чисто по специальности.

– У нас в ауле учитель – первый человек, – делится он мудростью. – Мой отец всегда говорил: учись – человеком станешь.

Учителем русского языка и литературы?! С трудом представляю, чтобы хоть одна из самых невзыскательных школ взяла горца преподавать русским русский. Своим учителям жрать нечего…

Пыталась отговорить, растолковать, сколько у нас сейчас учитель зарабатывает и что на учительскую зарплату купить можно. Не верит.

Ну что ты будешь делать? Не хочет совета – пусть сам наломается. Может быть, это я не права и горец действительно свой предмет прекрасно знает, бывает и такое.

И вот совсем уже было уверилась в его необычайных способностях, как вдруг он спрашивает мой телефон и каково мое настоящее имя. В Интернете-то я Джулией себя именовала.

«Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет…» – пишу, заранее предвкушая начало интересной темы. – «Ромео, под любым названьем останешься тем верхом совершенств, каков ты есть».

Некоторое время учитель русского языка и литературы думает над шарадой, и наконец выдает:

– Так ты что – Ромео?!

Оговорка

Дамский политик (вместо думский политик).

Спасите наши души

– С книгами иногда происходят непредсказуемые вещи, но на стадии отправки в печать их обычно не ждешь, – рассказывает Александр Кононов. – Подписываем в печать очередную плановую книжку. Одновременно переводим в типографию 50 % предоплаты – на закупку бумаги и так далее. Отправили, успокоились.

Банк отказывается переводить деньги.

???

Управляющий филиалом банка: Не могли бы вы пояснить назначение платежа? Вчера вы отправили через нас сто тысяч рублей куда-то на Урал с формулировкой «Спасите наши души» —?

Александр Кононов: «Спасите наши души» – название книги, сто тысяч – платеж в типографию.

Банкир: Тогда объясните: «Спасите наши души, 50 %» – это не всех или всех, но наполовину?

Чертова мостовая

Подруга назначила встречу у «Казани» (Казанского собора). Хорошее место, весна, много сирени, фонтан, клумбы с цветами.

Перед этим я должна была передать документы. Встречу назначила специально на углу Невского и канала Грибоедова, со стороны «Казани», дабы не опоздать. Но в результате задержалась минуты на три. Не особо существенное время, ну да за много лет приучила народ, что не опаздываю, теперь вот расплачиваюсь.

– Ты что же, на «панели» меня искала? – начала она с вызовом, едва только я открыла рот, чтобы поздороваться.

«Панель» – это участок от здания Думы до Серебряных рядов, где раньше продавали свои работы художники, а теперь разместилась дорогущая галерея Ананова.

– Скажешь тоже, – я пренебрежительно повела плечами.

– Чертова мостовая, как говорила моя бабушка, – она завсегда человека норовит с панталыку сбить. Вот и до сих пор.

Чертовой мостовой называли площадку напротив Казанского собора, которую в 1911–1912 годах одели сверху в железо. Получилась странная конструкция из узких, переплетенных между собой полосок металла. Экипажи проносились по этому крохотному отрезку Невского с невероятным шумом, звенели подковы на копытах коней, грохотали колеса. Недобро отзывались о железной чертовой мостовой и извозчики, поскольку кони пугались шума, резко брали в сторону, падали на скользком, из-за этого случались аварии. В итоге, просуществовав недели три, железная мостовая была заменена на более привычную. Но прозвище до сих пор нет-нет да и вспомнится.

Писатель с «трагической» судьбой

Молодая редактриса небольшого канадского издательства была впервые направлена на фантастический конвент, проходящий в Варшаве. Почему именно она? А потому, что заслужила. Дело в том, что буквально за два года до этого события, в 1976 году, девушка подготовила переданный ей представителями украинской диаспоры в Канаде сборник рассказов известного украинского писателя-фантаста Андрея Балабухи, в незапамятные времена сгинувшего где-то в сталинских лагерях. Сведения о трагической судьбе талантливого прозаика были почерпнуты у тех же украинцев и вынесены на задник обложки.

Конвент был интересен уже и тем, что официально именовался конвентом соцстран и туда должны были приехать фантасты из СССР. Это был шанс! Поэтому заданием редактрисы было познакомиться с советскими авторами и лично договориться о сотрудничестве.

От Советского Союза канадка ожидала всего чего угодно. Провокаций, запретов на публикацию текстов авторов, цензуры. Но то, что произошло на самом деле, оказалось настолько фантастическим, что выходило за любые возможные рамки.

На второй день конвента был устроен небольшой вечер с фуршетом, целью которого было представить участников друг другу.

Редактриса равнодушно отреагировала на представление публике московского фантаста Парнова, с интересом поглядела на Шалимова. Затем вдруг возникла выразительная пауза, и ведущий неожиданно громким голосом (или ей так показалось) представил собранию молодого и талантливого писателя-фантаста Андрея Балабуху.

Услышав знакомое имя, редактриса пошатнулась, а когда на сцену поднялся тридцатилетний молодой человек, сгинувший, согласно ее же данным, в сталинских лагерях и, должно быть, благодаря трагической кончине сохранивший молодость, девушка лишилась чувств.

Они познакомились после того, как канадка пришла в сознание и узрела «своего героя», что называется, воплоти. Видать, украинская диаспора, поведясь на хохляцкую фамилию Балабуха, приняла благородное решение о продвижении своего соотечественника. Для этой цели были собраны и переданы в издательство его рассказы. А уж откуда взялась легенда о

маститом писателе с трагической судьбой, неясно до сих пор.

Попрощавшись с Андреем Балабухой, редактриса обещала выслать ему авторский экземпляр книги, что в скором времени и сделала. Но Балабухе был вручен лишь пустой конверт. Сама же книга была отправлена в спецхран, где о ней благополучно позабыли.

– Когда настала перестройка, я попытался получить свой авторский экземпляр назад, – рассказывает Андрей Дмитриевич Балабуха, – но там только посмеялись.

Что, мол, будет еще государственный спецархив держать всякую ерунду. Выбросили давным-давно.

Вот так – фантастическая книга фантастическим образом и исчезла. Так что сам Балабуха ни разу в жизни не видел своего детища. Только упоминания о книге проскальзывали где-то в газетах. Да вот еще эта история осталась.

В каком краю – неведомо, в каком году – не сказано…

Как же классно на самом деле писать о людях давно ушедших эпох! Кто проверит, любил граф Тулузский сладкое вино или сухое? Факт, что не пиво. Оно бы там явно не прижилось, в царстве винограда-то. Но даже если бы… Ну не сам же граф Раймон явится спросить за недостоверность пересказанных событий. Совсем другое дело с персонажами этой книги. Мало того, что половина из них не может даже приблизительно сказать, когда произошло то или иное событие, датируя пересказанные истории с точностью плюс-минус десять лет, они еще и норовят все запутать так, что и Шерлок Холмс не сумел бы разобраться. А потом звонят с претензиями и уточнениями в любой час дня и ночи.

«Он жил на одной из Советских улиц, которые прежде назывались Рождественскими». Ладно, пока все как будто верно. «Выскочили из метро, прошли мимо гастронома, на месте которого в прежние времена стояла Греческая церковь». Стоп. Не гастронома, а БКЗ «Октябрьский». Поехали дальше. «О том, как эта изящная византийская церковь была разрушена, писал свидетель тех событий Иосиф Бродский:

> Теперь так мало греков в Ленинграде,
> что мы сломали Греческую церковь,
> дабы построить на свободном месте
> концертный зал. В такой архитектуре
> есть что-то безнадежное. А впрочем,
> концертный зал на тыщу с лишним мест
> не так уж безнадежен: это – храм,
> и храм искусства. Кто же виноват,
> что мастерство вокальное дает
> сбор больший, чем знамена веры?
>
> *(отрывок из стихотворения “Остановка в пустыне”)».*

Ну вот же, как будто бы ясно написано. Концертный зал, а не гастроном. А то я, грешным делом уже усомнилась, а не было ли там двух Греческих церквей, одна во имя святого великомученика Димитрия Солунского, а вторая… А впрочем, не было в Питере

второй Греческой. На Песках – там, где сейчас Советские улицы, находилась Греческая слобода. Там со времен Петра I селились греки и, как это было заведено в Санкт-Петербурге, проживали они своей общиной.

Путают мои авторы, сиречь персонажи, ой как путают. Словно шифруют события, перемножая их, складывая одно с другим, безжалостно вычитая, вымарывая неугодных знакомцев, разделяя, но не властвуя.

«Было это в 80—90-х годах» – жуткая по своей абсурдности фраза. Восьмидесятые – царство застоя, а девяностые – перестройка, бандиты, открытие границ, волна проповедников и непуганых иноземных бизнесменов, желающих спешно открыть свой бизнес в бывшем СССР.

«Проходил концерт, как его… не помню, какой группы. Где было? Ну, наверное, в ДК пищевиков, но может быть, и в «Красном Октябре», нет, точно в «Балтийском Доме». Да. Стопроцентно – в ДК «Маяк». Были я и еще два известнейших поэта. Один из Латвии, ты его не читала, а другого должна знать обязательно. Такой, с длинными, грязными патлами, в сером вязанном джемпере. Ну как его… он еще всегда бухим читал!» Вот и ищи неведомо в каком году и в каком здании грязного, нечесаного поэта в джемпере, привыкшего радовать публику будучи под мухой. Да под подобное описание разве лишь лысые не подходят. Трудно разговаривать с нашими людьми. Ох, трудно!

Лирическое наступление 6

– Чем ты так долго занимался в ванной?
– Рукоплесканием!

Помойка

– Я нашел классную помойку! – заявил с порога Коля Никитин, вваливаясь в квартиру Наталии Андреевой и волоча за собой мешок с «сокровищами».

«В то время были действительно великолепные помойки, на которых можно было найти по-настоящему красивые старинные вещи. Народ выбрасывал антикварную резную мебель, покупая взамен безвкусные полированные гарнитуры. А любители старины с раннего утра выслеживали помоечные «новинки», собирая себе «дворцовую мебель и утварь».

В тот день Коля принес, как он сам выразился, «настоящий хрусталь». На самом деле это были осколки каких-то подсвечников, ваз, бокалов. Каждую находку мыли и рассматривали, наблюдая за тем, как преломляется в гранях стекла свет. С каждой Коля мог возиться, точно это и вправду была величайшая драгоценность, артефакт, волшебная вещь, способная выручить его в трудную минуту жизни. Сидя на ковре в крошечной комнатке, Наталия и Коля вертели в руках диковинные предметы, узнавая в них волшебную палочку феи, осколок зеркала тролля или даже подвеску королевы Анны, одну из тех, за которыми д'Артаньяну пришлось мчаться в Англию к герцогу Бекингему.

Если предмет удавалось опознать, лицо Коли светилось детским счастьем, когда никто не мог объяснить происхождение осколка и разгадать сокрытую в нем волшебную силу, Никитин откладывал его в отдельный мешочек, намереваясь позже непременно разгадать загадку.

Одним пальцем

Свою первую книгу «Геморрой, или Мариночка, ты такая нежная» Марина Оргазмус писала от руки. Фрагмент за фрагментом постепенно складывалась эта странная, откровенная, в чем-то притягательная, а в чем-то и отталкивающая повесть. Уезжая двенадцать лет назад из России, Марина не владела компьютером. Осваивать его пришлось уже в Германии. Училась сразу же на немецкой клавиатуре. Зато когда пришла пора набирать рукопись на русском языке, начался натуральный «геморрой».

Расположение букв на русской и немецкой клавиатурах различается. Находишь одну букву, бьешь по ней и тут же ищешь другую. Помните, как в детском мультике: «Одну ягодку беру, на другую смотрю, третья мерещится». В общем, перепечатывала она рукопись с полгода буквально одним пальцем. А когда закончила, то с удивлением обнаружила, что палец этот средний.

Символично, не правда ли?

Лучшая помойка года!

В ноябре 2010 года «Живой Журнал» взорвался сообщениями еще об одной «классной» помоечке, находящейся по адресу: город Санкт-Петербург, улица Ленина, дом 34. Там под холодный осенний дождь была выставлена библиотека Вадима Сергеевича Шефнера, среди представленных на помойке раритетов можно было отыскать книги с автографами Даниила Гранина, Ольги Берггольц, Павла Шубина и других известных авторов.

Желающие спасти книги рылись среди мешков с мусором и гнильем, выискивая еще почти не успевшие раскиснуть от ноябрьского дождя экземпляры.

Меченосец

На восьмом конгрессе «Странник», проходившем в Санкт-Петербурге в 2003 году, награда «Меч в камне» досталась Ольге Елисеевой за роман «Сокол на запястье». Сама Ольга приехать на конгресс не смогла, и огромный двуручный меч получал за нее Дмитрий Володихин, который был вынужден весь день мотаться с ним по Питеру.

Прохожие косились на здоровенный меч, не каждый ведь день увидишь подобное, милиция провожала Дмитрия настороженными взглядами, должно быть, ожидая, что он что-нибудь выкинет. Впрочем, Володихин совсем не похож на опасного маньяка. К тому же его окружала толпа невооруженных друзей, так что можно было заранее не паниковать.

Наконец Дмитрий и пара провожающих его на вокзал друзей загрузились в такси, где кто-то поинтересовался, посмеиваясь над ситуацией: дескать, а что будет, если машину вдруг остановят гаишники и потребуют объяснить, зачем ему меч. На что Дмитрий, нимало не смутившись, начал гнать пургу о том, что организация, которую он де представляет, приобрела этот меч за огромные деньги у маленького горного народца, выковавшего его в магических целях.

– Этим мечом можно прикончить любую сверхъестественную сущность, нечисть, гнома, тролля, демона, – вещал Володихин, увлекшись. – И вот завтра мы решили совершить акт ритуальной ликвидации засевшей в питерском руководстве гадины, освободив Санкт-Петербург от окопавшегося у власти демонья.

На последних словах Дмитрия таксист вдруг резко остановил машину, потребовав от компании выметаться подобру-поздорову. «Выходите и никому никогда не говорите, что ездили в этой машине!» – потребовал он.

И, не слушая возражений, выставил фантастов вон и дал по газам.

Очепятка

Однажды Владимир Ларионов писал в своем ЖЖ о журнале Бориса Стругацкого «Полдень XX века». И вместо «полдень» получилось «подлень».

Александр Житинский сказал, что будут сделаны соответствующие выводы и мэтру будет доложено.

Чем закончилась история и будет ли у нее продолжение, пока неизвестно.

Как Логинов Библию отредактировал

– Когда мы совместно с Дьяченко и Валентиновым написали роман «Рубеж», – рассказывает Олег Ладыженский, – Дима Рудаков в Питере предложил выпустить его коллекционным изданием – красивым, подарочным, всего 500 экземпляров. Мы сказали «да»! Согласны, давайте. Написали к нему предисловие, послесловие. Все сделали – издавайте.

– Нет, – говорят, – нужен редактор. Во всех приличных книгах должен быть редактор.

– Ну зачем редактор? Мы вроде все и так чисто сделали…

– Давайте мы вам Логинова дадим редактором, вы ведь от него не откажетесь?

– Ну… если вы оплатите ему командировку в Харьков, типа согласовать текст и редактуру, то мы согласны.

Вскоре Логинов действительно приехал. Мы ему устроили встречу с читателями. Ну и потрепались, конечно, от души.

Но по дороге в Харьков Слава решил заняться-таки редактурой. А там перед текстом – «Пролог на небесах», который составлен из больших канонических цитат из Библии, Торы, Корана, книги «Зогар». Как у Гете в «Фаусте».

Слава все хорошо отредактировал, потому что ему не понравился ни стиль, ни слог, ни обороты – ничего. А потом приезжает к нам. Спрашивает:

– Я не подумал. Это, наверное, оригинал?!

– Да, оригинал.

– Ох, жаль, я так хорошо его отредактировал!

Пересказанная история

Занятие в воскресной школе было посвящено Деве Марии. Битый час учительница рассказывала о том, как родители будущей Богородицы долго не могли родить ребенка и даже дали обет, что если Бог дарует им долгожданное дитя – неважно, мальчика или девочку – ребенок будет посвящен религиозному служению. Вскоре после этого у них родилась девочка. Вроде так, если я ничего не напутала. Потом, когда Мария немного подросла, ее отвели в храм, где она в свою очередь дала обет Богу.

Динька все внимательно слушала, чинно кивая головкой. Уже дома мы решили обсудить с ней тему урока, и она поведала дивную историю:

– Жили-были муж и жена, которые очень хотели детей. Но детей у них не было. И тогда они решили пообедать. Когда они сели обедать, у них сразу же появилась дочка. Девочку назвали Мария. Когда Мария подросла, она очень сильно хотела обедать и родители повели ее в храм. Там она наконец пообедала и больше домой не возвращалась.

Весьма удивленные полученным ответом, мы с мамой не стали пересказывать историю Богородицы еще раз, дабы вразумить дитя, а поспешили накрывать на стол.

Из разговора с подругой

– Ты любишь готовить?
– Нет, муж любит есть.

Папа Римский не пожал мне руки

Имя талантливого композитора Андрея Куличенко неизвестно широкой публике. В то же время он был знаменит в кругах музыкантов, пишущих духовную музыку.

Благодаря Андрею Куличенко был создан «Сборник церковных песнопений», равного которому еще не печатали в России. На публикацию сборника администратор Апостолической Русской Латинской церкви архиепископ Тадеуш Кондрусевич дал имприматур, то есть разрешение церкви на печать данного произведения. Заслуги Куличенко в работе над сборником были высоко оценены Ватиканом.

Андрей даже получил приглашение в Рим на «Летний университет польской культуры», в рамках которого должна была состояться аудиенция с самим Иоанном Павлом II. Согласно протоколу Андрей должен был вручить книгу и получить благословение. О чем его известили заранее.

Итальянская сторона оплатила три с половиной недели проживания композитора в комфортабельном «Польском доме» с питанием и входящими в программу экскурсиями по Риму, а также посещение других городов.

Но в итоге в Рим Андрей не поехал. Причиной тому была служба в военном оркестре Общего войскового командного высшего военного училища им. С.М. Кирова. Элементарно не отпустил старшина. Возможно, решил, что военному человеку Бог не нужен, или подумал, что Папа Римский обязан назначать встречи, сообразуясь с графиком репетиций военного оркестра. Хотя, скорее всего, просто побоялся, что Ватикан захочет переманить к себе талантливого композитора, в результате чего Куличенко получит весь Рим и вместе с тем и весь мир, а руководство училища – крупный скандал.

В результате поехала жена Андрея – Светлана Майская. Очарованная красотами Рима, Монтекассино и Венеции, Света звонила домой, пытаясь хоть как-то поднять настроение мужа, но до веселья ли ему было? Человеку, заработавшему, заслужившему эту поездку и так бездарно обобранному теперь.

Мало того, нельзя было даже уйти на это время, спрятаться у себя дома, пусть даже и с пресловутой бутылочкой. В такой ситуации это прощается. Но все эти три недели Андрей был вынужден репетировать и играть в одном из центральных парков города, создавая хорошее настроение публике.

В то время, когда жена вместе с другими членами делегации принимала благословение Иоанна Павла II, Андрей играл на

выпускном вечере в своем училище и получал «втыки» от непосредственного начальства, наблюдая, как приехавший в карете на вручение дипломов ряженый «Петр I» читает свою пламенную речь. Ту же, что и год, и два назад.

Сборник же все равно был вручен папе Римскому. Теперь он хранится в Ватиканской библиотеке.

* * *

Андрей родился в Ставрополе в 1963 году. С пятнадцати лет он и его друг Алексей Головченко начали посещать литературный кружок, где они читали стихи, играли и пели. Все более чем обычно. За исключением того, что кроме традиционного ознакомления с шедеврами мировой литературы, ребята открыли для себя Книгу Книг и вняли Благой Вести. В то время за это можно было вылететь не только из школы или комсомола, но и с работы. Поэтому чтение Святого Писания проходило при закрытых дверях и занавешенных окнах. Никому не хотелось навлечь неприятности на свои семьи и близких. Вскоре молодые люди втайне крестились.

Алексей Головченко окончил ВГИК и написал сценарий к фильму «Ниагара». Сейчас служит протоиереем во Владимире, в кафедральном соборе.

Андрей Куличенко закончил музыкальное училище в Ставрополе по классу скрипки.

В армии Андрей Куличенко попал в оркестр, где ему тут же был отдан приказ оставить скрипку и в самый кратчайший срок овладеть игрой на саксофоне.

Вечером того же дня выдали саксофон и самоучитель. Весь первый час своего обучения Андрей проиграл с мундштуком, перевернутым тростью вверх, пока это не заметил дирижер. Дальше обучение пошло быстрее, и за месяц он освоил сложный инструмент, да так хорошо, что когда через несколько лет жене Андрея предложили работу в Ленинграде, он поехал с ней и без хлопот нашел себе место саксофониста.

Андрей мечтал поступить в консерваторию по классу альта к Владимиру Стопичеву. Но не получилось – не удалось приобрести хороший инструмент. Готовясь к экзаменам, Куличенко жил в общаге, где ставил на ночь свою раскладушку под клавиатурой пианино. Андрею тогда было всего двадцать. Подрабатывая где только можно, он скопил шестьсот рублей – непомерную для молодого человека того времени сумму. Но не хватало еще четырехсот. И новый альт на тот период времени так и остался

мечтой.

Женился. С женой повезло, редко можно найти столь духовно близкого человека, как его Света Майская. Отец жены знал М.С. Горбачева по бурной комсомольской молодости, когда юные ленинцы совершали так называемые комсомольские рейды в магазины, делая контрольные закупки и тут же проверяя вес на ручных весах, приносимых с собою. В фильме о Горбачеве Михаил Сергеевич вспоминает этот эпизод своей жизни.

Работая с различными музыкальными коллективами и ища новые приложения своим талантам, Андрей познакомился с Польским обществом, где ему и предложили сделать сборник церковных песнопений.

Но начинать такую огромную и сложную работу следовало с изучения христианской католической культуры. Так Андрей и Света в 1990 году совершили паломничество в Польшу. От Варшавы до Ченстохова девять тысяч человек (из них две тысячи из России) должны были идти пешком в течение девяти дней. Путешествие оказалось тяжелым. Ночи в палатках и изредка в монастырских гостиницах были настолько холодны, что люди обогревались кто чем мог. Жгли спиртовые таблетки, на ночь накручивали себе на головы полотенца или натягивали трусы, чтобы не застудить уши. Костры зажигать строго запрещалось. Палатки везли на машинах. Ранним промозглым утром, наскоро похватав канапки (по-нашему бутерброды), брали с собой сухой паек, воду, молитвенники – и в путь. Но все равно рюкзаки были тяжелыми.

Молитвы, средневековые гимны и песни на священные темы звучали всю дорогу. Песню для русской делегации написал Куличенко на стихи Соловьева.

Непривычные к походной жизни Андрей и Света не взяли удобной обуви и, наверное, сдались бы, если бы совершенно чужие им поляки не подарили новоявленным паломникам по паре крепких сапог.

Вообще к паломникам в Польше относятся чудесно. Нередко целый год местные жители копят деньги, чтобы затем купить продукты и вещи для идущих на богомолье. Ведь паломники идут замаливать грехи, а значит помолятся и за тех, кто им помогал.

После посещения Польши Андрей понял, как ему следует действовать. Первый вариант сборника песнопений для молодежи был написан через два года, после чего композитор отправился в Москву, чтобы испросить разрешения на его публикацию у архиепископа Тадеуша Кондрусевича. Четыре рецензента из разных стран получили задание ознакомиться с предъявленным

им сборником. Все дали самые высокие оценки. Но книга все-таки была отдана автору на доработку. Дело в том, что, по мнению архиепископа, сборник должен был охватывать большее количество тем, нежели планировалось автором изначально, и представлять интерес для более широкой читательской аудитории.

Таким образом, сборник вышел только в 1994 г. и туда вошли такие прославленные стихотворцы и переводчики, как Аверинцев, Баратынский, св. Василий Великий, св. Иоанн Златоуст, Державин, Гумилев, Пастернак, Мережковский. Все это было положено на музыку Баха, Михаэля Преториуса, Георга Гселя. Кроме того, во множестве использовались средневековые гимны, музыку к которым писали безымянные монахи.

Сборник стал событием в соответствующих музыкальных кругах. Его хвалили и беспощадно ругали. Но, что важно, никто у нас пока не создал ничего подобного!

Сборник распространялся между регентами при храмах. Причем, несмотря на существенную разницу в богослужении, лютеранские церкви используют его музыку во время своих служб. Кроме того, произведения Куличенко вошли в сборник, созданный при церкви Св. Михаила в Санкт-Петербурге.

Мы познакомились с Куличенко на радиостанции «Теос», где он работал ведущим поэтической рубрики. Вторая встреча состоялась в церкви святого Михаила, где при входе в зал два коленопреклоненных ангела протягивают прихожанам чаши святой воды и звучит орган. Ничего не объясняя, Андрей вдруг схватил меня за руку и потащил на самый верх, на хоры, где музыка слышна по-особенному.

– Меня ругают, что я перешел из православия в католичество, – вздохнул Андрей. – Конечно, поступок нехороший. Но понимаешь…

– Конечно. В православной церкви нет органа, – поддержала его я.

Я брала у него интервью, надеясь разместить в журнале, с которым в то время сотрудничала. Но получилось только выложить его в Интернете. Кстати, название «Папа римский не пожал мне руки» придумал сам Куличенко. Считал, что оно привлечет внимание читателя.

Андрей работал над вторым сборником, надеясь хотя бы повторить свой первый «подвиг» и вновь удостоиться высочайшей аудиенции и увидеть Рим, Ватикан…

* * *

Последние годы Куличенко сильно пил. Кроме того, его преследовали больные фантазии. То он говорил, что его пытаются убить какими-то лучами, то обнаруживал прослушивание своей квартиры. Звонил и часами жаловался на невероятно тяжелую обстановку вокруг. На невозможность работать в таких условиях, на страх за свою жизнь и жизнь жены…

«Больной человек», – вздыхал Евгений Раевский.

А знакомые Андрея были вынуждены слушать его бесконечные исповеди в надежде, что рано или поздно он выговорится и успокоится.

Однажды Куличенко позвонил, чтобы попрощаться. «Мы больше не увидимся уже никогда. Я уеду, и меня убьют», – мрачно предрек он.

«Ну что ты. Вернешься (куда ты денешься?)», – чуть не произнесла я вслух.

Следующий звонок из дома Андрея последовал где-то через месяц. Звонила его вдова Светлана.

Пишу кратко

Пишу кратко. Нет, на самом деле мой обычный «формат» листиков[24] шестнадцать – исторические или фэнтезийные романы. Но когда появилась Динька, мое обычно такое спокойное время оказалось разорванным на множество кусочков. Вот как я, к примеру, писала «Феникса»: вечером напряженно продумывала очередной поворот событий, ночью видела еще не написанную сцену из романа во сне, утром просыпалась и, пока не выветрилось впечатление, записывала ночное приключение. Потом редактировала, перепечатывала («Феникса» я писала на пишущей машинке, а это та еще морока). После гуляла, ходила в театры и на концерты. Такие персонажи, как Карлес и Лаура, шагнули на страницы романа прямо со сцены БКЗ «Октябрьский», из шоу группы Раймонда Паулса «Кукушечка». Были там очень симпатичные мальчик и девочка. А вообще-то я ходила и размышляла. Мне вообще легче думается, когда я двигаюсь. Почти все свои произведения я продумывала на ходу.

Но маленькая Динька забирала почти все внимание. Тут уж не улетишь на несколько суток в страну драконов. Да и мысли… О чем думает молодая мама, как не о своем ребенке? Даже когда силится написать заказную статью. Все равно думать о ней получается урывками, уворованными у ребенка минутками. Потому что, о чем бы ты ни размышляла, все равно получается, что думаешь о своей дочке.

Поэтому я приучилась писать короткими заметками. Сначала популярные книжечки, где заранее прописываешь содержание, а затем день за днем, в любое свободное время выбираешь тему из намеченных заранее и спокойно работаешь. За то время, пока Диана спала в тихий час, я успевала прописать одну-две главки. А ночью садилась за книгу основательнее.

* * *

«Если хотите, чтобы популярная книга продавалась, вы должны создать текст, который будет в равной степени доступен и понятен восьмидесятилетней старушке, школьнице шестого класса и не привыкшей читать домохозяйке», – объяснила мне строгая редактриса в одном из питерских издательств.

Откуда мне было знать, что именно в тот день вредина хватила лишку с предыдущим автором и теперь несла черт знает что. Поблагодарив за науку и распрощавшись, я отправилась

домой и… Самое смешное, что за отведенные мне два месяца я умудрилась создать такой текст. Нет, без хвастовства…

Просто я очень доверчива, вот и решила, что с начальством не спорят. А раз не спорят – села и… сделала.

Дивный цветок

Вот говорят, в Сибири мужики рукастые, не то что у нас. Там все широко и на полную катушку – власть далеко, степь широка, лес глух.

У художника-иконописца Андрея Буянова было славное детство. И все благодаря отцу.

А был он, по словам самого Андрея, детиной великого роста и необычайной силы. Сам Андрей тоже богатырь будьте нате – борода лопатой, косая сажень в плечах. В общем, в породу пошел.

Неистово жил батя Андрея, мог своими руками сделать все – от ложки до избы. Но зато и пил невероятно. Гулял – земля тряслась.

– Вот помню, спим, – рассказывает Буянов. – Ночь, тишина, и тут откуда ни возьмись под самым ухом взвывает бензопила. Вой, треск, резкий неприятный запах.

Что? Где? Куда бежать? Ночь – не видно ни зги! И тут кусок стены падает, уступая место звездному небу. И на его фоне, в полнебосвода – силуэт отца. Отца, уходящего в ночь.

Прорезал себе дверь богатырь и сгинул, слившись с темнотой. Широка душа у нашего народа, начнет рваться на свободу – вожжами не удержишь. В каменный острог не запрешь, не то что в бревенчатую избу.

На месте дыры мать с бабкой после одеяло повесили. Так с неделю и жили, комаров кормили, пока отец пил да с девками плясал.

Мама-то у Андрея тихая да спокойная. Через неделю вернется отец усталый, потрепанный, точно на нем целый год черти воду возили, тихой сапой в дом вползет, не пьет, не ест, пока новую дверь на место дыры позорной не навесит.

И с месяц после этого спокоен и смирен бывает, ни от какого дела не отлынивает, на любую просьбу отзывается. Матери поперек слова сказать не смеет.

А потом по новой в загул. И трясись земля, дивись солнце красное на новые выходки да подвиги богатырские, на пляски да игрища. Расти сын, да знай, что за дивная силушка в тебе до поры до времени прячется. Вырасти ее, точно диковинный цветок, – пусть цветет людям на удивление!

О вреде нескромности

В одно и то же время вступали в Союз писателей Санкт-Петербурга никому тогда еще не известные Дмитрий Горчев и О'Санчес.

Хотя что неизвестные, это, может быть, и к лучшему – врагов нет, завистников тоже. О Горчеве еще беспокоились, уж больно много в произведениях ненормативной лексики, что же до О'Санчеса… – бумаги в порядке плюс два романа: «Кромешник» издательства «Симпозиум» и «Нечисти» издательства «Геликон +» на комиссию представлены. «Нечисти» так вообще свеженький, тогда еще в мягкой обложке, на заднике которой хулиганская аннотация Дмитрия Горчева и в ней такая строка: «Роман «Нечисти»… очередной шедевр великого русского писателя О'Санчеса…».

В результате Горчев вступил в Союз писателей, а О'Санчес – нет. А члены приемной комиссии еще долго и громко возмущались по поводу «великого русского писателя О'Санчеса», упражняясь друг перед другом в остроумии и сквернословии.

Впрочем, потом и О'Санчеса все-таки приняли, но через полгода.

* * *

Диня, засыпая:

– Мама, ты меня любишь?

– Конечно, солнышко.

– Докажи.

– Как?

– Сделай салют.

Я сажусь к компьютеру, открываю папку «Игры», «Солитер», выигрываю. И – салют!!!

О долгах неуплатных

Долги… дело особое, важное. Я всегда стараюсь отдавать долги, и работу делаю строго в срок, и на встречи принципиально не опаздываю. Лишь бы только не быть кому-то должной, не чувствовать себя зависимой, обязанной. Но есть долги, отдать которые не представляется возможным. Японцы стремятся искусственно создавать такие неуплатные долги: подаришь им на йену, они тебе за это на тысячу. Ты им на тысячу, они тебе на целый ман – десять тысяч йен. Рисом японцев не корми – дай ощутить благодарность кому-либо. Долг – это связь: пока отдаешь, ты вроде как нужен. Живешь с этим, каждый день вспоминаешь, какой замечательный подарок тебе сосед преподнес, думаешь, как не ударить в грязь лицом, чем ответно одарить. По лавочкам, по магазинчикам ходишь, ищешь достойный подарок, хотя заранее понятно, что все равно вовек не расплатишься с дарителем. Вот и будешь всю жизнь жить, поздравления к празднику присылая да моля Бога за хорошего человека. Жизнь с мыслью о благодарности – достойная жизнь, потому что думаешь только о хорошем и стремишься стать еще лучше.

Есть в Японии такое понятие, как ондзин – человек, перед которым ты вечно находишься в неоплатном долгу. Это долг высшего пилотажа, возможность обрести себе самого любимого, самого дорогого человека на вечные времена и вечно оставаться его преданным слугой, не требуя ничего взамен.

…Не люблю быть должной, всегда стараюсь отдавать то, что взяла, платить за добро сторицей. Но порой долг отдать просто невозможно. И не потому, что взял очень много. А оттого, что одаривший тебя человек пожертвовал для тебя частью своей души. Мы в вечном долгу перед своими матерями, перед друзьями, которых никогда не надо просить дважды и которые являются по первому зову, часто забывая о себе.

Долг – это состояние души, когда ты вроде как и уплатил сполна и даже сверху добавил, а все же продолжаешь чувствовать благодарность и испытывать желание поделиться чем-то хорошим. Это чувство появляется очень редко, я сознательно гоню его от себя, отодвигаю заветный миг, когда вдруг приходит осознание, что ты бессилен перед настигшим тебя. Как это у Сергея Есенина: «Если душу вылюбить до дна, сердце станет глыбой золотою». Преисполненное благодарностью сердце становится сродни драгоценному Граалю, в котором только любовь. Приобретая ощущение благодарности и невозможности в

течение одной жизни отплатить заполученное сокровище, мы обретаем, возможно, самое главное в своей жизни – настоящую, крепкую дружбу. Дружбу на долгие годы. Потому что давший в долг кредитор, удовлетворенный щедрой оплатой, уйдет от вас. Друг же останется, продолжая бескорыстно дарить вам свою любовь. Друг не покинет вас, даже когда его собственная душа вслед за вашей обратится золотой чашей, полной чистых чувств.

Какое счастье все-таки сознавать, что у тебя есть еще люди, чувство благодарности к которым не исчезает и после многократного возвращения всех мыслимых и немыслимых долгов.

Лирическое наступление 7

Продавщица овощей: «Мне так нравится ваша белая куртка с воротником. Вы в ней выглядите прямо интеллигентным человеком».

О том, как Дима Григорьев стал таким знаменитым, что его даже в Китае знают

Особую роль в нашей жизни играют мелочи. Послал как-то поэт Дима Григорьев свою книгу стихов поэту Владимиру Линдерману, который некогда был одним из организаторов поэтического фестиваля в Риге, а затем начал издавать порнографическую газету «Еще». Послал и забыл. Подумаешь, большое дело.

А через какое-то время Дима решил отправиться в Тибет – в святых местах помедитировать. Ехал он автостопом, через Китай. Но в пустыне Такла-Макан, на подступах к Тибету, его развернули полицейские и отправили назад.

Но пока Григорьев возвращался, река Или разлилась и разрушила мост, из-за чего Григорьев опоздал на несколько часов на границу и просрочил визу. А надо сказать, что в Китае нарушение визового режима – серьезное преступление. У них там и так народу сверх меры, гнуса на всех не хватает, а тут еще и туристы умудряются задержаться. В общем, шесть лет ямыня светили реально.

Диму задержали погранцы и заставили писать объяснительную. Когда же он исписал несколько листов, разрешили немного отдохнуть и принесли почитать русские газеты, среди которых оказалось несколько «Еще». Дмитрий взял в руки номер – и вдруг! Первое, что он увидел, была редакторская статья Линдермана о любви: «Существует множество стихов о любви, – писал Линдерман, – и вот недавно мой питерский приятель Дима Григорьев прислал мне свою книжку, в которой есть такое прекрасное стихотворение:

Нежные лица педерастов,
горячие руки онанистов,
печальные глаза садистов…
Любовь, любовь, любовь вокруг».

– Вот посмотрите, в газете мои стихи! – Дима протянул принесенную ему минутами раньше газету. – Видите, Дима Григорьев.

Приграничный город, где многие понимают по-русски. Тем более полицейские и пограничники, которым приходится чаще

прочих граждан сталкиваться с нашими туристами.

– Да, действительно интересно, – закивали головами чиновники.

– Хотите, я вам автограф оставлю, – уже более уверенным голосом предложил Григорьев.

После чего его отпустили домой, провожая полными немого уважения взглядами. Как же – известный поэт! Впрочем, его документы были в порядке, и к разрушению моста русский литератор явно не имел отношения. Но какова история?!

Другой Китай

На нашей земле, почти не сталкиваясь и не мешая друг другу, живут сразу два Китая. И в каждом Китае, естественно, проживают китайцы. В одном – потомки тех, кто строил красивые пагоды, научился выращивать шелковичных червей, ковать оружие, делать дивный фарфор, в другом…

В Японию, например, по сей день поступают товары из правильного, хорошего Китая. Кроссовки, что я купила на жуткой распродаже в Нагое за тысячу йен (300 рублей на наши деньги) брат умудрялся носить летом и зимой целых пять лет! Ноги в них дышали. Зимой чудесная обувь согревала, летом давала необходимую прохладу. Настоящие китайские халаты – двухсторонние, с чудесной вышивкой, китайские ткани, которые, по слухам, можно пропустить через обручальное кольцо и они не застрянут там, как верблюд в игольном ушке, спокойно просочась через золотые врата.

Совсем другое дело неправильный Китай. Даже не хочется описывать его продукцию – на любом рынке этой гадости навалом.

Вот почему японцы говорят, что Китай – это целый мир, а русские, рассматривая с виду вполне приличную обувь или технику, с замиранием сердца ищут подлянки «made in China».

Хотя в последнее время, судя по всему, неправильный Китай проник-таки и на территорию островов богини Аматэрасу. И, беря знаменитые своей дешевизной и качеством товары Поднебесной, они теперь нередко сталкиваются с той же подделкой, в окружении которой вынуждены жить мы.

Насколько было бы проще потребителю, если бы эти два независимых друг от друга географических образования получили бы и отличные друг от друга имена. Но ни те, ни другие не готовы уступить историческое имя «Китай».

Так что попробуй разберись, представителя какого Китая вы встречаете на экскурсии в Лувре? Потомка легендарных гончаров, что трудились при династии Мин, или одного из тех мерзавцев, что штампуют на фабриках отравленные игрушки для детей.

Задайте вопрос китайцу, даже предварительно напоив его, – он нипочем не признается, что он из неправильного Китая. Стыдно!

И все же сталкиваться с представителями бог весть какого Китая одно, а вот очутиться самому, купив тур с единственной

целью прикоснуться к культуре великой страны и вдруг оказаться…

Велик Китай, велик, мудр и прекрасен, отчего у истинно верящих в него всегда есть надежда, что отличит он подлинно любящих и чтящих великую страну от легиона «челноков», стремящихся совсем к другим берегам – к другому Китаю, к другой Японии, к другому Парижу.

В последнее время отчего-то острее острого ощущается неприкрытая двойственность и других прекрасных стран.

Разлив

Ох, и невеселое же утро выдалось у Владимира Ларионова на одном из «Интерпрессконов» в Разливе. А ведь это закон: коли ночь удалась на все сто, наутро жуткое похмелье. «Если где-то прибыло, где-то непременно убудет», – поддерживают со своей стороны ученые физики.

В самом мрачном настроении Ларионов добрался до зеркала и остался крайне недоволен увиденным. А тут еще добавил перца рижский фантаст Сергей Иванов, неожиданно появившийся перед потрепанным Ларионовым, поигрывая хорошо накачанными бицепсами, точно в насмешку трезвый, бодрый и спешащий на ежедневную пробежку.

Окончательно раздавленный здоровым видом Иванова, подавленный и уязвленный в самое существенное место – в гордость, Ларионов вернулся к себе в номер, размышляя о том, что с выпивкой придется завязывать. А куда денешься, раз другие после пьянки – словно огурчики, а он…

Тут дверь скрипнула и медленно начала открываться. Ларионов поднял глаза. Перед ним, слабо покачиваясь в дверном проеме, стоял Борис Штерн. Одетый во вчерашний помятый костюм, бледный, с закрытыми глазами, Борис Гедальевич, выглядел как собственный призрак.

В воцарившейся тишине, выставив перед собой слегка трясущиеся руки, Штерн прошел в номер, бормоча себе под нос: «Тихо, тихо, тихо…», повернул к кровати: «Тихо, тихо…», сгреб с тумбочки початую бутылку водки, безошибочно точным, выверенным движением налил себе треть и выпил.

Все это виртуоз проделал не просыпаясь, ни на секунду не открывая глаз и ни разу не улыбнувшись.

«Тихо, тихо, тихо…». Штерн развернулся, так же медленно, но уверенно проследовал до двери и скрылся за ней.

«Тихо, тихо, тихо…». Ларионов встряхнул головой, отгоняя морок, но в комнате больше никто не возник. Подчиняясь непонятной магии, он потянулся к тумбочке, взял бутылку, плеснул себе в стакан, выпил и…

«Ничего, мы еще попьем», – пообещал сам себе Владимир. Вид похожего на привидение Штерна подействовал умиротворяюще. Тяжелое состояние немножко отпустило, а в голове точно сам собой сложился любопытный термин: «ЗАВСЕГДАДАТЫЙ».

* * *

Мы в разливе, как Ленин и пиво.

Преимущество

Водка – не дождь, с неба не падает.

Анджей Сапковский

Спросил однажды Сергей Битютский Геннадия Жукова:

– На кой хрен тебе было вступать в Союз писателей? Зачем тебе членство в этой проплесневелой организации? Какая лично тебе от нее польза?

– Очень большая польза, – ответил поэт. – Когда я иду пьяный в ж…, менты меня – цоп, а я им – удостоверение Союза писателей. Они руки разводят и меня отпускают. Видят – уважаемый человек, не какой-нибудь бомж.

По мнению ментов, писателю положено быть пьяным в дупель.

– Я, может, потому и не вступаю сам в Союз писателей, – смеется Битютский, – что вообще не пью и это преимущество мне без надобности.

Писатель и его телохранители

Юра Баладжаров вошел в купе поезда и обомлел – три чеченца! Здоровенные немногословные амбалы, лица кирпичами. Говорят на своем языке, поглядывая на пришлого. Явно обсуждают, что за птица залетела в их гнездо. Посмотрят, пошепчутся, головами покивают. Дискомфорт.

Юра уже чаю попил, умылся, переоделся, лег на верхнюю полку книгу читать, а соседи все шушукаются. Страшно – уснешь, а они тебя ночью зарезать догадаются. Бдить? А что сделаешь в одиночку против троих?

Через час пути один из попутчиков поднялся со своего места и, извинившись, поинтересовался:

– Вы Баладжаров? Вы для нашей Лизы пишете?

Тут-то все сразу и встало на свое место. Дело в том, что за несколько дней до поездки в Питере состоялся концерт чеченской диаспоры, на котором певица Лиза Ахматова выводила Юру на сцену. Там-то его и увидели попутчики.

У нас имя Лизы Ахматовой известно мало, а на Кавказе, в Чечне она звезда первой величины.

– С этого момента поездка сделалась незабываемой, – вспоминает Юра. – Королевская поездка. Я боялся глянуть на что-то на остановке, так как все немедленно покупалось. Я в туалет, они охраняют у туалета, я в тамбур – они за мной.

При этом ни разу не спросили о моих отношениях с Лизой, им было достаточно, что я пишу для нее песни. Очень, очень странно. Ведь у нас как? Стоит узнать, что попутчик каким-то боком связан с известным человеком, и тут же вопросы: с кем живет, сколько получает, а правда то, а правда се?.. Здесь другое – внутренняя интеллигентность, почтение, уважение.

На остановке в Воронеже я вышел прогуляться по перрону. Эти три амбала за мной. Идем по платформе, навстречу милиция.

– Ваши документы.

Я, – ну надо же было выпендриться, – вытаскиваю удостоверение Союза писателей.

– Ага. Писатель, – лейтенант оглядывает молча возвышающихся за мной молодчиков кавказской национальности. – Понятно. А это телохранители.

Он отдал честь и, даже не проверив документы у сопровождающих лиц, отпустил нас всех подобру-поздорову.

Тест

Внезапно отвлекла от ноутбука незнакомая девочка лет девяти. То ли тихо подошла, то ли я, как обычно, погрузилась в текст настолько, что ничего не видела и не слышала.

Я на улице, в парке санатория «Заря» под Питером. Ага, место установлено. Хотя адекватное восприятие полностью еще не включилось. Должно быть, смотрю на нее точно лунатик. Во всяком случае чем-то заинтересовала пигалицу.

Девочка (приглядевшись к моему лицу):

– У вас глаза разные, правый больше левого. Верная примета: сын и дочь.

Я:

– А если тройня?!

После выяснилось, что она таким образом пыталась узнать, одна я или с ребенком.

Пивной сборник

2000-й год. Финальный этап подготовки к печати сборника «Стихи о пиве». Проделана огромная работа, в проекте участвуют несколько замечательных художников, нарисовавших превосходную графику, и поэты, создавшие подборки стихов на тему о пиве.

Уже прошли первое и второе чтения, отобрано некоторое количество графических работ.

Осталось в последний раз пробежать взглядом и…

Неприятное предчувствие возникло уже на подступах к квартире Смира. Плохонькая старая дверца оказалась незапертой. Перекрестившись, я опасливо оглянулась, словно в вонючем, покрашенном ядовито-зеленой краской подъезде кто-то мог, если что, прийти мне на помощь.

Прислушалась. Внутри квартиры – тишина.

Странно. Смир ведь знал, что я должна подойти. Квартиру уже как-то обносили. Бывало, что Сашка спьяну забывал запереть за собой дверь и тогда вслед за ним туда мог проникнуть кто угодно.

Место тут неспокойное – веселенькое такое место. Одно название района «Веселый поселок» чего стоит.

Я открыла дверь, готовая в любой момент отпрыгнуть в сторону. Пол был устлан чем-то белым. В полумраке сразу и не разберешь.

Такое впечатление, что в квартире происходит ремонт и все застелено газетами, полиэтиленом и не годными ни на что другое тряпками.

Только на этот раз вместо газет по всему полу были разбросаны белые листы нашей будущей книги, авторские работы художников, ксероксы…

В комнате то же самое – белый снег стихов вперемешку с графикой и пустыми пивными бутылками. Кое-где в ворохе бумаг угадывались руки и ноги, в опасной близости с оригиналами иллюстраций стояли открытые банки с помидорами и из-под консервированной рыбы. Из-под листов и свернутых как попало одеял и разбросанных вещей раздавался нестройный храп, издаваемый несколькими пьяными рожами – вчерашними гостями Смира.

Говорят, что в критической ситуации у человека как бы открываются новые силы. До сих пор не понимаю, как я сумела выбросить из квартиры не сопротивляющихся моему праведному гневу мужиков. Я не чувствовала веса. Но летели они красиво!

Сам Сашка дрых под столом. До поры до времени я его не будила, собирая драгоценные листы сборника.

Не знаю, кто и с какой целью разложил их повсюду, особенно потрудившись в комнате и в туалете. Но сборник был спасен, и проснувшийся Смир подписал рукопись в типографию.

– Единственное условие: я один – редактор и составитель. Так хочу! Точка.

Я пожала плечами. Мои амбиции ограничивались подборкой стихов к сборнику. Что еще надо для счастья?

Помощники

2005 год, Киев, конвент «Портал». После банкета Анджей Сапковский силится проникнуть к себе в номер. Долго и безрезультатно пытается воткнуть ключ в замочную скважину. Наконец наблюдающему за происходящим Олегу Силину (Скаю) становится жалко писателя.

– Пан Анджей, вам помочь? – участливо поинтересовался Скай.

– Спасибо, мне уже помогли, – отвечает Анджей.

* * *

Отправляясь к себе, Анджей Сапковский громогласно заявляет: «Меня не трогать ни руками, ни ногами, ни водкой».

* * *

Анджей Сапковский спит в своем номере. К нему стучатся.

– Пан Анджей, одна девушка хочет получить ваш автограф.

– Пять минут, – отвечает Сапковский.

Ровно через пять минут он действительно является в номер напротив, где давно гуляет развеселая компания во главе со Скаем.

– Где девушка? – начинает с порога Анджей.

Приводят девушку.

– Где книга?

Подают книгу.

– А где водка?

Как «Алексей Толстой» с ментами разговаривал

– Как известно, в украинских поездах запрещено употребление алкоголя, – рассказывает Глеб Гусаков. – Однажды с конвента «Портал» возвращалась большая компания донецких фантастов со главе с Федором Березиным. Много пили, шумели, не давали спать соседям. И в конце концов настолько достали поездных ментов, что те явились разбираться со злостными нарушителями спокойствия.

– Я очень известный писатель-фантаст, – с трудом поднялся навстречу милиционерам Березин.

– Ну и кто же? – поинтересовался милиционер.

– Алексей Толстой, – не моргнув глазом, ответствовал Березин.

– И что ты написал? – осведомился не въехавший в шутку блюститель порядка.

– «Гиперболоид инженера Гарина», – невозмутимо произнес Березин.

– Да? Я кажется кино смотрел… – Милиционер почесал в затылке и, забрав своих товарищей, вышел из вагона, оставив «Алексея Толстого» продолжать веселье.

Арсен и поезд

Однажды Арсен Мирзаев наподдал самому настоящему поезду. Арсен был злой, а товарняк точно специально взял и преградил ему дорогу, нагло вытянувшись на путях во всю длину своего многовагонного тела.

– На! – крикнул поэт, заехав со всей злости по колесу ногой.

Нога сломалась, а поезд…

– В тот день на поэтическом фестивале я что-то не поделил с нашими поэтами, а досталось поезду, – оценил позже ситуацию Арсен.

Уверена, товарняк надолго запомнил столкновение с поэтом Мирзаевым. Это вам не над беззащитной Анной Карениной измываться, не критика Берлиоза обезглавливать (хотя в последнем случае это был не поезд, а трамвай).

Но «поэт в России больше, чем поэт». И всяким там поездам это пора знать!

Поэт и гонорар

Долгое время замечательный поэт Олег Григорьев жил, точно отверженный. Его не печатали или почти что не печатали и не давали выступать. Поэтому предложение сделать творческий вечер в Центральной детской библиотеке им. Лермонтова было им встречено с радостью.

Устроила вечер тогда еще юная и отчаянная Наталия Андреева, недавно устроившаяся на должность библиотекаря.

Мандраж появился за несколько минут до начала, когда в зал на сто мест набилось сразу же четыре класса детей. А ведь младшие школьники – это такая аудитория, которая ни за что не станет слушать, если им неинтересно. Если начнет баловаться один, вскоре к нему присоединятся и другие. Что делать? А ведь Олег обещал после выступления в библиотеке устроить квартирник! Друзья Наталии были обзвонены предварительно, многие из них собирались быть с детьми. Мало этого. Было заранее оговорено, что в конце второго выступления по кругу будет пущена шапка, в которую каждый положит, сколько может. Посильная помощь поэту, дань его таланту.

– Удивительное дело – дети сидели так тихо, что со стороны можно было подумать, будто зал пуст. Фантастическая тишина. Волшебство. Встреча длилась больше часа! – даже сейчас, рассказывая мне, Наталия невольно восторгается и не может до конца объяснить происходившее. А ведь с ее опытом проведения вечеров ей есть с чем сравнивать. – Все методички пишут, что детей можно держать без движения не более сорока минут. Непостижимо! – она делает выразительную паузу. – А современных детей, пожалуй, и того меньше. А тут больше часа!

Зная от Савелия Низовского, что Григорьев бедствует, Наталия заранее решила: независимо от того, сколько вложат ее друзья, лично она отдаст поэту все, что у нее имеется. А именно – за день до этого выданную зарплату. Как представлялось тогда, на эти деньги Олег купил бы себе продукты, заплатил бы за квартиру…

Как же!

Все полученные от выступления средства Олег оприходовал в тот же день в ближайшем винном магазине.

* * *

Однажды глубокой осенью Олег Григорьев пошел купаться в

Неве. Было холодно, поэтому он не снял пальто.

Нестандартное решение

История произошла в издательстве «Армада» в середине 90-х годов. Переводчик Игорь N был не просто пьян, он еле держался на ногах, доставая всех бессвязными разговорами. Впрочем, кроме пьяных бредней, он принес свежепереведенный роман, из-за чего чувствовал себя героем, вокруг которого все от мала до велика должны были водить радостные хороводы.

– Надо налить ему крепкого чаю, чтобы немножко протрезвел, – предложила одна из находившихся тут же редактрис, за что немедленно была нецензурно послана «героем дня».

Впрочем, вызвав волну негодования сотрудников редакции, переводчик неожиданно утих и присмирел, попросив действительно заварить ему чайку.

– Сделайте что просит, будьте так добры, – попросил обиженную девушку Андрей Саломатов, примиряющее улыбаясь. Мол, какой смысл на пьяного дурака обижаться. Протрезвеет – сам приползет извиняться.

Игорь взял чашку, резко крутанулся на месте, чуть не утратив при этом равновесия, и выплеснул чай в кадку с фикусом. После чего, выхватив из кармана початую бутылку водки, налил в чашку и со словами «Чай, не последняя» лихо опрокинул содержимое в рот. После чего почти тотчас рухнул на пол.

– Нужно было дать ему кофе, – по-своему оценила ситуацию заведующая детской редакцией.

Киллер

Сценка из 90-х годов.

– Ты кто? – спросила Оля.

– Я киллер, – ответил невысокий, сутулый мужчина и почему-то покраснел.

– Киллер? – на всякий случай переспросила Ольга. Слово показалось знакомым. Но такая профессия в тусовке слыла за экзотику. Во всяком случае Оля сталкивалась с ней в первый раз.

– Ну и как дела у тружеников?.. ммм…

– Да работа как работа. Залег, выстрелил, ушел. Рутина.

– Ага, – машинально поддакнула Ольга, – действительно ничего интересного.

– Хотя… – киллер призадумался. – Нет, на самом деле в нашей профессии тоже есть место фантазии. Вот недавно, например, нужно было через весь город тащить снайперскую винтовку. Вот такенная штука, – он показал руками. – А как ты ее доставишь, когда вокруг ментов по случаю приезда какой-то шишки, как зубиков в расческе.

Вот и кумекай, как работать в таких условиях.

– Ну и как же? – Оля затаила дыхание.

– А просто. Купил на улице длинные такие шарики, из которых клоуны на праздниках обычно собачек да жирафов скручивают, и сделал из них целый букет цветов на длинных зеленых стеблях. Ими и замаскировал винтовочку. Другие шарики взял в руки, нацепил смешную шапку, клоунский красный нос. И как ни в чем не бывало пронес оружие между ловящих ворон ментов.

Мораль: бойтесь клоунов, цветы приносящих!

Два меча

В Выборге в 1887 году известным финским скульптором Вилле Вальгреном был поставлен памятник основателю замка Торгильсу Кнутссону. Незадолго до этого – в 1862 году новая улица города, которая вскоре после этого сделалась главной, была названа Торкельской.[25] Впоследствии она, естественно, была переименована в проспект Ленина.

Инициатором создания памятника выступил выборгский архитектор Я. Аренберг. Он же руководил сбором денежных средств на изготовление, установку и доставку скульптуры. Да, я не оговорилась, новый – бронзовый Кнутссон родился в парижской мастерской Вальгрена.

Были устроены благотворительные концерты, спектакли, лотереи. Наконец нужная сумма была собрана, и Вальгрен приступил к работе. Правда, он далеко не сразу занялся эскизами будущей скульптуры, а для начала засел за историю средневекового костюма. Шутка ли сказать, одна крохотная неточность – и гордый марскалк[26] сделается всеобщим посмешищем!

Но даже когда с облачением Кнутссона все прояснилось, скульптор долго не мог найти подходящий образ.

– С этим памятником связана вот какая байка. Сам я ее слышал от других людей и за подлинность ручаться не могу, – разводит руками Андрей Дмитриевич Балабуха. – Так что не взыщите, если что.

Итак, памятник основателю Выборга установили, а в 1939 году в результате Зимней войны Выборг отошел к СССР. Тогда наши доблестные герои сказали: Торгильс Кнутссон – это чрезвычайно непатриотично. Затем свалили статую и водрузили на освободившийся пьедестал Петра I. Но финны народ аккуратный, памятники в переплавку не отправляют. Поэтому местные сторожа тихо перенесли Кнутссона в яхт-клуб, соломкой прикрыли и стали ждать.

В 1941 году финны, отвоевав город, сбросили Петра I, сволокли его в тот же яхт-клуб, соломкой прикрыли. А на родной пьедестал вернулся Торгильс Кнутссон.

В 1945-м советские войска вновь забрали себе Выборг, уже проверенным путем отправились в яхт-клуб, забрали оттуда Петра I, сбросили Кнутссона, причем на этот раз так сбросили, чтобы тот разбился на куски.

Сейчас в Выборге снова стоит Торгильс Кнутссон. Новодел,

конечно, но отлитый в той же литейной форме, что и оригинал.

На том бы, казалось, история и закончилась. Но меч – меч, что держал бронзовый марскалк, – уцелел! Кто-то вытащил его из осколков первого памятника и спрятал.

И вот родилась легенда, что до тех пор, пока меч Кнутссона жив, – и Выборгу жить. Потому что, когда проектировался памятник, меч был полностью скопирован с подлинного меча Кнутссона, который находился в музее. Причем это был настоящий кованый меч!

Долгое время этот меч прибывал в нетях где-то в Выборге, до тех пор, пока уже в конце 80-х годов он не попал в руки к некоему русскому ролевику, который и сам умел ковать. Естественно, он заинтересовался мечом и повез его к себе домой в Питер. Но по дороге был задержан милицией и препровожден в ближайшее отделение, где не вняли протестам, что-де меч не настоящий, а всего лишь кусок от разрушенного памятника, и отдали подозрительное оружие на экспертизу. А та, в свою очередь, показала, что это подлинное боевое оружие начала XIV века и поэтому должно быть передано в музей, но ни в коем случае не возвращено частному лицу.

И дальше самое интересное. Меч должны были передать в Музей ракетных войск. Проверяли – нету. В Эрмитаже – нет. Ни в один другой из известных музеев ничего похожего не поступало.

Куда он делся – неведомо. Но ведь есть легенда, что Выборг будет стоять до тех пор, пока его охраняет меч Кнутссона. А поскольку Выборг жив, стало быть, меч цел!

– На самом деле все было не так! – вступает в спор искусствовед Лариса Каштановская. – О мече Кнутссона писала Е.А. Рыдзевская в своей работе «Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв.»[27]. Памятник действительно был создан указанным выше скульптором по инициативе упомянутого архитектора, и делался он в Париже. Но во всем остальном это чистой воды байка!

На самом деле дело было так.
В «Хронике Эрика»[28] говорится:

> Торгильс Кнутссон стал править в то время.
> Был он умен и радушен со всеми.
> Крестьяне, священники, рыцари, слуги —
> Все были довольны жизнью в округе.
> Были там праздники, танцы, турниры.
> Ни хлеба, ни мяса не жалко для пира.
> Рыба в достатке водилась в озерах,

Мир и покой царил на просторах.
Лишь по законам все споры решали.
Люди про тяжбы не вспоминали…
Жизнь с тех пор потекла спокойно,
Как встарь, не терзали Швецию войны.

Торгильс Кнутссон – любимый персонаж шведов и финнов. Поэтому и главная улица в его честь, поэтому его и называют завоевателем Карелии, основателем Выборгского замка и даже города Выборга (тому есть множество подтверждений в книгах и в Интернете).

Памятник был изготовлен в 1887 году и стараниями русского императора Николая I торжественно привезен в Выборг. Высочайшего разрешения письменно испрашивал городской совет, чему также есть письменное подтверждение.

4 октября 1908 года состоялось торжественное открытие памятника. Он был установлен на площади Старой ратуши напротив замка и простоял там сорок лет, пока в 1948 году знаменитый маршал не был свергнут с пьедестала и отправлен на склад комбината благоустройства города. Там его отыскали сотрудники Выборгского краеведческого музея в 1975 году, после чего Торгильс Кнутссон был перенесен в подвал замка. Где он пролежал до 1991 года. «…Благодаря члену Союза художников России скульптору В.П. Димову, архитектору И.В. Качерину, гранитчику Михаилу Сафонову, работникам завода «Монумент-скульптура» (Петербург) и, конечно, Фонду реставрации, реконструкции и развития Выборга, финансировавшему работы, гордый маршал вновь занял свое место на площади. Произошло это 2 июля 1993-го года, в год 700-летия Выборгского замка».

– Впрочем, мы хотели поговорить о мече Торгильса Кнутссона. Так вот, весной 1994 года ночью неизвестные отломали от статуи меч, и его не могли затем отыскать в течение нескольких дней. После чего похитители вдруг ни с того ни с сего сами вернули оружие, положив его к ногам маршала, – рассказывает Лариса.

– И нет никаких мыслей относительно того, для чего потребовался меч? Как он был применен? – воспользовалась я возникшей паузой.

– Предположения были самые разные, от бытовых – нажрались, решили проявить удаль, после осознали и вернули – до мистических и даже фантастических. Это скорее уже по вашей части. Я же могу закончить свой рассказ только тем, что

работники Выборгского судостроительного завода вновь «вложили» меч в бронзовую руку Торгильса Кнутссона.

– А если меч подменили? – я снова пытаюсь придумать свой финал. – Была сделана экспертиза или нет?

– Никакой экспертизы не было и быть не могло. Пропал меч, потом его вернули. Кому какое дело? Главное, что скульптура была восстановлена и в настоящее время меч находится в руках своего маршала. А пока жив меч Торгильса Кнутссона – Выборг жив!

Эликсир бессмертия

По словам людей, знавших Владимира Щербакова, это был необыкновенный, совершенно фантастический человек. Кто же из бывалых фэнов не помнит о его встречах с Богородицей, открытии Атлантиды или изобретении эликсира бессмертия? О последнем рассказал Дмитрий Володихин.

– Щербаков страшно любил выступать, но вот слушать его долго мог не всякий. На лекцию Щербакова, озаглавленную ни больше ни меньше как «Эликсир бессмертия», завлекать начали заранее, причем тем, от чего не мог отказаться ни один любитель фантастики. Обещали, что будут продавать редкие книги корифеев современной фантастики. А почему бы и нет, учитывая что сам Щербаков был главным редактором редакции фантастики издательства «Молодая гвардия».

И вот настал долгожданный день. Зал битком набит любителями фантастики, все с волнением спрашивают друг у друга, когда же привезут книги.

Наконец на сцену выходит виновник торжества.

– Многие века человечество мечтало получить эликсир бессмертия, способный спасти людей от мук, связанных со старением организма, его увяданием и, наконец, смерти…

В зале недовольный шепоток: где книги? привезли ли книги?

– Мне удалось получить вожделенный эликсир. И я даже готов поделиться с вами рецептом.

В зале: «Кто-нибудь слышал, выгружали книги?», «Книги вообще доставили или нет?».

– Один из элементов я сейчас точно могу назвать – это теллур.

В зале уже громко: «Когда будут продавать книги?», «Обман, давайте книги!»

Щербаков, со вздохом:

– Да. Теперь я понимаю, что современное человечество еще не готово получить рецепт бессмертия. Если даже я назову его сейчас, вы все равно перепутаете все элементы и вместо божественного эликсира бессмертия получится напиток смерти».

«Где книги?! Книги давайте»! – скандируют из зала.

– Книги будут продавать, но на другом конце города в магазине, – сдается Щербаков и называет адрес. После чего все слушатели, точно по мановению волшебной палочки, вскакивают с мест и устремляются к выходу.

Обескураженный Щербаков стоит какое-то время в полном одиночестве. Немая сцена.

Персонаж

«А мы все гадаем, откуда знаем имя Сергей Арно, – пишет по «аське» главный редактор «Шико» Юрий Иванов, – а потом я догадался – это же персонаж «Предсказания»! Юля, вы что, сначала персонаж придумываете, а потом от его имени книги пишете?»

Забавно, с Сергеем Арно мы знакомы больше двадцати лет. Моим персонажем он стал к юбилею города в романе «Предсказание». «Суженого не избегнешь», как писал Лажечников. Увековечила… м-да. А в «Многоточие сборки» у меня сплошь реальные лица задействованы. Так что же, я и их придумала, всех писателей, поэтов, художников, музыкантов и певцов?! Со всеми их произведениями?!

В книжном магазине

В один из книжных магазинов Луганска зашли две девушки. Поздоровавшись с ними, владелец книжного магазина и по совместительству директор издательства «Шико» Юрий Иванов вновь вернулся к своим накладным.

– Ничего себе, по этому сериалу уже книгу выпустили! – вдруг восторженно вскрикнула одна из девиц. – А ведь только на прошлой неделе смотрела завершающую серию!

Юрий Иванов приподнялся со своего стула, желая разглядеть предмет обсуждения, и тут же со стоном плюхнулся обратно. Книга, которую вертела в руках покупательница, оказалась бессмертным романом Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».

Книжкина судьба

После того как у Сергея Арно вышел роман «Квадрат для покойников», мы встретились и он подарил мне экземпляр. Поблагодарила, прочитала. Понравилось. На радостях дала почитать еще кому-то. Книге «приделали ноги».

Я пожаловалась Сергею, и он презентовал мне еще экземпляр. Я снова дала кому-то почитать, и книжку опять не вернули.

Так повторялось раз шесть. Все время Сергей мужественно восполнял мои потери.

– Почему ты так спокоен? – наконец не выдержала я. – Ведь я, раззява, уже шестой раз твою книгу упускаю, ее бесстыдно уводят, а я даже не помню, с кого спросить!

– Так ее и в Доме книги воруют, – пожал плечами Сергей, – и в «Борее».

Наверное, это у книжки судьба такая.

Пишу это и вот о чем думаю. Несколько дней назад Арно подписал на Украине договор на издание «Квадрата». Лучше бы его книжка вышла раньше моей. А то как вдруг издатель заранее прознает о том, что у книги, видите ли, судьба быть украденной, и побоится связываться?

Заданное направление

Я (дочке):
– Собирайся быстрее, а то, к чертовой матери, опоздаем!
Динька:
– Так мы что – к ней идем?!!

Игры перед зеркалом

День выдался не из легких, и Андрей[29] поспешил лечь в постель, даже не поужинав. В ванной лилась вода. Должно быть, любимая супружница плескалась перед сном.

В ожидании ее Андрей достал с тумбочки книжку, но тут дверь заскрипела и…

На пороге стояло нечто: прямые волосы цвета вороньего крыла, белое, точно свежеоштукатуренный потолок, лицо, кроваво-красные губы и опасно выступающие клыки.

– Как ты думаешь, милый, – осведомился голосом Насти Влад Дракула, – это хорошо?

Часы в гостиной пробили полночь. Андрей сглотнул и с деланным спокойствием прищурил один глаз.

– Вот тут, на правой щечке, тальку, пожалуй, многовато. И правый клычок вроде как короче левого.

– Ага, – приняла критическое замечание Настя и отправилась переделывать грим.

– Работая над проектом «Игры перед зеркалом», мы ставили перед собой задачу использовать как можно меньше подручных средств для достижения максимального сходства с избранным персонажем. Для того, чтобы стать похожей на Луи Армстронга, пришлось мазаться шоколадной пастой и учиться невероятно сильно раздувать щеки. Ради Петра I я часами стояла перед зеркалом, выпучивая глаза и сильно морща лоб – в результате в конце работы лицо было буквально изрезано морщинами, с которыми после пришлось бороться долгие месяцы. Впрочем, все это суета и неважно, – делится впечатлениями Нелюбина.

Неважно для женщины? Неважно потерять молодость и привлекательность?!

Не поверите, но ради искусства люди порой и не на такое идут.

Посол в Гондурас

Манеж. Подготовка очередной выставки. Художники при помощи своих друзей и добровольных помощников развешивают картины.

В углу, где собирается наша инсталляция, трудится пришлый разнорабочий Борис.

Вот он неловко обхватывает картину, вытаскивая ее из машины, вносит в здание, там кидает, не дойдя до места, прямо на пол и бежит за следующей. Брошенная картина валяется под ногами.

– Ты откуда этого дурня выискала? – окрысился на жену Дима Пиликин.

– Тише ты! Борис – не обычный грузчик. Он, между прочим, входил в состав нашей дипломатической миссии в Гондурасе.

– Вот именно! – всплеснул руками Дима и побежал подбирать очередную брошенную Борисом картину.

Дар

Динька:

– Мама, а какой магией обладает писатель?

Я:

– Даром слова.

Динька:

– У меня тоже есть магия. Догадайся, какая?

Не дожидаясь, когда я отвечу. – Дар косоглазия! Я бабушку сглазила!!!

Эдуард Хиль

Когда я была маленькой, по радио и по телевизору бесперебойно крутили песни в исполнении Эдуарда Хиля, Людмилы Зыкиной, Валентины Толкуновой. Тогда инстинктивно хотелось чего-то иного, неведомого…

Кто не знает Хиля? Даже странно как-то звучит. Ну, кто его может не знать? Разве что маленькие дети… Сколько себя помню, Хиль был всегда и везде. Возможно, именно поэтому мне никогда и в голову не приходило попытаться выяснить, откуда взялся этот веселый, оптимистически настроенный человек. Почему он всегда улыбается, а песни в его исполнении, даже написанные в миноре, каким-то невероятным образом преобразуются в мажор.

После многолетнего перерыва я увидела Эдуарда Анатольевича на церемонии вручения ему премии «Петрополь 2010». Семидесятишестилетний певец держался, как обычно, бодрячком. Пел чистым, незамутненным годами голосом, пританцовывая с микрофоном.

– Как у вас получается так хорошо выглядеть? – вопрос из зала.

– Так я всю жизнь не пью и не курю.

Вот это молодец! Может быть, и заряд оптимизма объясняется здоровым образом жизни?

И тут задачка разрешилась неожиданным образом.

– Дело в том, что я вырос в детдоме, – начинает Хиль, и лицо его на мгновение мрачнеет. – Что такое послевоенный детдом? Это концлагерь. Там было так много плохого, страшного, невыносимого, что, пройдя через все это и оставшись человеком, хочется только радоваться, только улыбаться, только дарить другим положительные эмоции.

И точно в подтверждение сказанного он исполняет задорную песню «Петербург Достоевского».

– Надо же, он даже о Петербурге Федора Михайловича может петь весело! – удивляется сидящий рядом со мной Саша Смир.

Гнедич

В ноябре 2003 года меня пригласили в Царское Селона сороковой юбилей литературного объединения «Царскосельская лира», первым руководителем которого была Татьяна Григорьевна Гнедич. О вечере я услышала от поэтессы и переводчика Галины Усовой и благополучно забыла, что обещала явиться.

Да и не знала я ничего о Гнедич, кроме того, что та была лучшим переводчиком байроновского «Дон-Жуана. Так получилось, что в тот день, 12 ноября, я участвовала в съемках, теперь уже даже не вспомню какого фильма.

Уставшие, намерзшиеся в холодном парке в платьях и в военной форме сороковых годов, мы – несколько озябших статистов – в конце концов не выдержали и решили спрятаться от пронизывающего ветра и полупьяных помрежек в дрянной кафешке советского образца. Рядом со мной оказался интеллигентного вида оборванец, тихо пивший свой кофе с молоком и до поры до времени не пристававший к посетителям ни с разговорами, ни с просьбой пожертвовать мелочь.

Какое-то время он бросал на нас беглые, изучающие взгляды. Наконец не выдержал и подсел ближе, как мне показалось тогда, заинтересовавшись нашими костюмами.

– Знаете, вы сейчас удивительным образом похожи на Татьяну Гнедич! – выпалил он, вытаращившись на вошедшую в кафе одну из наших актрис в черном, похожем на монашеское облачение пальто и с копной темно-рыжих волос.

– На кого? – не поняла та.

– Сегодня тут недалеко собирались… Я ведь знал их всех – и тех, кто жив, и особенно тех, кто помер. И ее – Таньку Гнедич, огненно-рыжую Таньку Гнедич. Хотя какая она тебе Танька? Впрочем, ведь ее все так называли. За глаза, понятное дело, за глаза… А ее рыжие волосы… Я даже не знаю, какие они у нее были на самом деле, просто увидел ее в первый раз с этим невообразимым факелом на голове – такой она и запомнилась… А какие на самом деле? Седые, наверное… м-да… Я не пошел к ним на вечер… И не пойду. Посижу вот здесь, отогреюсь и потащусь туда, где когда-то гуляли с ней… А какие у нее настоящие волосы? Седые, должно быть…

Татьяна Григорьевна Гнедич – правнучка знаменитого переводчика «Илиады», училась в аспирантуре филологического факультета Ленинградского университета, специализируясь на английской литературе XVII века. Она была отчислена из аспирантуры за то, что скрыла свое дворянское происхождение. В

ответ на это Татьяна заявила, что если бы она хотела скрыть свою родословную, то не стала бы носить старинную дворянскую фамилию Гнедич. Тогда ее выгнали с формулировкой: за то, что «кичилась дворянским происхождением».

Будучи хорошим литератором и вообще человеком грамотным, Татьяна Григорьевна сумела доказать властям, что невозможно одновременно «скрывать» и «кичиться», после чего была восстановлена на факультете.

– …какие у нее настоящие волосы? Седые, должно быть… Десять лет – от звонка до звонка… Но, может быть, так и лучше. Для нас всех лучше. Иначе чем бы она заплатила за «Дон-Жуана»? А ведь не платить нельзя…

– А за что ее посадили? – задал вопрос кто-то из наших.

– Вроде бы сама на себя донесла. Говорили, будто бы, постоянно работая с переводами английских классиков, она возмечтала поехать в Великобританию, на родину своих кумиров, а время было военным. Кто знает, что у нее переклинило в голове. С творческими людьми и не такое бывает. В общем… она сочла подобные мечты предательством… Говорят же, что перед Богом грех и помышление о грехе равновесны. А она, Таня, – она ведь жила в своих мечтах, в мечтах и согрешила, а наказание понесла реальное…

«Т.Г. Гнедич арестовали 27 декабря 1944 года: она сама на себя донесла. То, что она рассказывала, мало-правдоподобно (Татьяна Григорьевна, кстати, любила и пофантазировать), однако могло быть следствием своеобразного военного психоза. По ее словам, она, в то время кандидат партии (в Разведуправлении Балтфлота, куда ее мобилизовали, это было необходимым условием), вернула в партийный комитет свою кандидатскую карточку, заявив, что не имеет морального права на партийность после того, что она совершила» (Константин К. Кузминский. «Роман с теткой Танькой, или Памяти памятной доски тетки Таньки Гнедич, моей духовной матери»).

– …Ходили слухи, будто, согласившись признать свою вину перед Родиной, взамен Татьяна попросила дать ей словари и принести книги, с которыми она собиралась работать, а также выделить одиночную камеру… Может, окружающая реальность просто довела до такого состояния или соседи по коммуналке, если, конечно, были такие. Да мало ли что еще. Если человек с воли запросился на нары, значит, что-то такое было… действительное или мнимое… А в результате – неслабая статья

«измена Родины».

– Может, Родине, – перебил рассказ одетый в шинель статист.

– Кто его знает, – отмахнулся незнакомец, – Родине или Родины…

– Ну все, нам пора. В автобусы вроде как зазывают, – глянув в окно, сообщил кто-то из наших.

Я с сожалением посмотрела на сидящего над давно опустевшей чашкой собеседника. Наверное, следовало попросить визитку, но… какая у него могла быть визитка? Или номер телефона?

– Вы питерский? Может быть, вас подвезти? – неуверенно поинтересовалась я.

– Местный, – отвернулся он, должно быть, досадуя, что не договорил или не успел попросить денег… В 2007-м, через четыре года приезжайте сюда – будем справлять сто лет Таньке Гнедич, вот тогда и наговоримся.

В 2007 году, как и следовало ожидать, никто не пригласил меня послушать о таинственной Гнедич, а я, будучи полностью поглощенной работой с собственными проектами, совсем позабыла поискать в Сети информацию о возможных мероприятиях, связанных со столетием со дня рождения Т.Г. Гнедич.

«Когда аплодисменты стихли, женский голос крикнул: “Автора!”. В другом конце зала раздался смех. Нетрудно было догадаться, почему засмеялись: шел “Дон Жуан” Байрона. Публика, однако, поняла смысл возгласа, и другие поддержали: “Автора!”. Николай Павлович Акимов, вышедший на сцену со своими актерами, еще раз пожал руку Воропаеву, который играл заглавного героя, и шагнул вперед, к рампе; ему навстречу поднялась женщина в длинном черном платье, похожем на монашеское одеяние. Она сидела в первом ряду и теперь, повинуясь жесту Акимова, присоединилась к нему на подмостках. Сутулая, безнадежно усталая, она смущенно глядела куда-то в сторону. Аплодисменты усилились, несколько зрителей встали, вслед поднялся и весь партер – хлопали стоя. Вдруг мгновенно воцарилась тишина: зал увидел, как женщина в черном, покачнувшись, стала опускаться, – если бы Акимов не подхватил ее, она бы упала. Ее унесли – это был сердечный приступ». (Константин К. Кузминский «Роман с теткой Танькой, или Памяти памятной доски тетки Таньки Гнедич, моей духовной матери»).

Древняя рукопись

В «Театральной лаборатории» режиссера Вадима Максимова практиковались семинары, проводимые самими студийцами. Темы не выбирались, а раздавались или, можно сказать, назначались: «Тебе к такому-то дню подготовить…» – и дальше называлась тема. Например, Сергею Смолякову досталось «Мифологическое мышление» – тема, о которой он до сих пор без внутреннего содрогания не может вспоминать, поскольку так в ней и не разобрался. Правда, за дело взялся рьяно, для начала проработав множество материала, после чего состоялся выбор источника – «Кодзики»[30], книга или рукопись, на которую ссылался автор статьи.

Ну а дальше как в сказке: выбрал направление – иди. Вот и пошел Смоляков в университетскую библиотеку, где эти самые «Кодзики» числились. Но, как выяснилось, там об этой книге понятия не имеют. Сергей предъявил статью, библиотекари пожали плечами. Тем не менее, за поиски взялись и – вот чудо – отыскали искомую работу, коей оказалась докторская диссертация Евгении Михайловны Пинус. Первый том «Кодзики» – японские мифы и деяния императоров! Необыкновенно интересная книга.

Чудо номер два – находящийся в фондах библиотеки единственный экземпляр рукописи выдали на руки!

Какое-то время Смоляков носился со своим кладом, изучая его и плохо понимая, что делать дальше. О докладе он благополучно забыл, не до того стало. Вскоре к нему домой позвонили из издательства «Астапресс» с предложением подготовить книгу к изданию.

Шел 1992 год. Ничего еще толком не понимая в книжном бизнесе, Сергей принялся за новое для себя дело. Работе над рукописью способствовала служба Смолякова в охране в режиме «сутки через трое». Вскоре он устроился в издательство, сначала проводя там свободные от основной работы дни, а потом оставив охрану и полностью отдавшись новому интересному делу.

Правда, в то время издательство «Астапресс» уже дышало на ладан и вскоре благополучно загнулось, не найдя денег не то что на издание книги, а даже на то, чтобы вывести текст на принтере.

Тогда эстафету с «Кодзики» подхватило маленькое издательство «Шар», расположенное на территории трикотажной фабрики «Красное знамя». К тому времени Сергей уже получил гранд от японского общества на издание драгоценной рукописи. Драгоценной во всех отношениях, так как «Кодзики» считались

утерянными и в Японии книга сохранилась лишь отдельными фрагментами и многочисленными ссылками на то, что когда-то она действительно находилась на островах богини Аматэрасу.

Итак, Сергей спас старинную рукопись, а та в свою очередь замечательным образом отблагодарила его. Через некоторое время после издания книги, устав от безденежья (ему полгода задерживали зарплату), Смоляков ушел из издательства, забрав в качестве оплаты за шесть месяцев работы половину тиража «Кодзики». Свою долю экземпляров он тут же продал за фантастическую по тем временам сумму в семьсот долларов и открыл свое собственное издательство «Гиперион», которое – вот ведь тоже знак судьбы – долгие годы издает японскую литературу.

С Сергеем мы познакомились в театре у Вадима Максимова, а книга «Кодзики» стоит на полке в моей комнате. Отличная, прекрасная книга! Впрочем, со Смоляковым и особенно издательством «Гиперион» меня роднит отнюдь не только страсть к Японии. Ведь именно в «Гиперионе» вышла моя «Изнанка веера»! Такое не забывается!!!

* * *

Мама (проходя мимо моей комнаты в кухню):

– Какая сволочь не выключила свет в прихожей? Сколько уже нагорело?!

Через минуту, возвращаясь с подносом:

– И какая гадина выключила свет?!

Рифма

– Рифма – это что-то механическое, она не имеет отношения к поэзии, – объясняет мне пожилой японец, сотрудник популярной газеты «Майнити». – В том, что вы называете «европейской поэзией», много правил, которые можно вызубрить и сочинять стихи. Да что там люди – машины справляются с такой поэзией.

Невольно вспоминается Артюр Рембо: «неупорядоченность в мыслях священна»!

– Настоящая поэзия – язык образов и созвучий. Услышишь стихотворение, и в душе вдруг что-то зашевелится. Поэзия – это откровение.

Откровение или открывание – например, двери в неведомый, прекрасный или ужасный мир.

«Бог создал поэтов, чтобы ему было с кем разговаривать». Поэт говорит с Богом, и Бог говорит с поэтом. Но этот диалог не происходит в закрытом пространстве, вакуум не передает голосов. Бог не просто общается с поэтом, а общается через поэта с другими людьми благодаря тому универсальному языку, которым владеет поэт.

Гойя называл живопись всеобщим языком. Генри Уодсворт Лонгфелло написал: «Музыка – универсальный язык человечества». Гойя был глуховат и к тому же превыше всего ценил тот вид искусства, в котором лучше разбирался. Лонгфелло был поэтом, ценившим в поэзии ее музыкальность. Да, действительно, музыку и живопись можно воспринимать не зная языка, на котором говорили создатели музыкальных или живописных произведений. Что же говорить о поэзии, которую невозможно воспринять в отрыве от языка?

Но я имею в виду не «бумажную» поэзию, или, точнее, не только ее. Поэзия – язык Бога. Поэт это не просто человек, умеющий считать слоги в строке, пользоваться рифмой или уметь обходиться без нее. Поэт – степень умения говорить с Богом.

Последний вечер

В 1987 году Николай Якимчук договорился с поэтом Геннадием Алексеевым об интервью.

«Было такое ощущение, что у него никто до меня не брал интервью. Признавали, восхищались, любили, были долгие, возможно, содержательные интересные беседы, а вот чтобы записать все это на диктофон… Во всяком случае он был удивлен и сразу же согласился встретиться».

Прощаясь с Алексеевым, Якимчук протянул подборку своих стихов в прозе. Это была рукопись «Книги странника». До этой встречи он не решался показывать кому-либо свои творения. Но упустить шанс получить ответ от верлибриста Алексеева он не мог.

– Хорошо, я посмотрю, – с готовностью согласился Геннадий Иванович, чем снова приятно удивил Николая. Почему-то думалось, что мэтр окажется непременно сильно занятым и его придется неуклюже упрашивать.

– Наверное, у вас и без меня полно дел? Когда можно позвонить, через недельку? Через две?

– Нет, отчего же, сегодня вечером и звоните, – ободряюще улыбнулся Алексеев.

Окрыленный внезапной удачей, Якимчук летел домой, унося в своем диктофоне желанное интервью и предвкушая, что еще скажет ему легендарный поэт.

Впрочем, в тот вечер он не позвонил, а мужественно решил запастись терпением и вновь побеспокоить мэтра денька через три, чтобы уже наверняка.

В трубке раздался женский голос:

– А Геннадий Иванович умер три дня назад, – печально сообщила женщина, и разговор прервался.

Ошарашенный Якимчук бродил по городу, ругая себя за то, что если бы он сделал так, как велел ему Алексеев, то, возможно, еще застал бы того в живых. Потом течение мыслей повернуло в иное русло. Подумалось: «Быть может, последнее, что делал Геннадий Алексеев на этой земле, читал мою рукопись. Как же странно получается». Конечно, Николай не мог этого утверждать наверняка, но ведь Алекссев ясно дал понять, что вечером намерен прочитать «Книгу странника», и в тот же вечер его не стало. Как же все взаимосвязано на этой земле! Какой тревожной алхимией перемешаны наши судьбы, определены встречи и расставания, и как остро повисают заданные вопросы над бездной, в которой растворились ответы. Попробуй поймать ответ

на свой вопрос. Вот уже схватил, подтянул. И вдруг вместо него прощальным светом звезды ложатся стихотворные строки:

Тряхнул я ствол мироздания
и звезды посыпались к моим ногам —
розовые
желтые
голубые
спелые,
сочные,
пахучие,
но все с острыми,
колючими лучами.
Пока рассовывал их по карманам
все руки исколол[31].

Фантастическая поездка

Они неслись по горной дороге в Закопане. Лем за рулем, рядом его супруга, на заднем сиденье Андрей Балабуха. Лем прекрасно говорил по-русски, и беседа получилась увлекательнейшая. Одно лишь обстоятельство мешало Андрею Дмитриевичу отдаться приятному общению – манера Лема в пылу словесных баталий начисто забывать, где он находится. Что несло в себе вполне реальную опасность, так как пан Станислав был за рулем.

И если в самом начале разговора он лишь изредка поворачивал голову в сторону своего собеседника, то потом, увлекшись, сначала садился вполоборота, далее бросал руль и оборачивался, продолжая болтать и весело глядя в глаза готовому поседеть от ужаса пассажиру.

Тогда жена Лема принималось легонько похлопывать его по руке, на время возвращая к реальности. Он спохватывался, но уже через несколько минут снова поворачивался лицом к собеседнику.

* * *

После выхода «Многоточия сборки» приходит вопрос из государственного университета Барселоны: «Что у Балабухи за студия?».

Ответ: Фантастическая!

Это было над Камой крылатою

Это было над Камой крылатою,
сине-черною, именно там,
где беззубую песню бесплатную
пушкинистам кричал Мандельштам.
Уркаган, разбушлатившись, в тамбуре
выбивает окно кулаком
(как Григорьев, гуляющий в таборе)
и на стеклах стоит босиком.
Долго по полу кровь разливается.
Долго капает кровь с кулака.
А в отверстие небо врывается,
и лежат на башке облака.

Борис Рыжий. «Так гранит покрывается наледью…»

Однажды Александр Семенович Кушнер пригласил к себе домой Бориса Рыжего поговорить о премии «Северная Пальмира». В то время Борис гостил у поэта Михаила Окуня. Борис уехал, а через несколько часов в квартире Михаила раздался звонок. Звонил Александр Семенович: «Миша, это вы курируете Бориса Рыжего? Приезжайте, пожалуйста, за ним». Оказалось, Борис выпил по дороге и в квартире Кушнера его развезло, да так, что пришлось вызывать подмогу. На зов попавшего в затруднительное положение интеллигента Кушнера Михаил явился вместе с Олегом Дозморовым, другом Бориса, они и забрали требующего продолжения банкета Рыжего.

«Северную Пальмиру» Борису все-таки присудили. Но получал ее 6 июня 2001 года, в день рождения А.С. Пушкина, уже его отец. Это была вторая награда поэта Рыжего. Первую – «Антибукер», номинация «Незнакомка» – в 1999-м он получил за

публикацию подборки стихов в «Знамени».

Будучи в Питере, Борис Рыжий снял номер в гостинице, но там даже не ночевал, все время пропадая у друзей. Как-то раз около разливухи зацепил пожилого бомжа-попрошайку, позвал ехать с собой. Неужели не нашел более благодарного слушателя для своих стихов? Бомж полез в маршрутку, народ внутри шарахнулся.

– Только обратно его не привози! – напутствовал Бориса Михаил.

Для чего Рыжему понадобился нищеброд, осталось тайной. Михаил Окунь пишет, что встречал потом того бомжа, но побритого и просветленного. Был ли в этом «просветлении» повинен Борис или тому существовали иные причины, не выяснялось.

Вообще 2001 год, по мнению искусствоведов, был благоприятнейшим для Бориса – официальное признание, друзья, стихи, ожидание обещанной премии. Но Рыжий вместо всего этого… тихо повесился у себя на балконе, не ожидая оваций и не собираясь выходить на последний поклон.

Многие сравнивают Бориса Рыжего с Сергеем Есениным. На одном из портретов они даже внешне похожи. Говорят, он предсказывал свою смерть. Но кто в юности не зовет смерть?

Мне видится, что он скорее похож на Артюра Рембо. Рембо – первая половина жизни – гениальный поэт, вторая – гениальная жизнь, похожая на яркую поэму, всепронизывающие, всепроникающие строки. Воплощенная поэзия. Только у Бориса Рыжего была всего одна половинка этой жизни Рембо. Двадцать семь лет (возраст Лермонтова) – не возраст вообще. Впрочем, много это или мало, судить тому, кто приговорен жить без кожи, исторгая из себя стихи. Двадцать семь лет – слишком мало для тех, кто любит стихи Рыжего и, должно быть, слишком много для него самого. Ведь глядя на мытарства поэта, окружающие видят верхушку айсберга – молодость, приятная внешность, квартира, жена, ребенок, еще нестарые, готовые помогать родители, признание – чего же не хватало? Алкоголь, наркомания – а там в глубине… Откуда нам знать, чем живет поэт на самом деле? Что его губит? Отчего один пускается в бродяжничество, а другой лезет в петлю. Мы ничего не знаем о душе другого человека. И даже стихи, пришедшие из сокровенных его глубин, не раскрывают тайны.

Любовь умирает последней

Вот говорят: «надежда умирает последней». Однажды я задумалась над происхождением этой странной фразы и неожиданно для себя вышла на сказание о семье вдовы Софии и ее замученных дочерях – Вере, Надежде и Любви. При императоре Адриане, в 137 году нашей эры, все три девочки претерпели муки, но не отказались от Господа. Всем им отсекли головы. Последней умерла Любовь. Мать скончалась через три дня после погребения дочерей и также была причислена Церковью к лику святых.

Выходит, что народная мудрость неправа. Надежда была не последней. Последней всегда умирает любовь. Потому что после того, как умрет любовь, все остальное уже не имеет значения. Любовью мы живы и погибаем, утратив ее божественный свет.

Можно возразить, что последней все же осталась мать София – мудрость. Она избегла бичевания, ее не варили в котле со смолой, не пытали на раскаленной решетке, свои мучения она получила через неизбежное прочувствование боли и осознание смерти своих дочерей.

Можно и вообще забыть о легенде о четырех загубленных жизнях, заметив, что, утратив надежду, человек неминуемо впадает в грех отчаяния. Но я все же предпочитаю придерживаться своей версии: эта история закончилась не со смертью Софии, а когда погибла маленькая Любовь. После ее смерти даже ужасный император Адриан утратил желание пытать и умерщвлять, сделавшись вдруг и сам словно мертвым. Первой сложила голову Вера, за ней мученический венец приняла Надежда, и уже после них, оставшись без веры и без малейшей надежды на что-либо, умерла Любовь. Любовь умирает последней.

Странное

Получая в 1990 году премию «Аэлита», Олег Корабельников произнес следующую речь:

– Я достиг всего, чего хотел, и больше писать не буду.

И исполнил сказанное.

Фантаст-инопланетянин

Неоднократно во время конвентов Олексенко спорил с фэнами о том, есть ли у фантаста Николая Чадовича пупок или нет, – рассказывает Александр Сидорович.

– Как нет? У всех есть! – не понимаю я.

– Обычно спор проходил уже после того, как друзья изрядно наклюкались в одном из номеров, а стало быть, страсти кипели. Каждый желал доискаться до правды и, как можно скорее получить свой выигрыш – выпивку или небольшую денежку.

Постепенно градус накала страстей возрастал, и в 4–5 утра вся компания врывалась в номер мирно спящего фантаста с требованием немедленно показать живот.

Чадович задирал футболку и… пупка действительно не было! Хорошее начало для фантастического рассказа – среди фантастов затесался инопланетянин или выращенный в колбе андроид. Но…

Вместо пупка через весь живот Чадовича красовался шрам от недавней операции.

Проигравшие платили Олексенко, а тот затем, уже приватно, делился деньгами и выпивкой с Николаем Чадовичем. Говорят, что подобный трюк они проделывали часто.

* * *

История, рассказанная Сидоровичем, произошла на 11-м «Интерпрессконе», на который приехал Николай Чадович, – подтверждает версию Александр Олексенко. – После некоторого количества возлияний и кулуарных разговоров Чадович вдруг сообщил присутствующим, что он инопланетянин.

Все посмеялись, чего только не услышишь от брата-фантаста, да еще и под стакан, но Николай сделался вдруг серьезным, не желая поддерживать общего веселья.

– Я действительно внеземное существо. Инопланетянин, – делая ударение на каждое слово, сообщил он, – имею тому полное подтверждение. У меня нет пупка.

– Что за бред, у всех есть пупок.

– У людей – да, у всех. Но я не человек – я существо Галактики, – сказав это, Чадович задрал футболку и продемонстрировал собравшимся свой объемистый «мозоль». Пупка не было!

Все замолкли и даже чуть протрезвели. Впрочем, недоумение длилось не слишком долго. Олексенко пригляделся и увидел

длинный вертикальный шрам, тянувшейся через весь живот Чадовича.

– Он попал под разряд тока, работая в троллейбусном парке, – уточняет Сидорович.

– Пообщавшись еще в этой компании, я отправился в другие номера, – продолжает Олексенко. – Настроение было хорошее, хотелось продолжать веселиться и веселить других. Поэтому в первой же компании я рассказал, что среди нас живут инопланетяне и один из них – Николай Чадович. После чего все желающие поспорить на бутылку пошли в номер к уже уснувшему Чадовичу и разбудили его. А затем я задрал Чадовичу футболку. Люди ахали и проставлялись. Вообще на конвентах народ, как правило, и так не жадничает, но тут было что-то необыкновенное. Приколовшись над компанией, я шел к следующей, неся «благую весть» о посетивших конвент пришельцах.

После второй компании Олексенко шел в третью, затем в четвертую. И всякий раз направляющаяся к Чадовичу делегация была больше прежней, причем уже раз узревшие чудо беспупкового живота шли опять и опять, заранее хихикая украдкой и предвкушая реакцию новичков.

Сам Чадович поначалу с радостью включался в игру, но, когда под утро его в пятый раз разбудила толпа в десять человек, веселья в нем заметно поубавилось.

Тем не менее, за недолгое время конвента Олексенко умудрился сводить на паломничество к животу Чадовича огромную массу людей, каждый из которых стремился наградить живот Чадовича все новыми и новыми неизвестными до этого фантастическими подробностями.

Наблюдение (почти по Сунь Цзы[32])

Если слишком долго ждать звонка из издательства, сидя у реки, то можно увидеть проплывающий мимо тебя труп твоего любимого редактора.

Нет! Хватит ждать. Пойду звонить Нову.

Олексенко

«Интерпресскон» в Разливе. Борис Натанович и Александр Сидорович направляются в номер оргкомитета подписывать дипломы. Сидорович нажимает на кнопку лифта, двери открываются. В кабинке стоит полуголый Олексенко, который замечает Стругацкого, смущается и торопливо уезжает прочь. Переглянувшись и пожав плечами, Борис Натанович и Александр подходят к другому лифту, который тут же открывает перед ними дверь. В кабине все тот же Олексенко, и вид его нисколько не изменился.

Поняв, что он снова нарвался на начальство, Олексенко судорожно давит на кнопки лифта и уезжает во второй раз, оставив членов оргкомитета ни с чем.

Созерцающий звезды

«Интерпресскон» 2007, май, но холодно, тучи черные низко нависли, и снежок меленький прямо в раскисшую почву. Бррррр… После банкета Волков с Ерпылевым отправились вокруг дома отдыха пройтись. Кружок сделали и будет. Быстрее в корпус, пока уши не отморозили. Тут глядь-поглядь, перед входом на скамеечке лежит Сидорович в джинсах и джинсовой рубашке, раскинулся вольготно, спит и холод ему нипочем.

Мороз, колотун. Замерзнет же человек! Начали они его расталкивать да поднимать, а в ответ: «Да все хорошо. Я тут просто на звезды любуюсь».

Темное, низкое небо все в тучах. Порою летают одинокие снежинки…

Везде и нигде

«Роскон». В одном из номеров сидят Андрей Ерпылев, Сурен Цормудян, Федор Березин, Алексей Волков. Входит пьяненький Сидорович. Выпивает со всеми рюмку, уходит. Через какое-то время заканчивается выпивка и вся компания дружно перебирается в другой номер. Входит Сидорович, выпивает рюмку, молча удаляется.

Через некоторое время вся компания в прежнем составе снимается с места и отправляется за новыми впечатлениями на другой этаж. Входит Сидорович, с удивлением оглядывает собрание и: «Почему вы живете везде, а я нигде?»

Эти глаза напротив

У Михаила Веллера есть рассказ, где в двух последних абзацах рассказывается о том, сколь безумное впечатление Веллер произвел на жену своего друга, прекрасную зеленоглазую Татьяну, которая весь вечер смотрела на него, не в силах отвести глаз.

Дочитав до последней строчки, Дмитрий Вересов отложил книгу и, не сходя с места, позвонил Татьяне.

– Танька! Когда ты познакомилась с Мишкой Веллером, ты что, действительно смотрела на него весь вечер? Как он пишет, «была сражена его красотой»?

– Нет, – должно быть, удивилась Татьяна, – просто накануне мне кто-то шепнул, будто бы он голубой. А я была тогда наивная советская девочка, и мне было просто интересно, как эти голубые едят, как они разговаривают, поэтому я за ним весь вечер и наблюдала.

Спустя некоторое время Вересов передал Танины слова Михаилу.

И что же Веллер, вы спросите? В новой редакции концовка рассказа была переписана. Текст звучал теперь приблизительно так: она смотрела на меня весь вечер не отводя взгляда, потому что какая-то сволочь накануне сказала, что…

Гнусный поклеп!

Вот это значит посвятила…

Молодая амбициозная поэтесса Яна Б., истая поклонница поэта К., как-то раз посвятила ему стихотворение. Она описала осеннее ненастье, через которое идет одинокая девушка с томиком поэзии в руках.

К. с благодарностью принял протянутый ему листок. Но, едва начав читать, с отвращением отбросил его и молча покинул помещение ЛИТО.

Разумеется, листок был подобран и изучен.

Запись начиналась словами: «Дорогому учителю К., поэту божьей милостью посвящается». А следом: «Слякоть противная под ногами…».

О певческом диапазоне, и не только

Поэт Юра Баладжаров с композитором Кале написали песню «Прощаться не будем». Стихи Эдита Станиславовна Пьеха одобрила и сама сказала, что возьмется это петь. Но когда песня была уже готова, Баладжаров с ужасом для себя обнаружил, что песня низковата для женского голоса.

– А не низко ли вам будет петь?

– Низы мне всегда удавались, – ответила Эдита Станиславовна.

Удобное решение

Пьеха – певица относительно высокая: 174 см плюс каблуки, без каблуков она не ходит. Юра Баладжаров маленький – всего 168 см. Однажды Юра входил в Мюзик-холл, а Пьеха как раз выходила оттуда. Увидев Эдиту Станиславовну, Юра как галантный кавалер, позабыв про свои дела, предложил проводить певицу до машины и вежливо протянул ей руку. Дело было зимой, все ступеньки даже на парадном крыльце обледенели, дворники их не успевали очищать. Что уж говорить о черном ходе.

– Не надо, – загадочно улыбнулась Пьеха, обняв за плечи Юру. – Я лучше на тебя обопрусь.

Раритет

Узнав, что Волков собрался на «Басткон», Даля Трускиновская попросила передать подарки ее друзьям. Потом добавила: «Еще поцелуйте за меня Оленьку Елисееву, Глеба…» – дальше следует весьма солидный перечень.

– Нет, так дело не пойдет, – усмехнулся мудрый Волков, – забудешь кого-нибудь – обиды, перепутаешь… тоже недоразумения начнутся… составь ради такого дела официальную бумагу: имя, фамилия, что сделать, место для подписи.

Трускиновская все исполнила, и Волков весь «Басткон» целовал, обнимал, хлопал по плечам, не забывая при этом протягивать бумагу для подписи.

Сей исторический документ жив до сих пор. Фэны за него огромные деньги не раз предлагали, но Волков никому продавать не собирается, сам же время от времени перечитывает и посмотреть дает.

«Поцелована, подпись». «По плечу похлопан, подпись».

У кого еще такой есть?

ВТО

– В 1987 году в Новосибирске состоялся первый семинар ВТО Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов ВЛКСМ, официально числящегося при издательстве «Молодая гвардия». У основания ВТО стояли такие деятели фантастики, как Владимир Щербаков, Евгений Гуляковский, Юрий Медведев, Сергей Павлов, – рассказывает Дмитрий Федотов. – Хотя нет, Павлов пришел позже. В Москве семинар вели Виталий Пищенко и Пидоренко.

В ВТО начинали Игорь Ткаченко, Саша Бачило, Коля Орехов, Саша Ярушкин (Александр Яр).

До ВТО любой фантастический семинар автоматически считался семинаром Стругацкого или Стругацких, неважно, как часто Аркадий и/или Борис появлялись там и появлялись ли вообще. Дух Стругацких витал повсюду, молодые фантасты дышали миром Стругацких, миром «Полдня», миром «Улитки на склоне», миром «Пикника» и множеством других, не менее притягательных, манящих миров. Стругацкие были всем, и на том этапе развития фантастики такое отношение было более чем искренним. А вот ВТО с самого начала явило свое отличие от общепринятого семинара Стругацких. Дело в том, что в то время появилась возможность создания товарно-денежных отношений, поэтому ВТО сразу же предложило более чем заманчивый план: да, они проводили семинары вроде тех, что были у Стругацких и их учеников, но при этом было заявлено, что наиболее удавшиеся произведения будут изданы. Это был прорыв!

Уже с 1988 года начали выходить первые сборники ВТО-шников. Это были собрания произведений, которые могли выходить без указания какой-либо серии, быть внесерийными. Начиная с первого сборника «Румбы фантастики», за четыре года существования ВТО выпустило 104 книги!

ВТО сразу же объявили себя семинаром Ефремова, что казалось странным, поскольку самого Ивана Антоновича уже давно не было в живых.

– Кстати, предложение назвать своим учителем именно Ивана Ефремова исходило от Юрия Михайловича Медведева, вошедшего в историю фэндома как «враг Стругацкого», – вступает в разговор Антон Молчанов (Скаландис), знающий о братьях Стругацких, наверное, все.

* * *

– В 1991 году, ранней, холодной осенью, семинар ВТО в Ялте вел В.В. Головачев. А надо сказать, что на этих семинарах платили гонорары и выдавались авторские, – уточняет Дмитрий Федотов.

Гонорары… пачки денег, которые тут же весело рассовывались по сумкам и карманам, после чего компания отправлялась обмывать только что вышедшие книжки, оставляя значительную часть полученных сумм в местных забегаловках и магазинах.

Но той осенью произошло странное – деньги были, много денег, было весело и хотелось немедленно выпить. Но… в магазине наотрез отказались принимать рубли, требуя только что введенные купоны. Куда деваться? Никаких обменников, где и как поменять рубли на купоны – неизвестно. Дул пронизывающий холодный ветер, а нагруженные пачками вдруг сделавшимися никому не нужными денег фантасты шли от одного магазина к другому, не в силах поверить в реальность происходящего.

Как Бушков переводил Пола Андерсона

– Мне посчастливилось наблюдать, как Бушков переводил с польского «Три сердца, три льва», – рассказывает Дмитрий Федотов. – Происходило это на конвенте в доме творчества «Ислич», – Бушков сидел на тумбочке, перед ним на другой тумбочке стояла пишущая машинка, рядом самопальный польский журнал, на полу, в ногах – початая бутылка портвейна. Он смотрел в журнал и тут же печатал перевод.

В то время многие учили польский, потому что на нем выходило множество интересной литературы, русские переводы которой отсутствовали.

Первый перевод «Три сердца, три льва» Бушковский. Он вышел в «Роман-газете» и до сих пор признается лучшим переводом этого произведения Пола Андерсона.

Оценка

– ВТО выпустило авторский сборник Владимира Покровского «Темная охота». Очень динамичная, интересная, нестандартная книга, – рассказывает Дмитрий Володихин. – Тогда же, когда хотели дать оценку творчеству Покровского, говорили: «Ну, понятно, что фантастика – свободный жанр, позволяющий многие вольности, но писать, как Покровский, определенно нельзя. Только не как Покровский!»

Ночная птица

– …Последнее мероприятие, проводимое ВТО, состоялось в 1992 году в Тирасполе накануне войны в Приднестровье, – продолжает свой рассказ Федотов.

– Почему-то больше всего запомнилось еврейское кладбище, через которое было быстрее добираться до города Ракова. Там располагалась замечательная пивная с совершенно разбитной, колоритной барменшей, которая виртуозно наливала вам кружку ароматного пенного пива, улыбаясь с такой нежностью, что когда через несколько минут пена оседала и вы вдруг с удивлением обнаруживали, что в емкости не пятьсот, а всего лишь четыреста граммов, не было обидно. Так что никто не возмущался и не жаловался.

А еще, наверное, долго будет вспоминаться сборник «Ночная птица», отпечатанный в типографии города Цхинвали, но из-за войны там и оставшийся. Согласно легенде Игорь Пидоренко вывез несколько экземпляров, пробираясь через линию фронта на БТРе. Будучи обстрелянным со всех сторон, он все же умудрился сохранить рюкзак, в котором трепыхалась «Ночная птица» – последний, только что вылупившийся птенец славного ВТО.

Моль

Когда Нина Горланова написала картину «Ксения Блаженная», моль села на свежую краску, да так и осталась на вечные времена на кофте петербургской юродивой.

Странная судьба мотылька – стать частью картины… частью образа… частью…

Кривой эфир

Николай Болоцкий решил записать интервью с Баладжаровым в прямом эфире, но для этого Юрию нужно было приехать на радио в первую половину дня, когда поэт был занят на основной работе. В конце концов решили записать Баладжарова на квартире у Болоцкого, выдав в дальнейшем запись за прямой эфир. Был составлен план интервью, организованы звонки слушателей на телефон Болоцкого.

Юра читал стихи, Болоцкий задавал умные вопросы, время от времени «студию» оглашали звонки слушателей. В общем, все шло великолепно.

– Стоп!!! – неожиданно Болоцкий останавливается, бросив микрофон. – Придется все переписать, – обреченно сообщил он ничего не понимающему поэту.

Дело в том, что во время «прямого» эфира кто-то из соседей Николая спустил в туалете воду и этот звук автоматически вошел в тщательно срежиссированное представление, которое Болоцкий должен был выдать за прямой эфир в студии «Радио России».

Художники

Однажды к художнику Кудрявцеву прибежала после ссоры с мужем его давняя знакомая. Они прошли в кухню, где Толя поставил чайник. Супруга Кудрявцева Женя в это время сидела в комнате, самозабвенно музицируя.

Через несколько минут в квартиру снова позвонили. Кудрявцев открыл. На пороге стоял муж знакомой. Отодвинув Толю, он ворвался в квартиру и бросился на кухню, где отвесил супруге звонкую пощечину, получив за это ответную затрещину. Потом ударил он, потом опять она. Затем вновь муж, и снова жена ему ответила. Поняв, что на кухне происходит что-то нехорошее, Женя заперлась у себя, завывая с удвоенной силой. В дверь вновь позвонили. Теперь перед Кудрявцевым стояла толстенькая тетенька-курьер из Союза художников.

– У вас гости? – спросила она, наблюдая выкатившуюся в прихожую драку. Женя в своей комнате завела бодрую песню, аккомпанируя себе на гитаре.

– Ага, гости, – пробурчал Кудрявцев, загораживая собой дверной проем.

– О, я понимаю, – мечтательно заулыбалась курьерша. – Вы, художники, живете такой интересной, насыщенной жизнью!

Картина маслом

– Роскон. Двадцать фэнов с семинара Владимира Васильева готовятся к конвенту – идут в магазин, – живописует Олег Силин. – Нагруженная доверху разнообразной выпивкой магазинная тележка весело катится в сторону касс. И на этом фоне блеющий голосок кого-то из участников действа:

– Ребята, может мы хотя бы колбаски возьмем?..

Наблюдение

В художественный магазин пришел очень усталый бледный мальчик лет девяти и, заметив продавщицу, поинтересовался, есть ли у нее сухая постель.

Судя по виду, она ему была очень нужна.

Снежное благословение

Снега в эту зиму выпало столько, словно все мы прощены.

Белый пуховый покров очищения бережно укутал землю, как может укутывать только любящая мать, подоткнув одеяло свернувшемуся клубочком и сладко причмокивающему во сне чаду.

Впрочем, эта благая мысль просто не могла прийти в голову человеку с мечом, продолжавшему свой путь, сменяя города и нигде не находя искомого знака. Хотя уже то, что всякий раз, когда он обнаруживал себя бредущим куда-то, стояла зима и лежал снег, а плечи его привычно оттягивал здоровенный меч, – это если и не было знаком свыше, то по крайней мере являлось косвенным свидетельством того, что он на верном пути. Последнее радовало.

XXI век. Получившие на вооружение лазерные бластеры для сбивания сосулек небольшие группы обученных в спецподразделениях дворников каждое утро вы ходили на свой скользкий путь. Духи огня и поэзии в котельных продолжали поставлять тепло в дома, не забывая снабжать новую порцию лучистой энергии рифмованными, а также белыми, белее самого белого снега строками:

«Коврики уже приколочены, гарпии вылетели с двадцатилетним опозданием, поэты пишут о смерти, и никто не поет о любви, прославляя ее! Правда, в небе были замечены две радуги, и белый букет, словно подарок ее величества белой ночи, был пожертвован прекрасной женщине, но…».

«Зима!..

Замороженные

Стень

Стынь…

Снегота… Снегота!..

Стужа… вьюжа…

Вьюююга – стууууга…

Стугота… стугота!..» – закружило по дворам. В белых завихрениях явственно просматривался силуэт вдруг появившегося на земле призрачного поэта. Крученых возник ниоткуда, создался, соткался из хрупких снежинок, перемешанных с зимней магией, покружил, точно невероятный северный шаман с белым бубном и свежим заклятием на устах, и разлетелся снова на мириады веселых снежинок и осколки снежных радуг.

– Чего встал? Заходи, что ли, в котельную, погреешься, – махнул человеку с мечом поэт Дмитрий Григорьев, зябко кутаясь в ватник у полуоткрытых дверей котельной. – Да быстрее ты, стужи напустишь, а тут и так не шибко жарко. Давай-давай! Ишь ты, какая зима выдалась, второй год уже чудо-юдо снежное. Хорошо!

Стихотворение прекрасной даме

– Алина, я написал тебе стихотворение, – признался Владимир Нестеровский Алине Мальцевой.

Алина улыбнулась, ожидая стихов, но продолжения не последовало. Поэт ушел, позабыв прочитать свои вирши или, быть может, решив длить интригу.

Через некоторое время Мальцева снова встретила Нестеровского.

– Алина, а я то стихотворение продал другой женщине. Деньги были очень нужны.

Вздохнув, Мальцева окинула взглядом изнуренную неумеренным пьянством и нищенским образом жизни фигуру Нестеровского и… поверила ему.

Диагноз

Как это часто у меня случается, работы было – больше некуда. Просто завал. Писала очередной роман, в перерывах редактировала какие-то рассказы или подбирала стихи для поэтического конкурса в Инете. Все шло хорошо, вечером я даже впервые за три дня должна была выбраться на улицу. Звали в гости две незнакомые психологини – срочно халтурку хотели подбросить. А я только рада. У самой времени, правда, совсем нет, но ведь полно безработных друзей. А тем лентяйкам все равно, кто за них книгу напишет. Главное – понять, чего заказчицы хотят, пожелания их до исполнителя донести и в конце готовый текст глазами пробежать – на всякий случай. Халтура – дело хорошее, есть только одно небольшое «но»: если по самым объективным причинам единожды откажешься от работы, то тебя автоматически сразу же исключают из потенциального списка. И лови потом ветра в поле.

Я закончила главу как раз за час до выхода. Оделась, подкрасилась. Вышла на улицу. И тут, странное дело, вдруг такая слабость невесть откуда навалилась. На плечах тяжесть, ноги словно в болоте увязают. В общем еле ползу. Две остановки до метро, которые я обычно пролетаю, тут растянулись чуть ли не до бесконечности. Такое ощущение, что целый день иду, а заветную станцию метро точно кто-то специально все дальше и дальше отодвигает.

И тут меня осенило. Неспроста такая слабость, ох неспроста. Это же я три дня просидела на одном кофе. Да и тот мама приносила прямо в комнату, видя, что я объективно оторваться от компа не могу. Так что не больная я, а просто голодная очень.

Дошла до метро, купила в ларьке блин с красной икрой, съела – и порядок. Нормально к заказчицам съездила, получила работу.

Одно только меня в этой истории настораживает: что, если в следующий раз я таким макаром не три дня, а месяц просижу? Вот когда задумаешься о вреде одиночества.

Дюков-Самарский

В моем ЖЖ от 26 сентября 2010 года записано: «Вчера Юра Баладжаров сообщил, что не стало поэта и актера Владимира Дюкова-Самарского».

Владимир Иванович Дюков-Самарский родился 5 марта 1946 года в деревне Владимировке Хворостянского района Куйбышевской (ныне Самарской) области.

Учился на актерском факультете школы-студии МХАТ в Москве. 37 лет служил на сцене театра им. В.Ф. Комиссаржевской. Множество ролей в театре и кино.

Самая значительная роль – «легендарного» питерского бандита Леньки Пантелеева в фильме «Рождённая революцией» (киностудия им. А.П. Довженко, 1974 год, режиссёр Григорий Кохан).

В 1977 году за исполнение роли Леньки Пантелеева награждён государственным знаком отличия «Отличник Советской милиции». Говорили, что и по другую сторону закона его отличали от прочей актерской братии – парадокс.

Дюков-Самарский писал стихи, которые сам же блестяще исполнял. Как-то выступал и в моей литературной гостиной на радиостанции «Открытый город». И еще он дарил прекрасные цветы. Розы от Дюкова стояли неделями, не опуская прелестных головок.

Будучи обладателем громового голоса и харизмы, он мог вдруг громогласно поприветствовать тебя в метро, возносясь на идущем в противоположную сторону эскалаторе или, придав голосу бархатность, задушевно убеждать не портить отношения с руководством Союза писателей, а вместо этого сделать внеочередную передачу с ним, любимым.

Мы не дружили. Я вообще плохо и неохотно схожусь с людьми. Зато ни разу и не поссорились.

«Я горжусь своей родословной, – говорил Дюков-Самарский во время записи передачи. – Я ведь… – он делает выразительную паузу, – из бурлаков!»

* * *

– Юра! Ты, – Дюков-Самарский приблизил к Баладжарову лицо так, словно хотел его понюхать, – ты не красишь волосы? Почему? Ты ведь публичный человек! Ты обязан. Вот, уже и седина заметна…

– Ну, так уж получилось, – Юрий недовольно воззрился на Дюкова. «Ему-то какое дело? Подумаешь, седина…»

– Я вот всегда их крашу, даже когда настроения нет, даже когда с деньгами хреново, все равно как-то выкручиваюсь. А что поделаешь? Мы ведь не можем себе позволить выглядеть старыми или измотанными жизнью. Денег не было – у артистки знакомой вот занял краску. Сегодня встал пораньше и… – Дюков сорвал с головы шапку, и Юра остолбенел: обычно темно-каштановая шевелюра актера сегодня отливала фиолетовым оттенком спелого баклажана.

* * *

Юра Баладжаров читает тихо, словно ведет доверительную беседу с залом. Поэтому, должно быть, на его творческих вечерах так много пожилых женщин. Им импонируют спокойная манера поэта, задушевные разговоры о любви…

Однажды Юра пригласил Владимира Дюкова-Самарского почитать на его вечере. Профессиональный актер был рад встряхнуться перед публикой, так почему бы и нет?

Баладжаров заранее написал сценарий вечера, решив начать чтение с самого нежного своего стихотворения – из тех, что обычно так нравятся сидящим на первых рядах бабушкам. Но на этот раз все получилось весьма неожиданно.

Дюков вылетел на сцену, точно коршун. Расправив огромные ручищи, весь в черном, он обрушил на зал свой зычный голос, сотрясая стены.

Старушки в первом ряду от ужаса аж задрали ноги, крепко зажмурив глаза и вцепившись в свои сумочки.

Целый час Дюков летал по сцене, выкрикивая слова любви, точно клеймя и бичуя неистребимых и отчего-то не жаждущих вступать с ним в более близкие отношения врагов.

Когда вечер закончился, дамы умоляли поэта: Юрий Васильевич, Бога ради, больше никогда не давайте Дюкову читать свои стихи! Мы его боимся.

* * *

Дюков вообще был странным человеком. Он мог, например, произносить «не буду я читать твое письмо» и разворачивать при этом газету, так что складывалось впечатление, будто бы интимное послание являлось частью передовицы, или говорить о

винограде, глядя на лежащее на столе яблоко…

При этом, скорее всего, сам Дюков как раз представлял письмо или спелую гроздь. Но неужели он считал, что в подобный гипнотический транс вместе с ним погрузятся и зрители?

* * *

Однажды, встретив меня возле Александринского театра, Дюков решил сделать комплимент, заметив, что я отлично подобрала курточку, туфельки и брючки, все в тон. Бедняга, получая скудное жалование в театре, а затем еще более жалкую пенсию, он, наверное, забыл, а может, и не ведал, что есть такое понятие, как ансамбль. И был смущен, когда я сообщила, что моей заслуги в этом нет, поскольку все продавалось в комплекте.

* * *

Как-то Баладжаров пригласил Дюкова-Самарского на свое чтение в Межрегиональном Союзе писателей. Вечер проходил очень мило. Пели певцы, играла музыка. В конце выступления, когда Юра прочитал заключительное стихотворение и попросил задавать вопросы, со своего места вдруг поднялся Дюков-Самарский. Как обычно, встав на сцене в своей шокирующей манере Маяковского на митинге, Владимир поведал, что сегодня день рождения его любимого поэта Тютчева, одно из стихотворений которого он, Дюков, и хотел бы прочитать по этому поводу.

После чего начал читать, быстро входя в раж и громыхая на весь зал. За первым стихотворением последовало второе, и – «Бог троицу любит» – третье. Все вместе заняло целых десять минут – время, отводимое под вопросы зала.

Выполнив запланированный минимум и очень довольный собой, Дюков-Самарский сошел со сцены. Оглушенные, сбитые с толку слушатели больше не задавали никаких вопросов, как-то сразу заторопившись в курилку.

Что хотел сказать этой своей странной выходкой Дюков-Самарский, осталось тайной. Вряд ли он собирался насолить Юре, у них всегда были дружеские отношения.

Скорее всего, Владимир относился к чтению стихов в Союзе писателей как к своим профессиональным обязанностям, оттого и подгадал с датой. Так уж было принято в советском обществе: есть дата – читай к дате. А уж ко времени это или нет – о таких

мелочах он не задумывался.

* * *

У Дюкова-Самарского был рак в последней стадии, и он не тешил себя надеждой на выздоровление. Но при этом он точно знал, что переживет невероятно жаркое лето 2010 года. Ждал открытия сезона в театре Комиссаржевской, в своем любимом и единственном на всю жизнь театре.

Сезон открылся, и он умер.

Листья Мирового древа

Мы привыкли воспринимать своих друзей и знакомых так, словно они бессмертные. Нет, не боги, конечно, но те люди, что всегда рядом как бы по умолчанию. В то время, как они все, как мы все трепещем на Мировом древе, точно листья на ветру. Подует посильнее – и летит очередной листок. Желтый, красный, а то и вовсе зеленый, не успевший как следует отпраздновать лето и ничего не узнавший об осени.

Некоторое время продолжаешь машинально различать в толпе знакомые силуэты, кивать в ответ на обращенное к тебе «здравствуй». И лишь потом понимаешь, что тот, с кем ты только что на ходу поздоровался, на самом деле уже давно унесенный ветром лист Мирового древа.

Олдевка для Гаррисона

«Интерпресскон». Гарри Гаррисон пьет водку в компании Андрея Балабухи и окруживших их фантастов. Вошедшие в кафе Олди[33] заприметили заезжего мэтра и устремились к нему со своей перцовкой.

– Дорогой Гарри! Разреши угостить тебя нашей фирменной водкой! – широко улыбаясь, приблизился к Гаррисону Дмитрий Громов.

– О, да! – оживился Гаррисон и, не задумываясь, выплеснул содержимое своего стакана на шикарный костюм Балабухи.

Наблюдения

Знакомый режиссер, большой поклонник творчества Ивана Охлобыстина, объясняя актерам художественную задачу, обычно говорил:

– И, пожалуйста, с охлобыстинкой.

Провидец

Несколько лет подряд поэты Александр Смир и Андрей Головин свято чтили Бог весть когда сложившуюся традицию: после поэтических вечеров они в обязательном порядке отправлялись в ближайший к Сашкиному дому винный магазинчик, где покупали «малек», который и распивали из специально захваченных с собой стопочек за магазином в скверике, ведя неспешные разговоры о литературе.

Однажды подходит к ним пожилой человек. Одет опрятно, но бедненько – типичный потрепанный жизнью, спившийся интеллигент. Руки трясутся с похмелья, глаза неспокойные. Кажется, чихни погромче – и он тут же брякнется с разрывом сердца. В общем тот еще доходяга.

– Ребята, налейте, пожалуйста, – потянулся он к стоящей на скамейке бутылочке. – У меня деньги есть, честное слово, только там очередь… – беспомощный взгляд в сторону магазина. – А мне прямо сейчас надо.

– Скажешь первый закон Кирхгофа, бесплатно нальем, – отвечает ему уже поддавший и оттого вальяжный Головин.

– Алгебраическая сумма токов в любом узле любой цепи равна нулю. То есть сколько тока вошло в узел, столько тока из него и вышло, – не моргнув глазом ответил алкаш.

После чего обалдевшие ребята ему, естественно, налили.

Оказалось, бывший учитель физики! И вообще интересный человек.

А Головин, придя в себя от первого потрясения, совершенно напрасно не объявил себя ясновидящим, потому как углядеть в спившемся доходяге интеллигента в прошлом – не ахти какой фокус. Другое дело – распознать в старом заурядном алкаше конкретно бывшего учителя физики!..

Раскрутился бы как провидец – большие деньги мог зарабатывать. Эх, Головин!!!

Головин и «Борей»

Впервые я услышала эту историю из уст самого Андрея Головина. Помню, в тот день мы: я, Андрей и Вовка Кочемазов куда-то спешили, может на ЛИТО к Тане Семеновой в ДК «Красный Октябрь». Сейчас оно называется «Петровский остров». Или Торгашин[34] очередной сходняк собирал, не суть. В общем оказались втроем на Литейном, и я предложила зайти в «Борей», все равно мимо идем. А там уютное кафе, можно посидеть и спокойно обсудить новости.

– В «Борей» мне после одного случая путь заказан, – ответил Андрей, а Владимир подтвердил, что это действительно так. – Персона нон грата. Такие дела, а если не веришь, спроси у Саши Смира. Он тому свидетель, поскольку присутствовал во время инцидента и, вопреки обыкновению, еще не был настолько пьян, чтобы ничего не помнить.

А потом Андрей рассказал, отчего «Борей» для него запретен. Сначала он, а через годик-другой и Саша поделился воспоминаниями.

История произошла в 1996 году в «Борее». После презентации книги Андрея Курсанова «Русский авангард» народ продолжил общение в крошечном борейском кафе, под кирпичными сводами которого уже давно не было сидячих мест. Люди стояли, но это никого не смущало. Обсуждали книгу, общались, кивали вновь прибывшим – словом, творилась нормальная тусовочная жизнь.

Чуть в стороне от остальных переминался с ноги на ногу поэт Андрей Головин, который успел уже немного «принять на грудь» и, ощутив в себе кураж, пытался найти какой-то предлог, с помощью которого он сможет обратить на себя внимание присутствующих и тем самым как бы представиться. Вполне нормальное желание для того, кто впервые попал на праздник, на котором все всех знают, а он не знает почти никого, разве что Сашу Смира. Да только где он? Болтает с незнакомыми Головину людьми, смеется, подписывает какие-то книжки, получает что-то в ответ… Вскоре повод выделиться отыскался сам собой. Зазвенел в кармане мобильник. В то время мало у кого были такие штуки, и народ невольно обернулся на новичка. Звонила жена Андрея, но, поймав заинтересованные взгляды, Головин уже не желал терять их. Поэтому он, снизив громкость голоса до громкого шепота, затараторил:

– Да, дорогая, торчу с этими чертовыми поэтами, – он прикрыл трубку ладонью, отчего вдруг сделался еще таинственнее. – И это я! Я, полковник КГБ с выслугой лет, должен

выслушивать всю эту хрень, вместо того чтобы уже быть с тобой, дорогая, в постели. Ну, не обижайся. Ты же понимаешь – служба. Ты ведь у меня умненькая. Ну потерпи еще немножко. Скоро я закончу и – домой. Целую, дорогая.

Закончив разговор, Андрей поднял глаза на зал. Мертвая тишина. Все присутствующие молча смотрели на Головина. И было на что посмотреть: достаточно высокий поэт Головин носил короткую стрижку «под бобрик» и был одет в черный длинный плащ. Добавьте к портрету мобильный телефон, тогда еще редкость. Плюс – и это главное – все то, что он сам о себе только что наплел.

– В зале было полно людей в возрасте, – вспоминает Смир, – тех, кто знал не понаслышке, что такое рука КГБ; перестройка перестройкой, а куда страх-то девать?..

Андрей стремительно трезвел, с ужасом понимая, что в его дурацкую шутку поверили.

– Да нет, ребята, – он попытался отмахнуться от чего-то невидимого. – Да вы что, поверили? Это же шутка… – Головин вымученно улыбнулся. – Я такое же говно, как и вы. Я такой же поэт…

В «Борее» Андрей Головин больше не появлялся. Да и приведший «агента КГБ» Александр Смир несколько лет обходил арт-галерею стороной.

Никто не поверил, что это была просто дурацкая шутка.

Городская реклама

На объявлении нарисовано нечто круглое, вроде кулака. Рядом с картинкой огромными, бросающимися в глаза буквами: «ВРЕЖУ!»

Не поверила, подошла ближе. То, что я приняла за кулак, оказалось широкой частью ключа.

Котельная ДГ

В конце 80-х – начале 90-х поэт Дмитрий Григорьев и писатель и переводчик Евгений Кушнер, сын известного поэта Александра Кушнера, работали в соседних котельных на территории питерского Адмиралтейства. И оба любили пошутить.

А надо заметить, что Евгений обладает замечательным даром имитировать разные голоса. Однажды он позвонил в котельную, где гуляла компания писателей и художников[35], и голосом следившего за порядком в котельных старшего мастера Ивана Павловича Шкирки заявил:

– Хватит водку жрать, надо и за приборами следить!

– А я и не пью, Иван Павлович, – голосом, очень похожим на трезвый, ответил взявший трубку оператор.

– Как же «не пью», когда я ясно вижу, что у тебя стакан в руке! Сейчас же поставь на место!

Самое смешное, что ответивший ему оператор действительно держал в этот момент в руке стакан.

Такие же безобидные шутки проделывались и над самим Кушнером. Однажды Дима Григорьев нашел на помойке манекен, одел его в ватник, шапку-ушанку на голову нахлобучил и посадил за стол. Получилось, будто бы оператор над журналом склонился. Затем позвонил Жене в соседнюю котельную и заголосил:

– Женя, тут такое случилось, просто ужас! – а зубы якобы с перепугу друг о дружку стучат. – Женька, приходи! Без тебя никак! Приходи быстрей!

Сказал и в укромном местечке за трубами спрятался.

Женя Кушнер свою котельную бросил и прибежал буквально через минуту. Входит и видит: за столом сидит Дима Григорьев. Шапка, ватник – все как обычно. Но недвижим. И тишина. Только и слышно, как котлы гудят.

Кушнер осторожно подходит, теребит за ватник.

– Димка, Димка, что с тобой?

Тишина. Пустая котельная, и друг за столом сидит, то ли в глубоком обмороке, то ли мертвый. Страашно!

Тут «сердобольный» Григорьев не выдержал и вышел из своего укрытия.

– Женька!

Кушнер еще больше испугался. Чуть в обморок не упал.

Потом вместе посмеялись.

И все бы хорошо. Ну, напугал и напугал – ерунда. Но на беду

себе решил Дима из этого манекена инсталляцию у дальней задвижки сделать. Поставил его как оператора, который эту самую задвижку крутит. Вид у него вполне человеческий получился – в ватнике, в шапке. Человек, который в этой котельной впервые, вполне и спутать может.

Кирнул немножко и лег спать.

Утром просыпается ДГ[36] и видит: мужик около задвижки стоит. Как он попал в закрытую котельную – непонятно. Что здесь делает, неизвестно. И такой ужас ДГ охватил, что перепугался он гораздо больше, чем Кушнер.

Утром

– Однажды ко мне в котельную зашла компания во главе с главным депрессионистом-транком М.К. – Мишей Кондратьевым, – рассказывает Дима Григорьев. – А надо сказать, что Миша всегда носил с собой психостимулирующие таблетки, потому что алкоголь, в частности пиво, психику тормозит, а таблетки ее стимулируют.

Поэтому, дабы быть в норме, он вперемешку с пивом ел эти таблетки.

В тот день в котельной происходила жуткая пьянка, характерная для тех времен. Сейчас-то у нас в котельных так уже не пьют. Напились, все заснули. Впрочем, не страшно. Отопительный сезон закончился, котельная выключена, сижу за сторожа. Утром только нужно другим кочегарам ключи передать. Будильник поставлен на семь утра. Прозвонил, а я вообще никакой – реально рубит. А мне Мишка вечером «колеса» незнакомые предлагал. Сказал, мол, здорово бодрят.

Съел я пяток таблеток.

Хожу бодрячком среди сонного царства. Прибрался, журнал заполнил. Тут в дверь старенький дядечка из соседней котельной звонит, чтобы я ключи выдал. Дайка, думаю, изображу, что только что проснулся. Время раннее – будет выглядеть вполне естественно. Открываю дверь, позевываю, потягиваюсь.

– Извините, я спал, – говорю.

Отдал ключи. А он глаза таращит, шаг в сторону сделает – оборачивается, еще шаг и снова косится. А я ему рукой машу: «Счастливо поработать. Удачи!» И все такое.

Захожу обратно. Надо, думаю, поглядеть, чего это он так на меня пялился. Посмотрел на себя в зеркало: а на голове у меня полиэтиленовый пакет, да сверху – оранжевая каска. Мало того, что надета, так еще и застегнута! Оказывается, вечером я народу объяснял, как по правилам надо работать в этой котельной. Надеть надел, да так и уснул.

Представляю, что подумал обо мне этот дядечка.

Не хватило на алфавит

Понадобился Виктору Беньковскому арамейский, пробежался он по книжным магазинам, порылся в Интернете – нет.

– А ты к Женьке Кушнеру в соседнюю котельную сходи, – посоветовал Дима Григорьев. – Он это дело преподает желающим.

Пошел Беньковский в соседний двор, постучался к Кушнеру. Так, мол, и так. Нужен язык.

– Арамейского я не знаю, – говорит Кушнер. – Но давай я тебя ивриту обучу. Это тот же самый язык, но книжный, облагороженный.

Что ты будешь делать? А, была не была, решился, осталось о цене договориться.

– Сколько обучение будет стоить?

Кушнер призадумался маленько, потом очи на Беньковского поднял.

– А давай так: буква – пол-литра. Идет?

А глаза лукавые-лукавые.

– В древнееврейском алфавите 22 буквы. Получается ровным счетом 11 литров водяры, – быстро подсчитал Виктор. – Пожалуй, потяну. Согласен.

Так день за днем учились они, пока не споткнулись на букве «тов» – у Беньковского финансы закончились. С сожалением немалым известил он Кушнера о вынужденной приостановке учебы.

– Какая фигня! – воскликнул учитель. – Ты же прекрасно сдал зачеты по предыдущему материалу. Теперь я не вправе тебя бросить. Будем учиться дальше. Вот деньги, сбегай, будь другом. А то я на посту…

Лучший текст

Вообще-то на конвентах обычно если кто-то что-либо и читает, то лишь рассказы, которые будут обсуждаться на текущих семинарах. Полученные в подарок или купленные по божеским ценам книжки складываются в чемоданы, дабы забыть о них до возвращения домой. Дело в том, что на конвентах возникает столько дел, возможностей пообщаться, поговорить, обсудить планы, послушать лекции, просто потусоваться, что спишь часа четыре в сутки, отчего читать просто некогда.

Но вот на «Бастконе 2011» я все-таки прочитала один текст, немедленно признав его гениальным! Сие литературное произведение было начертано на трусах вписавшейся к нам с Анной Семироль в номер девочки, аккурат на ее филейной части, где по определению места больше. Собственно, я не имею привычки разглядывать женские трусы, тем паче читать на них, но сия достопримечательность вдруг возникла аккурат на уровне моих глаз, когда я лежала на кровати.

В тот момент незнакомка с увлечением рылась в своем чемодане, выставив на всеобщее обозрение «пятую точку». И передо мной предстал дивный текст. Вот он:

«ГОТОВЛЮ ВКУСНО
ГОВОРЮ МАЛО
ГОЛОВА НЕ БОЛИТ».

Воистину, это произведение, достойное самой высокой литературной награды! Жаль, не знаю автора.

Как родился псевдоним

Бывшая прима алмаатинской оперы Марья Николаевна Азаргина на старости лет переехала в Коктебель, где с успехом сдавала комнаты любившим останавливаться у нее литераторам. В результате сложилось нечто вроде литературного салона, часть посетителей которого были жильцами Азаргиной, а часть – «дикими» отдыхающими.

В то время Дмитрий Вересов, тогда еще студент, приехал в Коктебель, тут же выгодно сняв так называемую «щель» – узкое пространство, куда с трудом можно было запихнуть матрас. Но этого было вполне достаточно будущему писателю. Не за удобствами ехал.

Соседнюю от Вересова «щель» занимала семейная пара – очень смешной лопоухий длинноногий поэт с нестандартными, несколько обэреутскими стихами – Эдик Савенко и его очаровательная супруга, которую все почему-то называли Козлик. Оба худенькие и влюбленные. Каждый вечер они забивались в свою «щель», вполне довольные жизнью.

Однажды Эдик устроил поэтическое чтение, весь вечер потчуя почтенную публику своими стихами.

Кто-то хвалил Савенко, кто-то пытался с ним спорить. Один лишь Генрих Сапгир, оторвавшись от стакана, тонко заметил:

– Ты, Эдичка, глупый человек, если надеешься такие стихи пускать в народ под скучной фамилией Савенко. У тебя должен быть очень яркий псевдоним: желтый, едкий, как лимон. Будешь Лимонов!

* * *

«Надо писать детские книги, – сказала как-то Юнна Мориц Елене Кацюбе. – Многие писатели вошли в литературу через детские книги».

У Елены же детские тексты как назло не получались. Желая найти этому рациональное объяснение, она однажды предположила, что поскольку не разделяет читателей на детей и взрослых, то ей сложно писать для детей. «Есть дети, с которыми интересно, а есть, с которыми неинтересно. То же и со взрослыми – с одними интересно, с другими нет».

Услышав об этом, Генрих Сапгир сказал: «Нет. Это потому, что в тебе есть детскость, поэтому ты не можешь писать для детей. А вот во мне детскости нет. Поэтому я могу писать детские

стихи».

– При этом, – вспоминает Елена Кацюба, – выражение лица у него было как у Карлсона.

* * *

1993 год, Коктебель, Волошинские чтения. Константин Кедров и Елена Кацюба уже хотели идти к морю, когда перед ними возникает Генрих Сапгир.

– Все собрались подняться на Карадаг, а я как-то неуверен. Вы тоже собираетесь совершить восхождение?

– А мы пойдем вдоль берега моря, и это будет наш горизонтальный Карадаг, – вышел из положения Константин Кедров.

Аю-Даг

Получая ключи от номеров, футболку с эмблемой «Аю-Даг», подарки и расписание мероприятий, каждый участник конвента в 2010 году получил и весьма своеобразную памятку, которая самым замечательным образом характеризует прибывший в Партенит фантастический люд. Привожу ее без дополнительных комментариев и сокращений.

ПАМЯТКА

Друзья! Фантасты и сочувствующие! Если вы желаете, чтобы фестиваль фантастики «Созвездие Аю-Даг» и впредь проходил в замечательном ЛОК «Айвазовское», НАСТОЯТЕЛЬНО просим соблюдать ряд несложных правил:

1. На территории и в парке по газонам не топтаться, по деревьям не лазать, кактусы не грызть, цветы не обрывать, со статуями не обниматься.

2. В реликтовой оливковой роще за оливковые ветви не хвататься, оливки не обрывать – они в это время года и в несолёном состоянии омерзительны на вкус.

3. В корпусе спиртные напитки распивать в номерах и специально созданных для этого площадках (барах, ресторанах), а не на регистрации, не на лестницах и не в холлах.

4. НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ не бросать окурки и прочий мусор в окна и с лоджий: во всех номерах имеются пепельницы и урны! Не курить в коридорах и холлах.

5. Не разбрасывать мусор и опорожнённую тару где ни попадя.

6. Не показывать силу молодецкую путём вышибания дверей, раскурочивания мебели и прочей порчи имущества.

7. Выяснение отношений, как на личной почве, так и на почве несходства взглядов по вопросам «что такое фантастика», «НФ против фэнтези», «ведьмы против попаданцев», с мордобитием и членовредительством производить исключительно за территорией. В противном случае все участники инцидента, без разбору на застрельщиков и потерпевших, без оглядки на чины и регалии, будут удалены с фестиваля со всей беспощадностию.

С надеждой на понимание…

Ваш Оргкомитет

Изучая сей документ, ветераны всевозможных конвентов понимающе переглядывались, покашливая и почесывая в затылках. Для них эта памятка как раз не фантастика, а суровая реальность.

Представляю, с какими лицами читали этот же текст непричастные к конвентским безобразиям обычные отдыхающие. Вот у кого, должно быть, волосы вставали дыбом.

Эмблема

– 2009 год, Партенит, санаторий «Айвазовское». Часть здания занимают отдыхающие, часть – приехавшие на конвент фантасты. И вот такая картинка, – рассказывает Олег Силин (Скай), – идет по коридору бабушка с внуком, навстречу – конвентская компания. Все, как и водится, в футболках с эмблемой Аю-Дага со звездочками.

Внук:

– Бабушка, а кто это?

Бабушка (внимательно всмотревшись в футболки):

– Наверное, астрономы.

* * *

Санаторий «Айвазовское», конвент «Созвездие Аю-Даг 2010». Вопль в ночи:

– Ларионов! Порядочные люди пол водкой не моют!

Загадка

На конвенте «Созвездие Аю-Даг 2010» под мелким дождиком к берегу бредут несколько фантастов и фэнов. Двое ведут плохо переставляющую ноги девушку.

– Сейчас искупнешься и протрезвеешь, – подбадривают ее.

Водичка градусов шестнадцать, если не меньше, холодно. Девушка мужественно заходит в воду по колено, приседает, окунает лицо.

– Бррр, протрезвела!!! – с этими словами, покачиваясь, она выходит на берег. Ей тотчас суют под нос полный стакан коньяка, чтобы согрелась. Девушка покорно выпивает половину, и тут же обмякает на руках друзей.

Организм просто не понимает, чего от него хотят.

А мы принципиальные

Отправляясь на «Звездный мост», главный редактор молодого издательства «Шико» Юрий Иванов забыл изготовить визитки. Это небольшое упущение вызывало недоумение завсегдатаев конвентов: «Как же так? Люди приезжают специально находить новые контакты, а вы?»

На следующий конвент Юрий заготовил целую пачку образцовых визиток. Но в спешке позабыл их дома.

Ладно, успокоил он себя, нападение – лучшая защита: «Вы что, на конвентах в первый раз? Не знаете, что луганское издательство принципиально обходится без визиток?!»

Я памятник себе…

После конвента «Созвездие Аю-Даг 2010» в своем ЖЖ Сергей Битютский решил реализовать идею Валентина Катаева, описанную в его гениальной книге «Алмазный мой венец», создав скульптуры своих друзей-писателей, а конкретно – участников конвента. Чтобы стояли они на территории санатория «Айвазовское» и чтобы туристы натирали на счастье их бронзовые носы. Не удержавшись, я отметила, что буду не против, если меня лично он изваяет в мраморе. Так что Сергей засел за «Фотошоп», и вскоре в Интернете появилась якобы моя полуобнаженная статуя белого мрамора. Фотографий было выставлено три: одна и та же статуя на разных фонах. На одной рядом с ней даже присутствовала развеселая компания во главе с Глебом Гусаковым, обнимающим изваяние.

Лицо статуи было выполнено в карикатурной манере. Впрочем, чего еще ожидать от этого насмешника? Поэтому вскоре я сделала ответный ход, и в моем ЖЖ появился следующий пост:

«Мое появление на конвенте «Созвездие Аю-Даг» не осталось незамеченным. Известный бард, поэт, автор рассказов и по совместительству, как оказалось, талантливый скульптор Сергей Битютский изваял меня в мраморе.

Статую решено установить на территории санатория «Айвазовское» в Партените, окончательное место пока не выбрано.

Писатель и ответственный за аю-даговские безобразия Глеб Гусаков статую лично видел и даже с ней сфотографировался».

Все три фотографии я честно предъявила народу.

На это сообщение пришло много отзывов. Но самым забавным было то, что народ принял все это за чистую монету, так что надеюсь, эта легенда будет еще жить какое-то время. А может быть, даже переживет меня и еще много лет спустя приезжающие на конвент в Партенит люди будут бродить по территории «Айвазовского» в тщетной надежде отыскать проклятый артефакт. При этом кто-то будет рассказывать, что беломраморную писательницу удалось отыскать на набережной, куда изваяние переместила вредная администрация, а другие будут уверять, что статуя, мол, имеет неистребимую склонность перемещаться самостоятельно, а исходящие от нее лучи способны выключать любую фото– и видеотехнику, поэтому-де видели ее многие, но никому кроме Битютского не удалось

сфотографировать. И в конце концов администрация «Айвазовского» или руководство конвента не выдержит и скинется на установку похожей статуи. А потом…

Впрочем, у Валентина Катаева ясно сказано, что статуи должны быть сделаны из инопланетного белого и сверкающего материала. А мы все по старинке: бронза, мрамор…

Наблюдение

Воспитанный на городских мифах ребенок, видя статую, ищет, где у нее нужно потереть или куда запихнуть монетку.

Черный меч

Через белый, точно разложенные по всему городу пустые листы бумаги, день шел человек, за спиной которого красовался самый настоящий меч. Человек был худ и высок, меч черен, точно его только что вытащили из адова пламени. Из пламени пожара Дома писателей в Питере.

Любой уважающий себя меч должен иметь имя. Этот меч ковался по заданию тогдашнего издательства «Северо-Запад» для мастера фэнтези Майкла Джона Муркока. Доподлинно известно, что благородный меч участвовал в спасении книг из огня, когда примчавшийся на пожар Гена Белов вышибал с его помощью дверь. А потом, когда сотрудники издательства и писатели спасли то немногое, что можно было еще спасти, меч пропал, будучи отобранным доблестной милицией у отправившихся заливать на этот раз горе в ближайшую пивную литераторов. По другой легенде, меч сгинул в том самом огне, в котором исчезли книги и рукописи, картины, подаренные художниками, и техника.

Меч влетел в пламя, опережая Геннадия и проваливаясь в мир принцесс и драконов. Но это было не так.

На самом деле, меч выжил в том пожаре, переходя из рук в руки и упорно ища себе достойного владельца. Меч знал, что он призван сопровождать по жизни Джона Муркока. Оттого и сам взял себе имя Муркок, нося его с неизменным достоинством.

Одна только странность не давала славному мечу покоя – раз в год, в ночь на 17 ноября, он весь покрывался черной-пречерной сажей, точно воспоминания возвращали его в ту роковую ночь.

Черная сажа соскальзывала с его лезвия тяжелыми хлопьями и падала на землю, будто бы меч снова и снова оказывался в том самом огне, когда лишь от него одного зависела жизнь или смерть героев мира фэнтези.

Из-за этой особенности меч Муркок получил прозвания «Черный» или «Горелый». Оттого узревшие странное преображения его люди стремились быстрее избавиться от странного меча. И никто так и не догадался о его тоске и воспоминаниях, не прочел ни строчки любимого автора, не назвал по имени.

Несущий меч через заснеженный Питер человек не верил в злокозненную сущность меча. А чтобы он не испачкал одежды, специально одевался во все черное. Так и шли мимо бывшего Дома писателей на Шпалерной улице черный меч Муркок и его черный человек, имя которого история не сохранила.

В романе

– К писателю Юрию Мамлееву из Парижа приехала очередная княгиня или графиня. Их теперь много в Париже, – рассказывает Константин Кедров.

Вышла жена Мамлеева.

– Юрия Витальевича нет.

– А где он?

– Он в романе.

Лирическое наступление 8

Стоять в церкви, прикидываясь, что пришел не с Богом поговорить, а выполнять некий ритуал, кланяясь и произнося вместе с хором заученные слова и фразы. Все равно, что слепому смотреть немой фильм в кинотеатре, прикидываясь, будто бы видит. Неживому делать вид, словно живет.

Смотрящий немой фильм слепой.

Знак

Поскользнувшись и чудом удержавшись на ногах, человек с мечом еле увернулся от пронесшегося мимо призрака трамвая «Аннушка». Но настоящая «Аннушка» осталась в Москве, а вокруг, по всем приметам, царил Питер. Хотя кто по нынешним временам может это с уверенностью утверждать, особенно будучи в так называемых новостройках? Но этот район был старым и явно знакомым. Ага, вон шпиль Адмиралтейства, его-то я и не приметил поначалу. Человек усмехнулся и, поправив меч, направился в сторону мини-отеля «Старая Вена», где по четвергам происходят интересные события и где можно встретиться с Болдуманом или «лунным клоуном» Анатолием Дуровым. Последний приходился Болдуману родным дедушкой, о чем не уставал напоминать внучку, то побуждая нынешнего хозяина «Вены» Иосифа Хармача посвятить один из номеров цирку, то настаивая, чтобы издательство «Лик» выпустило, наконец, книгу о цирке в Автово. К слову сказать, реальность деда и внука к моменту написания этих строк ставится под сомнение, так как покинувший нас не так давно Болдуман-легенда с завидным постоянством продолжает появляться в ЖЖ своего друга поэта Евгения Мякишева и оттого воспринимается как живой.

«Анатолий Дуров действительно бывал в ресторане «Вена», куда его привел Куприн, – продолжал звучать в ушах меченосца голос Иосифа, – бывал и даже оставил нелицеприятную надпись: «Ел здесь прекрасную свинину, но видел много свинских рыл». Вышла книга о цирке, о Дурове. Прошла презентация в «Старой Вене», на которую ждали Наталью Дурову, однако знаменитая дрессировщица не откликнулась на приглашение. Но прошло сколько-то лет – и в «Вене» начали бывать Михаил Болдуман и Евгений Мякишев. Вообще Михаил всегда говорил, что он Болдуман, и не любил вспоминать, что он еще и Дуров. Однажды после своего выступления он попросил разрешения остаться до утра в «Старой Вене». И вот совпадение – единственный свободный номер был Дуровский.

Переночевав в цирковом номере мини-гостиницы, Михаил Болдуман написал в книге о том, как внук провел ночь в номере своего деда…».

– Был, не был… – человек с мечом шел по Гороховой в сторону магазина «Жук», размышляя о том, что как раз сейчас он, наверное, восходит на свой собственный горизонтальный Кара-Даг. А почему бы и нет? Ноги вязли, но не в песке, а в снегу, которого становилось все больше и больше. Должно быть,

гастарбайтеры посбрасывали с крыш вместе с обломками двухметровых сосулек, нещадно круша при этом кровлю.

Да, имело смысл взыскать с Володихина за то, что не исполнил гениальной задумки насчет окопавшихся в рядах питерской городской администрации демонов. Впрочем, зачем осквернять меч. За такое нерадение вкупе с уничтожением старинных зданий безголовых коммунальщиков и чинуш в Средние века незатейливо посадили бы на кол.

Нужен был знак – тот самый особенный знак, мимо которого не может пройти ни один избранный. Но знака не было. Напрасно человек с мечом заходил на выставки и выступления, бродил по рынкам и площадям, то и дело наведывался к известным и забытым писателям прошлого, разгребая снег на спящих могилах. Бесполезно. Меч привычно висел за спиной, дорога никуда не приводила, а человек все шел и шел…

– Гляди, Ген, а ведь это меч Муркока? – услышал вдруг носитель меча. Он повернул голову и увидел сидящих на досках у полуподвального магазинчика двух немолодых мужиков, рядом с которыми, нахохлившись точно птицы, расположились местные алканавты с полупустыми бутылками пива и мечтательным выражением на лицах.

– До Муркока ли мне сейчас, – отмахнулся тот, к кому обратился невысокий пузатый дядя, – не видишь, народ жаждет живого слова.

После чего он продолжил импровизированную лекцию о Париже времен Франсуа Вийона.

– При чем тут Париж? – с тоской подумал никому не интересный носитель меча и, так как ему никто не предложил пива, пошел дальше.

Снежная метель закружила по дорогам, делая их нереальными. Сквозь снежную пургу возникли двое – мужчина и женщина. Женщина была в черном пончо, мужчина шел рядом, позволяя подруге держаться за его руку.

– Скользко-то как! А я к тому же на каблуках, – она засмеялась, поправляя выбившуюся из прически рыжую прядь. – А ведь я записала ту нашу прогулку сквозь дождь.

– Угу, – буркнул мужчина, поспешно скрывая предательскую улыбку. Он все еще носил с собой тот сделавший их ближе дождь.

Мимо проковыляла маленькая старушка в черном пальто, за которой с королевским достоинством следовал многочисленный кошачий выводок. В преддверии наступающего Года Кота головы зверей были увенчаны золотыми и серебряными диадемами. Над ними летела белая тигрица года уходящего.

Ирина Малярова не без удивления оглядела рослую фигуру

человека с мечом, посторонившись на всякий случай, и тут же встретилась глазами с нищенкой в алмазной короне и потертом королевском платье. Прекрасная незнакомка весело подмигнула приветствовавшему ее рыцарю и, поравнявшись со старой поэтессой, тяжело скинула с плеча мешок с золотом, утвердив его прямо в снегу.

– Все, не могу больше! Вы уж извините, люди добрые, что мы к вам обращаемся, сами мы не местные, – весело завела она, встряхивая длинными светлыми волосами со сверкающими в них снежинками. – Сами мы не местные, всю жизнь в пути, да с тяжестями, а ведь мне еще и пожить хочется. Люди добрые, пару горстей золотых монеток! Вам не в тягость, а мне все ж не так обременительно будет.

– Да как же? Да я ведь и не унесу столько… – запричитала Ирина Малярова. – Да мне ведь больше золота и не надо. Раньше никогда не было, а теперь-то зачем?

«Это не знак», – посуровел человек с мечом и хотел уже двинуться дальше, когда впереди запылал пятиметровый конус.

«Что это?» В тот же момент королевские кошки исчезли сами собой, пропали и королева с мешком золота, и призрак поэтессы, махнула полупрозрачным рукавом зима. День перед глазами человека с мечом сменился ночью, а город – пригородом.

Ночь, река и пылающий на пригорке конус. Некоторое время владелец меча смотрел на происходящее, не в силах поверить в его реальность.

Это был знак. Самый настоящий знак!

Не помня себя, человек с мечом вошел в теплые воды и поплыл навстречу неведомому. Что это было? Испытание секретной военной техники? Оружие будущего?

Инопланетяне?

Отправившись на рыбалку, поэт Александр Горнон соорудил из полиэтиленовой пленки «вигвам» четырех с половиной метров в высоту и ночью запалил в нем небольшой костерок.

На следующий день оказавшиеся недалеко от его стоянки рыбаки рассказывали истории одна интереснее другой. Кого только не узрели они в светящемся конусе. Но ни один не решился приблизиться и выяснить, что за инопланетный пришелец обосновался на удобном пригорке. А сам виновник события не спешил разочаровывать честной народ.

«Знак!» – обрадовался человек с мечом. И тут же его вновь

перенесло в заснеженный Питер. «Горящий конус или все-таки башня Татлина», – шевельнулось в голове, но он отбросил упаднические мысли. Татлинская башня должна была поворачиваться вокруг своей оси, точно диковинная планета.

Меч за спиной несшего его человека думал о своем. Дело в том, что в последнее время он разочаровался в своем имени Муркок, так как, с одной стороны, это было имя человека, которому он был предназначен, а с другой, он вдруг явственно услышал вторую часть слова «Муркок» – «кок» и, уразумев смысл, остался им недоволен. Но оставаться совсем без имени ему не хотелось, так что временно пришлось оставить «Мур».

«Не мир, но меч», – напомнил, должно быть, самому себе человек с мечом. А меч с тоской подумал, что вот-де знак уже был, тогда как он, меч, так и не нашел себе постоянного имени и теперь, возможно, придется входить в историю вообще без имени, а уже скоро… Но ничего иного, кроме странного кошачьего «Мур» или даже «Мурр», не шло на ум.

Меченосец теперь уже не шел, а бежал. Сперва по Невскому, мимо бывшего «Сайгона», потом свернул на Пушкинскую улицу к дому № 10. Там посреди двора возвышалась поставленная Бог весть когда дощатая сцена с забытым и засыпанным снегом стулом. Над сценой криво висела давно уже ставшая антикварной редкостью вывеска «Ковчег XXI века». Человек с мечом легко взбежал по ступенькам и смел снег со стула.

«Не мир, но меч, знак был», – шептал он, поспешно извлекая из ножен двуручник и устанавливая его на заледенелом сиденье.

«Пой меч, не зря же долгие годы я носил тебя на себе. Не зря отыскал это место. Ты уж прости, что сцена пуста да холодно. Что снег так и валит, это ведь он по незнанию. И к тому же раз снег – значит, будет тепло. Тепло, а мы еще и…»

– Вы что же, казнить кого надумали? Перформанс или так… балуетесь? – выглянул из подворотни в длинном черном пальто и помятой шляпе мим Коля Никитин.

– Мы? – удивился меченосец и, обернувшись, увидел, что за его спиной нервно разминает руки музыкант и композитор Мурр.

Однажды, принимая у себя иностранных гостей, друзья попросили Мурра поиграть для них. Мурр с радостью устроил часовой квартирник.

«Мы так благодарны вам за то, что вы нашли время в своем гастрольном графике! Мы понимаем, что такой профессионал, как вы, должен быть невероятно занятым, мы оценили это. Но вы – русские – особенные люди, вы можете вот так сорваться и приехать на зов друзей… Скажите, а сколько у вас вышло дисков

и можно ли их заказать через Интернет?»

Как же вытянулись лица иностранцев, когда они узнали, что никакого гастрольного графика и никаких дисков у Мурра отродясь не было.

– Меч? – только и мог выдавить из себя человек, принесший на Пушкинскую, 10, меч, – меч Муркока? Меч Мурр…

Но его перебил седовласый незнакомец, подошедший в этот момент к сцене.

– А сыграйка, Мурр, – Игорь Каим протянул гитару, – она у меня сама поет.

Мурр погладил привычными пальцами струны. И полилась музыка.

Всё не зря, все не просто так, все с умыслом, со смыслом, с чувством. Не просто так слетаются на конвенты писатели – разноперые птицы, певчие да хищные. Не просто так во все времена писались стихи и ломались судьбы. Как это у Есенина: «Чем больнее, тем звонче».

Когда поют пушки – музы молчат. А когда поет меч, превратившийся в певца, и вокруг собираются все, кто к этой самой музыке неравнодушен?.. Вот они – хоть статуи ваяй, хоть за камерой беги, хоть на мобильник успей пару кадров запечатлеть, пока кружится веселая вьюга и заразительно смеются люди прошлого, настоящего и будущего. Хотя в моем мире нет времени, а, стало быть, попробуй разобраться, кто есть кто? Кто солнечный, а кто уже и лунный? Попробуй разобраться и не сойти при этом с ума.

В бархатной красе,
Вызывающе гордо
Шел черный кот
По черной полосе.

Когда Смир читает это небольшое стихотворение, послушать его собираются кошки Ирины Маляровой, я узнаю их по королевским венцам. Вот кружится посреди заснеженного двора человек в восточном костюме, а на плечах его живым боа – красавец питон. Живой, оживший… изумительный, сказочный. Коля Никитин играет на флейте, пританцовывая, и его обычно несчастные глаза смеются, а сам он, диво-дивное, выглядит почти счастливым. Неужели все это задумывалось лишь для того, чтобы хотя бы на минуту маленький мим почувствовал себя счастливым? Как знать.

Взмывают в воздух разноцветные ракеты, выгибают спины

радуги. Поэты на своем птичьем языке общаются с Господом Богом и тот им отвечает, отчего не владеющих языком пиитов охватывает зависть. Да только что тут поделаешь? Возможно, в обычной жизни и «плох тот поэт, который не хочет стать писателем» (О'Санчес), а только у Бога на другое слух заточен. И стихи до него во все времена лучше, нежели проза, долетали, а может, слишком тяжела проза, в смысле земной продукт, выше гор с их эдельвейсами не поднимается, не то что поэзия…

Читают свои вирши поэты живые и мертвые – и звучит песня.

Глоссарий

Аверинцев Сергей Сергеевич (10 декабря 1937 г., Москва – 21 февраля 2004 г., Вена). Русский филолог, специалист по позднеантичной и раннехристианской эпохам, поэзии Серебряного века. Переводчик, лектор, член Союза писателей СССР (с 1985 г.), русского ПЕН-центра (с 1995 г.), председатель Российского библейского общества (с 1990 г.), международного Мандельштамовского общества (с 1991 г.), президент Ассоциации культурологов.

Акимов Николай Павлович (1901–1968). Советский живописец и книжный график, театральный художник, режиссер и педагог, с 1935 по 1949 и с 1956 г. до конца жизни возглавлявший Ленинградский Театр комедии, народный артист РСФСР, народный артист СССР (1960 г.).

Аккуратов Валентин Иванович (1 мая 1909 г. – 15 января 1993 г.). Советский штурман полярной авиации, заслуженный штурман СССР, писатель. В полярной авиации с 1934 г., в период с 1947 по 1971 г. занимал должность главного штурмана полярной авиации. Автор учебника по навигации, создатель нового метода самолетовождения в полярных широтах.

Аксенов Василий Павлович (20 августа 1932 г., Казань – 6 июля 2009 г., Москва). Русский писатель.

Алексеев Геннадий Иванович (18 июня 1932 г., Ленинград – 9 марта 1987 г., там же). Русский поэт, прозаик, художник, один из основоположников российского верлибра. В 1956 году окончил Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ) по специальности архитектура. С 1960 учился в аспирантуре ЛИСИ, где защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук по теме «О художественном синтезе современной советской архитектуры и монументально-декоративной живописи» (1965 г. Архив ЛИСИ – СПб-ГАСУ). Преподавал историю искусства и введение в архитектурное проектирование на архитектурном факультете ЛИСИ, будучи доцентом кафедры теории и истории архитектуры. С 1952 г. участвовал в выставках как живописец и график, с 1953 г. начал писать стихи. Несколько сборников Алексеева распространялись в самиздате в начале 1960-х гг. С 1962 г. стихи Алексеева время от времени публиковались в ленинградских периодических

изданиях. В 1969 г. Геннадий Алексеев подготовил первый сборник своих стихов, на который написал внутреннюю (по заказу издательства) рецензию Иосиф Бродский. Единственный роман Геннадия Алексеева «Зеленые берега» был издан посмертно в 1990 г.

Алексеев Сергей Викторович. Родился в 1972 г. Доктор исторических наук, литературный критик, заведующий кафедрой истории в Московском гуманитарном университете, автор ряда монографий по истории, а также нескольких десятков статей по НФ и фэнтези, член ЛФГ «Бастион», действительный член Карамзинского клуба.

Андерсон Пол (25 ноября 1926 г., Бристоль, Пенсильвания – 31 июля 2001 г., Оринда, Калифорния). Американский писатель-фантаст.

Андреев Даниил Леонидович (20 октября /2 ноября/ 1906 г., Берлин – 30 марта 1959 г., Москва). Поэт, писатель.

Андреева «Маленькая» Ирина. Актриса и режиссер. «До-театр» (СПб), театр «Дерево», «Театр Нового Фронта» (Чехия).

Андреева Наталия Михайловна. Родилась в Ленинграде. Закончила библиотечный факультет отделения детских библиотек Института культуры им. Н.К. Крупской. Заведующая филиалом Центральной городской детской библиотеки им. А.С. Пушкина.

Арно Сергей Игоревич. Родился 14 апреля 1958 г. Член совета Союза писателей Санкт-Петербурга, почетный член семинара Б.Н. Стругацкого. Член оргкомитета «АБС-премии».

Афина. Певица Афина Делиониди – настоящее имя известной петербургской певицы греческого происхождения. Родилась Афина 3 октября в Казахстане, в г. Кентау. В Ленинград вместе с семьей переехала в 1979 г. В 1986 году начала петь в ресторанах. Закончила Санкт-Петербургскую академию культуры.

Ахмадулина Белла (Изабелла) Ахатовна (10 апреля 1937 г., Москва – 29 ноября 2010 г., Переделкино). Советский и российская поэтесса, писательница, переводчица, принадлежит к числу крупнейших русских лириков второй половины XX века.

Ахматова Анна Андреевна (фамилия при рождении – Горенко; 11 (23) июня 1889 г., Одесса – 5 марта 1966 г., Домодедово). Русская писательница: поэтесса, литературовед, литературный критик, переводчик; одна из известнейших русских поэтесс XX века.

Ахматова Лиза (Ахматова Елизавета Ризмановна). Певица, заслуженная артистка Чеченской Республики, народная артистка Республики Ингушетия.

Балабуха Андрей Дмитриевич. Родился 10 апреля 1947 г. в Ленинграде. Прозаик, поэт, критик, переводчик, составитель сборников и книжных серий, а также литературный и научный редактор. Удостоен специального почетного диплома Международного конкурса на лучший фантастический рассказ (1981 г.), проводившегося журналом «Техника – молодежи» вкупе с журналами Болгарии, Польши и ГДР; приза имени И.А. Ефремова – за общий вклад в отечественную фантастику (1992 г.); а также литературной премии им. А.Р. Беляева (Беляевской премии) – за серию критических статей об англоамериканских писателях-фантастах (1993 г.).

Баладжаров Юрий Васильевич. Родился 30 декабря 1958 г. в г. Грозном Чечено-Ингушской АССР. Окончил филологический факультет Азербайджанского государственного университета. Русский поэт, автор 4 книг. Литературной деятельностью начал заниматься еще на студенческой скамье переводами с азербайджанского. Песни на его стихи поют такие звезды эстрады, как Эдита Пьеха, Иосиф Кобзон, Валерий Леонтьев, Филипп Киркоров, Афина и ряд других исполнителей. Член Межрегионального Союза писателей, лауреат многих литературных и песенных конкурсов.

Бальдыш Георгий Михайлович (1923–1987 гг.). Русский писатель, автор романа «Я убил смерть», повести «Зеленый мальчик».

Баратынский Евгений Абрамович (1800–1844 гг.). Поэт, представитель пушкинской плеяды.

Басков Николай Викторович. Родился 15 октября 1976 г. в Москве. Певец. В 2001 году закончил Российскую академию музыки имени Гнесиных по классу камерного и оперного пения (класс проф. В. Левко и В. Щербакова) и поступил в аспирантуру

Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского (по классу проф. П. Скусниченко), которую закончил в 2003 году с золотой медалью. Также в течение нескольких лет Николай занимался вокалом с заслуженной артисткой России Л. Шеховой.

Бах Иоганн Себастьян (21.3.1685 г., Эйзенах – 28.7.1750 г., Лейпциг). Немецкий композитор и органист.

Бачило Александр Геннадьевич. Родился 12 августа 1959 г. в Искитиме. Российский писатель-фантаст, сценарист телевизионных программ и фильмов, член Союза писателей России.

Башлачёв Александр Николаевич (27 мая 1960, Череповец – 17 февраля 1988, Ленинград) – русский поэт, автор и исполнитель песен. Один из ярких представителей русского рока.

Белов Геннадий Николаевич. Родился в 1965 г. в Ленинграде. Литературный редактор. Стоял у истоков первого в стране негосударственного издательства «Северо-Запад», где возглавил редакцию фантастики. Впоследствии работал в издательствах «Центрполиграф» и «Азбука». Привел в литературу целую когорту авторов, чьи произведения пользуются сегодня широкой известностью (М. С. Семенова, Е. В. Хаецкая и т. д.). Особо нужно отметить роль Г.Н. Белова в знакомстве отечественного читателя с лучшими произведениями зарубежной, в первую очередь англоязычной фантастики. Под его руководством осуществлялись перевод и подготовка к печати таких общепризнанных корифеев жанра, как Майкл Муркок, Филип Дик, Харлан Эллисон, Джордж Стюарт, Пирс Энтони и др.

Беньковский Виктор Михайлович. Родился 4 февраля 1959 г. в Ленинграде. Писатель, переводчик. Член Российского Межрегионального Союза писателей.

Берггольц Ольга Федоровна (3 /16/ мая 1910 г. – 13 ноября 1975 г.). Русская и советская поэтесса, прозаик.

Бердслей Обри Винсент (24 августа 1872 г., Брайтон, Англия – 16 марта 1898 г., Ментона, Франция). Английский рисовальщик.

Березин Федор Дмитриевич. Родился в Донецке 7 февраля 1960 г. Украинский писатель-фантаст, по образованию – офицер-

ракетчик ПВО. В 1981 году окончил Энгельсское высшее зенитное ракетное командное училище ПВО СССР. Служил офицером-ракетчиком в Казахстане, затем на Дальнем Востоке. В 1991 году уволился в запас в звании капитана, сейчас проживает в родном городе Донецке. Лауреат многих литературных премий.

Бернс Роберт (1759–1796). Шотландский поэт, фольклорист, автор многочисленных стихотворений и поэм, написанных на так называемом «равнинном шотландском» и английском языках.

Битов Андрей Георгиевич. Родился 27 мая 1937 г. в Ленинграде. Лауреат Государственных премий РФ, лауреат Пушкинской премии, президент Российского Пенклуба. Потомственный петербуржец.

Битюцкий Сергей Петрович. Родился 6 января 1963 г. в Ростове-на-Дону. Поэт, автор песен и рассказов. Один из организаторов фэн-движения эпохи фэндома начала 80-х годов.

Болдуман Михаил Михайлович (8 февраля 1967 г., Москва – 29 мая 2010 г.). Поэт, переводчик, художник. Сын артистов Натальи Дуровой и Михаила Болдумана. Окончил биологический факультет МГУ. Автор книг стихов-пародий «Парнас дыбом» (СПб., Красный матрос, 2006), «Смерти героев» (СПб.: Красный матрос, 2006).

Болоцкий Николай. Радиожурналист.

Брандис Евгений Павлович (16 апреля 1916 г. – 3 августа 1985 г.). Российский советский литературовед.

Брик Осип Максимович (Меерович) (16 января 1888 г., Москва – 22 февраля 1945 г., Москва). Российский литератор, литературовед и литературный критик. Родился в семье Меера Брика и Полины Юрьевны Сигаловой.

Брик Лиля Юрьевна (1891–1978). Российский литератор, любимая женщина и муза Владимира Маяковского, старшая сестра французской писательницы Эльзы Триоле.

Брэдбери Рей (Реймонд Дуглас). Родился 22 августа 1920 г. в Уокигане, штат Иллинойс, США. Выдающийся американский писатель-фантаст. Критики относят некоторые его произведения к магическому реализму.

Брюханенко Наталья Александровна (1905–1984). Окончила филологический факультет МГУ и, будучи редактором в Госиздате, познакомилась с Маяковским.

Булгаков Михаил Афанасьевич (3 /15/ мая 1891 г., Киев – 10 марта 1940 г., Москва). Русский советский писатель, драматург и театральный режиссер. Автор романов, повестей, рассказов, фельетонов, пьес, инсценировок, киносценариев и оперных либретто.

Бушков Александр Александрович. Родился 5 апреля 1956 г. в Минусинске. Российский писатель, работает в жанрах детектива и фэнтези, автор публицистики на историческую тематику.

Буянов Андрей. Родился в 1957 году. Художник-иконописец, член творческой группы «Пятая четверть 5/4» художников-нонконформистов, основанной в 1983 г. в составе ТЭИИ по инициативе Сергея Ковальского и Евгения Орлова. Толчком к образованию группы послужила совместная выставка групп «Алипий», «Инаки» и «Летопись», состоявшаяся в 1981 г. в ЛДМ. Группа декларирует продолжение традиций русского авангарда в XXI веке. Название группы определилось игровым подходом к традиционному хронологическому делению столетия на четыре четверти в соотношении с общей направленностью творческого поиска каждого из художников. Первая выставка состоялась 10 декабря 1983 г. – 10 января 1984 г. в Доме ученых в Лесном. На открытии состоялся концерт оркестра «Поп-механика» Сергея Курехина. В 1983–1986 гг. выставки группы проходили в составе общих выставок ТЭИИ и в дизайнерской мастерской Е. Орлова (ул. Дзержинского, 28). В настоящее время деятельность группы возобновилась. Ее члены проводят теоретические семинары, участвуют в больших городских выставках и выставках Товарищества «Свободная культура»; в 2003 показали свои работы в галерее «Кентавр» (Москва).

Валентинов Андрей (настоящее имя – Андрей Валентинович Шмалько). Родился 18 марта 1958 г. По образованию историк-античник, кандидат исторических наук, доцент. Преподает в Харьковском национальном университете. Писатель, фантаст.

Васильев («Воха») Владимир Николаевич. Родился 8 августа 1967 г. в Николаеве УССР. Русский писатель-фантаст. Лауреат ряда российских и международных литературных премий в

области фантастики.

Великосельский Геннадий (1947–2008 гг.). Близкий друг, первый биограф и популяризатор всего созданного А. Кутиловым. Г. Великосельский, в частности, имел отношение к выходу шести посмертных книг поэта, подготовил к первой публикации немало его произведений – не только стихов, но и прозы, рисунков, сам написал ряд статей, организовывал выставки и вечера.

Веллер Михаил Иосифович. Родился 20 мая 1948 г. в городе Каменце-Подольском. Один из самых известных и издаваемых в России писателей.

Вересов Дмитрий (настоящее имя – Дмитрий Александрович Прияткин). Родился в 1953 году в Ленинграде. Писатель, переводчик, филолог. Автор любовно-авантюрной эпопеи «Черный ворон», по которой был снят знаменитый одноименный сериал. Кандидат филологических наук, специалист по американской литературе XX века. В течение десяти лет преподавал на кафедре зарубежной литературы Ленинградского государственного университета.

Веров Ярослав (настоящее имя – Глеб Владимирович Гусаков). Родился в 1966 году в Донецке. Писатель-фантаст, лауреат премий «Интерпресскон», «Золотой Кадуцей», «Серебряная стрела», «Чаша басткона».

Вийон Франсуа Монкорбье. Наиболее самобытный и талантливый французский поэт позднего Средневековья. Родился между 1 апреля 1431 г. и 19 апреля 1432 г. в Париже. Год и место смерти неизвестны.

Вознесенский Андрей Андреевич (12 мая 1933 г., Москва – 1 июня 2010 г., Москва). Русский поэт, прозаик, художник, архитектор. Один из самых известных поэтов-шестидесятников.

Волков Алексей Алексеевич. Родился 10 октября 1959 г. в городе Клайпеда. Там же провел детство. Туда же вернулся накануне всеобщего развала. О своем прошлом автор говорить не любит, считая, что за писателя должны говорить его книги. Писать фантастику начал в Риге во второй половине 80-х годов. В соавторстве с Андреем Новиковым были написаны ряд рассказов и несколько повестей. Первая самостоятельная книга вышла в 2005 году. Увлечение – история, в частности военная, поэтому и

основные жанры – хроноопера, историческое фэнтези, альтернативная история.

Володин Александр Моисеевич (настоящая фамилия – Лифшиц; 1919–2001). Русский советский драматург, поэт, прозаик, сценарист. Лауреат премии Президента РФ, лауреат Государственной премии РСФСР.

Володихин Дмитрий Михайлович. Родился 1 июня 1969 г. в Москве. Писатель-фантаст, критик, специализирующийся в области фантастической литературы. Окончил исторический факультет МГУ. В 1999-м году стал одним из сооснователей объединения писателей-фантастов, историков, журналистов и литературных критиков имперско-патриотического направления – литературно-философской группы «Бастион». В ее рамках руководил литературным семинаром для начинающих писателей-фантастов «Малый Бастион». Входит в созданный при ней в 2006 году Карамзинский клуб и в Центральный совет «Народного собора».

Воропаев Геннадий Иванович (27 мая 1931 г., Москва – 30 июля 2001 г., Санкт-Петербург). Заслуженный артист России (с 1991 г.).

Гаррисон Гарри (настоящее имя – Генри Максвелл Демпси). Родился 12 марта 1925 г. в Стэмфорде, Коннектикут. Американский писатель-фантаст.

Гвердцители Тамара (Тамрико) Михайловна. Родилась в 1962 г. в Тбилиси. Советская, грузинская и российская певица, актриса, композитор, заслуженная артистка Грузинской ССР (с 1989 г.), народная артистка Грузии.

Геворкян Эдуард Вачаганович. Родился 16 ноября 1947 г. в поселке Харанор Борзенского района Читинской области. Писатель-фантаст, журналист. Выпускник Ереванского университета (факультет физики) и МГУ (филологический факультет). Работал в научно-исследовательских институтах, в МГУ, в журнале «Наука и религия», издательстве «Локид». В настоящее время – сотрудник журнала фантастики «Если». Публикуется с 1973 года. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Москве. Является руководителем литературно-философской группы «Бастион».

Геко Игорь Михайлович. Родился 22 июля 1958 г. в Ленинграде. Российский художник, поэт. Его художественные работы находятся в собраниях галереи Кристиана Гербера (г. Дуйсберг, Германия) и галереи Михайлова.

Гнедич Татьяна Григорьевна (1907–1976 гг.). Русская переводчица, поэтесса.

Гойя Франсиско Хосе де Гойя-Ви-В-Лусьентес (30 марта 1746 г., Фуэндетодос – 16 апреля 1828 г., Бордо). Испанский художник и гравер, один из наиболее ярких художников эпохи романтизма.

Головачев Василий Васильевич. Родился 21 июня 1948 года в г. Жуковке Брянской области. Писатель-фантаст. Член СП СССР с 1983 года. Автор тридцати пяти романов и трех десятков повестей и рассказов.

Головин Андрей Владимирович. Родился 7 декабря 1959 г. Поэт. Закончил Политехнический институт, факультет ФТК, служил в армии офицером, издал три книги стихов. Был три года членом Межрегионального Союза Писателей (Санкт-Петербург). Выступал в «Бродячей собаке», «Красном Октябре», в подвале исторического факультета университета. Участвовал в движении поэтов «Послушайте». Лауреат премии «Петраэдр» (2010 г.).

Горланова Нина Викторовна. Родилась 23 ноября 1947 г. в деревне Верх-Юг Пермской области. Российская писательница. Окончила в 1970 г. филологический факультет Пермского государственного университета. Работала лаборантом в Пермском фармацевтическом институте (1970–1971 гг.) и Пермском политехническом институте (1971–1972 гг.), младшим научным сотрудником в Пермском университете (1972–1977 гг.), библиотекарем в школе рабочей молодежи (1977–1989 гг.). С 1989 г. – методист в Доме пионеров и школьников Перми (ныне Дом детского творчества «Рифей»). Печатается с 1980 года. Член Союза российских писателей (1992 г.).

Горнон Александр. Родился в 1946 г. в Ленинграде. Поэт-полифонно-семантик, график, издатель.

Гранин Даниил Александрович (Герман). Родился 1 января 1919 г. Русский писатель и общественный деятель. Кавалер ордена Святого Андрея Первозванного, Герой Социалистического

Труда (1989 г.), Почетный гражданин Санкт-Петербурга (2005 г.), лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии России, а также премии Президента РФ в области литературы и искусства, Премии правительства Санкт-Петербурга в области литературы, искусства и архитектуры, премии Гейне и др. премий.

Григорьев Дмитрий Анатольевич. Родился 5 сентября 1960 г. в Ленинграде. Поэт и прозаик. С начала 1980-х гг. входил в среду ленинградской не подцензурной литературы, публиковался в самиздате, в том числе в ведущих самиздатских журналах «Часы», «Обводный канал», «Митин журнал» и др. С начала 1990-х гг. публикует стихи и прозу в московской, петербургской, зарубежной периодике (журналы «Арион», «Черновик», «Нева», «Дружба народов», «Звезда» и др.). Автор нескольких книг стихов и прозы.

Григорьев Олег Евгеньевич (6 декабря 1943 г., Вологодская обл. РСФСР – 30 апреля 1992 г., Санкт-Петербург). Поэт и художник, яркий представитель ленинградского андеграунда.

Грудинина Наталия Иосифовна (1918 г., Петроград —1999 г., Петербург). Поэтесса, переводчица поэзии и руководитель молодежных ЛИТО.

Гуревич Георгий Иосифович (11 /24/ апреля 1917 г., Москва – 18 декабря 1998 г., Москва). Русский советский писатель-фантаст, критик и исследователь фантастики, популяризатор науки. член СП СССР (1957 г.). Лауреат премии имени Ефремова (1987 г.).

Гуляковский Евгений Яковлевич. Родился 20 августа 1934 г. в Казани. Русский советский писатель-фантаст. Член Союза писателей России, лауреат премии «Аэлита» (1998 г.) за вклад в российскую фантастику и премии «Лунная Радуга» (2004 г.). На его счету несколько сценариев к фильмам.

Гумилев Николай Степанович (3 /15/ апреля 1886 г., Кронштадт – август 1921 г., под Петроградом, точное место неизвестно). Русский поэт Серебряного века, создатель школы акмеизма, переводчик, литературный критик.

Дембски Эугеньюш. Писатель, переводчик и друг Анджея Сапковского.

Державин Гавриил Романович (1743–1816). Крупнейший русский поэт XVIII в. По отцу происходит от татарского мурзы Багрима, выселившегося в XV в. из Большой Орды.

Дивов Олег Игоревич. Родился 3 октября 1968 г. в Москве, в семье потомственных художников-реставраторов Третьяковской галереи. Профессиональный литератор. Как журналист публикуется с 14 лет. Лауреат почти всех профессиональных премий.

Дозморов Олег Витальевич. Родился в 1974 году в Свердловске. Окончил филологический факультет Уральского государственного университета. Публиковался в журналах «Урал», «Звезда», «Арион», «Таллин» и др. Книга стихов «Пробел» опубликована в сборнике «Пушкинская, 12». Ведущий рубрики «Поэзия» в газетах «Уральский рабочий» и «Книжный клуб». Соредактор альманаха «Муравей». Участник Первого всероссийского совещания молодых писателей. Член Союза российских писателей (с 1996 г.). Руководитель Нового литературного объединения при УрГУ.

Дубинянская Яна (Татьяна) Юрьевна. Родилась 21 августа 1975 г. в Феодосии. Русская и украинская писательница.

Дуров Анатолий Леонидович (8 ноября 1864 г. – 7 января 1916 г.). Основатель знаменитой цирковой династии. Дебютировал в 1879 году. Выступал в качестве акробата, эквилибриста и жонглера. В 1882 г. в Воронежском цирке начал демонстрировать дрессированных животных. При помощи животных Дуров ставил басни, сцены и даже целые пьесы на злобу дня, острые и эксцентричные, подчас адресованные конкретным высокопоставленным чиновникам, которых он хотел поставить в глупое положение. Известен случай, когда в Одессе после конфликта с адмиралом по фамилии Зеленый он поставил номер с участием животных, в котором выезжал на сцену на борове, выкрашенном в зеленый цвет, и заставлял других животных, занятых в номере, кланяться борову, а сам приговаривал: «Кланяйтесь все ему, потому что он зеленый». И это действо происходило в присутствии самого адмирала.

Дяченко Марина Юрьевна. Родилась в 1968 г. в Киеве. Украинская писательница, сценарист, пишет на русском и украинском языках в жанрах современной научной фантастики, фэнтези, сказки и др., также успешно совмещая несколько жанров

в одном произведении. Соавтор и супруга Сергея Сергеевича Дяченко. В настоящее время проживает в Киеве.

Дяченко Сергей Сергеевич. Родился в 1945 г. в Киеве. Украинский писатель, сценарист, пишет на русском и украинском языках в жанрах современной научной фантастики, фэнтези, сказки. Работает в соавторстве со своей супругой Мариной Юрьевной Дяченко. В настоящее время проживает в Киеве.

Евзеров Владимир Эдуардович. Родился 19 февраля 1954 г. в Черкассах. Композитор. Его песни, число которых более 700, исполняют Валерий Леонтьев, София Ротару, Николай Басков, Александр Малинин, Рут Макартни и др.

Елисеева Ольга Игоревна. Родилась в 1967 г. Русская писательница, историк. Кандидат исторических наук, ответственный редактор издательского центра «Аванта+». Лауреат ряда премий Басткона.

Ерпылев Андрей. Родился 28 марта 1966 года в поселке Увельском Челябинской области. Увлекается историей. Коллекционирует монеты. Обожает путешествовать – объехал за последние годы треть мира, стремится и далее расширять свои горизонты. Писатель-фантаст.

Есенин Сергей Александрович (21 сентября /3 октября/ 1895 г., село Константиново Рязанской губернии – 28 декабря 1925 г., Ленинград). Русский поэт, представитель новокрестьянской поэзии и (в более позднем периоде творчества) имажинизма.

Ефремов Иван Антонович (9 /22/ апреля 1908 г., Вырица, Санкт-Петербургская губерния – 5 октября 1972 г., Москва). Русский советский писатель-фантаст, ученый-палеонтолог, философ-космист и социальный мыслитель. Лауреат Сталинской премии второй степени (1952 г.). Названная в честь писателя ежегодная литературная конференция «Ефремовские чтения» проходит ежегодно в пос. Вырица; с 2009 года – также и в Москве.

Именем Ивана Ефремова названа литературная премия за вклад в развитие и пропаганду фантастики.

В честь Ивана Ефремова названа малая планета 2269 Ефремиана, открытая 2 мая 1976 г. астрономом Н. Черных.

Житинский Александр Николаевич. Родился 19 января

1941 г. Российский писатель, драматург, сценарист, журналист, руководитель издательства «Геликон Плюс».

Жуков Александр – бард, поэт, ученый геофизик, меценат. Учредил новую Пушкинскую премию.

Жуков Геннадий Викторович (4 сентября 1955 г., Ростов-на-Дону – 2 декабря 2008 г., Танаис). Ростовский поэт-философ, один из основателей Заозерной поэтической школы.

Земских Валерий Васильевич. Родился 29 октября 1947 г. в г. Волхове Ленинградской обл. Закончил физический факультет Ленинградского государственного университета. Работал инженером-программистом, инженером-наладчиком на атомных станциях, оператором теплоцентра, верстальщиком, редактором, художественным редактором, зам. заведующего редакцией. В настоящее время технический редактор издательства «Питер». Отец – основатель и президент ВАЛИ (Всемирной ассоциации любящих «Изабеллу»), автор восьми поэтических книг.

Зыкина Людмила Георгиевна (10 июня 1929 г., Москва – 1 июля 2009 г., Москва). Советская и российская певица, исполнительница русских народных песен, русских романсов и эстрадных песен. Народная артистка СССР (1973 г.), Герой Социалистического Труда (1987 г.). Основатель и руководитель ансамбля «Россия».

Иванов Сергей Григорьевич. Родился 10 октября 1952 г. Русский писатель-фантаст. В настоящее время живет и работает в Риге. Закончил МИФИ. Обладатель 17 авторских патентов на изобретения. Постоянный участник Рижского семинара писателей-фантастов под руководством В. Михайлова.

Иванов Юрий Валентинович. Родился 12 января 1968 г. Образование высшее филологическое, 2 года срочной службы в МВО, год педстажа. С 1990 года – в издательском бизнесе, с 1999 года возглавляет издательство «Шико». Женат, трое детей.

Казаков Дмитрий Львович. Писатель. Публиковаться начал с 1999 г., писать – несколько ранее. Лауреат премии фестиваля «Звездный мост 2002» в номинации «Дебют» за роман «Я, маг!» (второе место, «Серебряный кадуцей»). Лауреат премии фестиваля «Звездный мост 2003» в номинации «Циклы, сериалы,

романы с продолжениями» за роман «Истребитель магов» (третье место, «Бронзовый кадуцей»).

Каим Игорь Борисович. Родился в 1963 г. Гитарист-виртуоз. Полистилист, владеющий оригинальной техникой исполнения, совмещающей одновременную игру медиатором и пальцами. Композитор, аранжировщик и саундпродюсер. В 1990–1994 гг. играет в дуэте с гитаристом Рашидом Фаниным (впоследствии эмигрировавшим из России); в 1994–1997 гг. входит в состав группы «Оле Лукойе». В 1993 г. создает собственную группу «Самкха». Группа то существует, то распадается. Музыканты меняются – приходят и уходят. В 1995–1998 гг. играет в составе дуэта «Steam» вместе с перкуссионистом Дмитрием Веселовым. С 2000 г. Каим выступает эпизодически – либо один, либо в джазовом дуэте с саксофонистом Евгением Ждановым, пожалуй, единственным постоянным музыкантом «Самкхи» со дня основания группы.

Катаев Валентин Петрович (16 /28/ января 1897 г., Одесса – 12 апреля 1986 г., Москва). Русский советский писатель, драматург, поэт. Награды и премии: два Георгиевских креста, орден Святой Анны IV степени, Сталинская премия второй степени (1946 г.) – за повесть «Сын полка» (1945 г.), Герой Социалистического Труда (1974 г.), три ордена Ленина.

Катанян Василий Абгарович (15 апреля 1902 г. – 15 февраля 1980 г.). Литературовед, биограф Маяковского. С 1937 г. был в браке с Л. Ю. Брик.

Кацюба Елена Александровна. Родилась в 1946 г. в городе Каменске Ростовской области. Окончила отделение журналистики Казанского университета. По инициативе Юнны Мориц и Андрея Вознесенского была принята в Союз писателей с рекомендацией Генриха Сапгира на первом общем собрании союза после распада СССР. С 1998 по 2003 г. была телевизионным обозревателем в газете «Новые известия», с 2003 по март 2005 г. вела еженедельную колонку «Книжная полка» в газете «Русский курьер». Е. Кацюба – ответственный секретарь «Журнала Поэтов» и арт-дизайнер почти всех выпусков. Лауреат фестиваля «Другие» (2006 г.) за палиндромную поэзию, лауреат Волошинского конкурса 2007 г. в номинации «Мой дом открыт навстречу всех дорог» за стихотворение «Ритмы моря», лауреат 2007 г. журнала «Дети Ра» за подборку стихов «Витражные зрячие стекла», лауреат журнала «Окно» за 2008 г. в категории «визуальная поэзия».

Каштановская Лариса. Искусствовед.

Кедров Константин Александрович (ранее – Бердичевский; род. 12 ноября 1942, Рыбинск). Советский и российский поэт, доктор философских наук, философ и литературный критик, автор термина «метаметафоры» (1984) и философской теории метакода.

Клычков Сергей Антонович (1889–1937). Родился в деревне Дубровки Тверской губернии. Поэт, переводчик и прозаик. В 1930-е годы подвергается травле как «кулацкий поэт», в 1937 году был арестован как член «Трудовой крестьянской партии»; приговорен к расстрелу и в тот же день расстрелян.

Кобзон Иосиф Давыдович. Родился в 1937 г. Советский и российский эстрадный певец, баритон. Народный артист СССР (1987 г.). Лауреат Государственной премии СССР (1984 г.). Депутат Государственной думы Федерального собрания России от партии «Единая Россия». Член правления Федерации еврейских общин России. Член президиума общероссийской общественной организации «Лига здоровья нации». Близкий друг экс-мэра Москвы Ю. М. Лужкова.

Кондратьев Михаил (1961–2008). Петербургский поэт и переводчик.

Коровин Андрей Юрьевич. Родился 3 апреля 1971 г. в Туле. Поэт, критик, литературный деятель. Окончил Юридический институт МВД РФ, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Профессиональный журналист. Автор нескольких книг стихов. Организатор Международного литературного Волошинского конкурса и Международного литературного фестиваля им. М.А. Волошина (Коктебель). Координатор Международной литературной Волошинской премии. Руководитель литературного салона «Булгаковский дом» (Москва). Автор и ведущий программ литературной гостиной клуба «Марсель» (Москва).

Кочемазов Владимир Иванович (9 декабря 1959 г. – 22 мая 2006 г). Русский писатель, поэт и переводчик. В 1977 г. поступил в Ленинградский государственный университет на физический факультет, на кафедру ядерной физики. В институте начались его первые литературные опыты. Член «Барковского клуба» с 1998 г.

Участвовал в проекте «Ленинградский Свободный университет» (1988–1989 гг. при Центральном лектории на Литейном пр.), в «Красном Октябре» (1998–1999 гг.), в ДК железнодорожников (2000–2002 гг.), в подвале исторического факультета университета и во множестве других литературно-популярных мест Петербурга. Оставил после себя несколько рассказов, замечательный перевод стихов Омара Хайяма и несколько десятков произведений, написанных в традиции хокку и танка.

Кривулин Виктор Борисович (9 июля 194 г., пос. Кадиевка Ворошиловградской области – 17 марта 2001 г., Санкт-Петербург). Российский поэт, прозаик, эссеист. Видный деятель культуры Ленинграда. Первый лауреат премии Андрея Белого за 1978 год. В 1970-е гг. один из крупнейших деятелей ленинградского литературного и культурологического самиздата (журналы «37», «Северная почта» и др.).

Крученых Алексей Елисеевич (21 февраля 1886 г., Олевск Херсонской губернии – 17 июня 1968 г., Москва). Русский поэт-футурист. Ввел в поэзию заумь, то есть абстрактный, беспредметный язык, очищенный от житейской грязи, утверждая право поэта пользоваться» разрубленными словами, полусловами и их причудливыми хитрыми сочетаниями». Иногда подписывался псевдонимом «Александр Крученых».

Кубатиев Алан Кайсанбекович. Родился 31 августа 1952 г. Писатель-фантаст, переводчик. Работает доцентом и заведующим кафедрой в двух университетах сразу – в Американском и Кыргызско-Российско-Славянском.

Кудрявцев Анатолий Юрьевич. Родился в 1958 г. в Ленинграде. В 1985 г. закончил Институт им. И. Е. Репина. Первая персональная выставка состоялась еще в 1979 г. Возглавлял галерею «Арт-коллекция», был главным редактором литературно-художественного альманаха «Зазеркалье», участвовал во многих художественных выставках в России, а также в Германии, Италии и Голландии. В 1996 году защитил кандидатскую диссертацию по проблемам пространства картин итальянского Ренессанса.

Кулаков Олег Викторович (Мурр). Родился 1 марта 1962 г. в Тбилиси. Писатель, поэт, музыкант.

Кулешов Лев Владимирович (1899–1970). Русский советский

режиссер и теоретик кино (фильмы «Проект инженера Прайта», 1918 г., «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков», 1924 г., «Луч смерти»,1925 г., «По закону», 1926 г., «Великий утешитель», 1933 г., «Мы с Урала», 1943 г. и др.

Кулик Олег Борисович. Родился 15 апреля 1961 г. в Киеве. В 1979 году окончил художественную школу в Киеве. Известен своими перформансами, в которых представал в образе «человека-собаки», и инсталляцией «Теннисистка» (2002).

Куличенко Андрей. Композитор, музыкант.

Куприн Александр Иванович (26 августа /7 сентября/ 1870 г., Наровчат, Пензенская губерния – 25 августа 1938 г., Ленинград). Выдающийся русский писатель.

Кутилов Аркадий Павлович (имя при рождении Адий, 30 мая 1940 г., деревня Рысьи, Иркутской области – июль 1985 г., Омск). Русский поэт, прозаик, художник. Один из самобытнейших русских поэтов XX века.

Кушнер Александр Семенович. Родился 14 сентября 1936 г. в Ленинграде. Русский поэт. Автор более 30 книг стихов и ряда статей о классической и современной русской поэзии, собранных в две книги.

Кушнер Евгений Александрович. Родился в 1962 г. в Ленинграде. Окончил библиотечный факультет института им. Н.К. Крупской. Работал в судостроительной библиотеке, затем в котельной, а также в еврейской воскресной школе «Ламед», где преподавал иврит. Занимался переводами с английского и французского, печатал прозу в питерском самиздате. С 1999 г. живет в Иерусалиме.

Ладыженский Олег Семенович. Родился 23 марта 1963 г. в Харькове. Писатель-фантаст. Вместе с соавтором Дмитрием Евгеньевичем Громовым пишет под коллективным псевдонимом Генри Лайон Олди. В 1980 г., окончив среднюю школу, поступил в Харьковский государственный институт культуры по специальности «режиссер театра». Закончил институт с отличием в 1984 г. Лауреат множества литературных премий.

Лажечников Иван Иванович (14 /25/ сентября 1790 г. – 26 июня /7 июля/ 1869 г.). Русский писатель, один из творцов

русского исторического романа.

Ларионов Владимир Александрович. Родился в 1956 г. в Новгородской области. В 1985 году организовал в городе Сосновый Бор клуб любителей фантастики «ФантОР», а в 1991-м совместно с Александром Сидоровичем подготовил первый «Интерпресскон», принимал участие в организации нескольких последующих «Интерпрессконов» и фестиваля фантастики «ФантОР 2008». Автор ряда газетно-журнальных публикаций, связанных с фантастикой, и нескольких десятков интервью с писателями-фантастами, член редколлегии «Реальности фантастики». Лауреат Первой премии («Золотой кадуцей») в номинации «Критика, публицистика и литературоведение». Лауреат премии «Интерпресскон». Дипломант премии им. Аркадия и Бориса Стругацких («АБС премии 2009») и лауреат Второй премии фестиваля «Звездный Мост 2009» в номинации «Критика и фантастиковедение» за книгу «Беседы с фантастами».

Лем Станислав (12 сентября 1921 г., Львов – 27 марта 2006 г., Краков). Польский писатель, сатирик, философ, фантаст и футуролог. Его книги переведены на 40 языков, в мире продано более 30 млн экземпляров.

Леонтьев Валерий Яковлевич. Родился 19 марта 1949 г. в деревне Усть-Уса Коми АССР. Наиболее крупные работы – опера «Джордано» (1988 г.), концертные программы «Поет Валерий Леонтьев» (1982 г.), «Я – просто певец» (1982 г.), «Бегу по жизни» (1983 г.), «Наедине со всеми» (1985 г.), «Звездный сюжет» (1986 г.), «Признание» (1987 г., дипломная работа по окончании режиссерского отделения Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской, которая была принята на «отлично»), «Я, кажется, еще не жил» (1990 г.), «Полнолуние» (1993 г.), «В плену у Казановы» (1995 г.), «По дороге в Голливуд» (1996 г.), «Фотограф сновидений» (1999 г.), «Безымянная планета» (2001 г.), а также альбомы «Муза», «Диалог», «Премьера», «Бархатный сезон», «Дискоклуб-16», «Я – просто певец», «Грешный путь», «Дело вкуса», «Ночь», «Полнолуние», «Последний вечер», «У ворот Господних», «Прикоснись», «Там, в сентябре», «По дороге в Голливуд», «Санта-Барбара», «Канатный плясун», «Каждый хочет любить», «Августин». В 1991 г. он сыграл главную роль в фильме Г. Глаголева «Экстрасенс». Свое давно заслуженное звание народного артиста России Валерий Леонтьев получил лишь 9 марта 1996 года.

Либабов Анвар Зоянович. Родился 2 мая 1958 г. в Нижнем Тагиле, поселок Новая Кушва. В 1977 г. окончил ветеринарное училище с отличием. В 1982 г. окончил Ленинградский зооветеринарный институт. Учился в школе-студии пантомимы. Работал в клоун-мим театре «Лицедеи». В настоящее время генеральный директор клоун-мим театра «Лицедеи».

Лимонов Эдуард Вениаминович (Савенко). Родился 22 февраля 1943 г. в Дзержинске, Горьковская область). Русский писатель, публицист, российский политический деятель, бывший председатель запрещенной в России Национал-большевистской партии (НБП), председатель одноименных партии и коалиции «Другая Россия». Депутат и член совета Национальной Ассамблеи Российской Федерации (деятельность в которой была им приостановлена до созыва очной сессии). Автор концепции, организатор и постоянный участник «Стратегии-31» – гражданских акций протеста на Триумфальной площади Москвы в защиту 31-й статьи Конституции РФ. Также автор «Стратегии-2011» по участию в выборах оппозиционных партий несмотря на Минюст и Центральную избирательную комиссию.

Линдерман Владимир Ильич (известен также под псевдонимом Абель). Родился 3 ноября 1958 г. в Риге. Латвийский и российский политический деятель, идеолог, заместитель председателя Национал-большевистской партии. Член НБП с 1997 года. В конце 1980-х годов издавал в Риге авангардистский литературный журнал «Третья модернизация», редактировал газету Народного фронта «Атмода» («Пробуждение», с 1990 года – «Балтийское время»). В 1990-е годы издавал популярные газеты, в частности, эротическую газету «Еще», тиражом в несколько миллионов экземпляров, где эротика представляла из себя лишь один элемент идеологической композиции. 24 октября 1993 года, после разгона Верховного Совета, указом Президента России газета «Еще» была закрыта вместе с газетами «Правда», «Советская Россия», «День», «Пульс Тушино».

Логвинов Андрей. Протоиерей. Родился 19 мая 1951 г. в г. Каинске Новосибирской области. Окончил истфак Новосибирского пединститута, учительствовал в сельских школах, работал директором. С 1983 года перешел служить в церковную ограду, став чтецом, певчим, псаломщиком, звонарем в Свято-Серафимовском соборе г. Вятки. Окончил Московскую духовную семинарию. Рукоположен в 1991 году в сан диакона на

Успение Пресвятой Богородицы и во священника – в праздник Феодоровской Ея иконы. Пастырское служение проходит в храме св. прав. Иоанна Кронштадтского при костромском молодежном православном центре «Ковчег». Член Союза писателей России и Союза журналистов России, лауреат премий «Имперская культура», журнала «Наш современник» и Андрея Заболоцкого.

Логинов Святослав Владимирович (Витман). Родился 9 октября 1951 г. Писатель-фантаст, лауреат множества литературных премий.

Логинов Юрий Иванович. Работал в методсовете при бюро пропаганды художественной литературы в СП СССР, в журнале «Нева», в разных литобъединениях, руководил ЛИТО «Лира» в г. Пушкине.

Лонгфелло Генри Уодсворт (27 февраля 1807 г., Портленд, Мэн – 24 марта 1882 г., Кембридж, Массачусетс). Американский поэт.

Лурье Андрей Феликсович. Родился в 1960 г. в Ленинграде. Художник, член Санкт-Петербургского отделения Союза художников России. Выпускник Академии художеств, факультет графики – 1989 г., член группы «Новые символисты». С 2005 г. художественный редактор издательства «Вита Нова».

Любимова Валентина. Художница, близкая подруга А. Ахматовой.

Майская Светлана. Профессиональный музыкант, вдова Андрея Куличенко.

Максимов Вадим Игоревич. Родился 27 августа 1957 г. в Ленинграде. Театровед, режиссер. Специалист по французскому театру XX века и творчеству Антонена Арто. Создатель и руководитель Театральной лаборатории Вадима Максимова.

Мальцева Алина. Родилась в Курской области в 1945 г. Поэтесса. В Ленинграде закончила Политехнический институт им. М.И. Калинина. Там же и работала инженером-конструктором и писала стихи. Ее перу принадлежат 11 поэтических книг.

Малярова Ирина Александровна (17 июня 1934 г. – 27 августа 2002 г.). Поэтесса, педагог. Стихи писала со школьных лет.

Первая публикация – стихотворение об Аркадии Гайдаре в газете «Ленинские искры» (авг. 1953 г.). С этого времени началась постоянная работа Маляровой в литературе и общей периодике, а также в альманахах и коллективных сборниках. В течение 15 лет Малярова была литературным консультантом в газете Ленинградского военного округа «На страже Родины», 7 лет (1963–1970) – педагогом во Дворце пионеров в клубе «Дерзание»; была редактором в Ленкниге; 14 лет руководила литературным объединением в газете «Знамя труда» в г. Сланцы, входила в бюро секции поэзии Ленинградского отделения СП СССР (членом которого состояла с 1969 г.), вела вечера поэзии и музыки в Доме писателя им. В.В. Маяковского и входила в актив поэтического клуба «Приневье», которым руководил поэт В.И. Морозов.

Мамлеев Юрий Витальевич. Родился 11 декабря 1931 г. в Москве. Русский писатель, драматург, поэт и философ. Лауреат литературной премии Андрея Белого (1991 г.). Президент «Клуба метафизического реализма ЦДЛ», член американского, французского и российского Пен-клуба, Союза писателей, Союза литераторов и Союза драматургов России. Основатель литературного течения «метафизический реализм» и философской доктрины «Вечная Россия».

Маркес Габриель Гарсиа. Родился в 1928 г. в Аракатаке, Колумбия. Прозаик и публицист, лауреат Нобелевской премии, классик мировой литературы XX столетия.

Марсо Марсель (настоящее имя – Марсель Манжель; 22 марта 1923 г., Страсбург – 22 сентября 2007 г., Париж). Французский актер-мим, создатель парижской школы мимов.

Мартынов Георгий Сергеевич (2 /15/ октября 1906 г., Гродно – 26 октября 1983 г.) Русский советский писатель-фантаст, член Союза писателей СССР. Произведения Мартынова переведены на многие языки зарубежья и СССР.

Марушкин Павел Олегович. Родился в 1971 г. Писатель-фантаст.

Маршак Самуил Яковлевич (1887–1964 гг.). Русский советский поэт, драматург, переводчик, литературный критик. Лауреат Ленинской (1963 г.) и четырех Сталинских премий (1942, 1946, 1949 и 1951 гг.).

Маяковский Владимир Владимирович (19 /07/ июля 1893 г. – 14 апреля 1930 г.). Русский поэт и драматург, один из виднейших представителей русской поэзии XX в.

Медведев Николай. Генеральный директор Арт-центра «Пушкинская,10» (Товарищество «Свободная культура»), художник.

Медведев Юрий Михайлович. Родился в 1937 г. в Красноярске. Писатель и редактор, один из основателей так называемой «школы Ефремова» в отечественной фантастике. Окончил военное училище по специальности инженер-механик, позднее – Литературный институт имени М. Горького. Работал в редакциях московских журналов и газет («Техника молодежи», «Наш современник», «Комсомольская правда»), в издательстве «Молодая гвардия», заведующим отдела прозы журнала «Москва». Член СП СССР. Его книги переведены у нас в стране и за рубежом. Составитель различных антологий русской фантастической прозы. Лауреат премии «Андромеда» за 1987 г.

Меклер Владимир Михайлович. Родился 21 сентября 1944 г. Фотограф. Работал с рядом издательств и периодических изданий. Сейчас постоянно снимает выступления литераторов в мини-отеле «Старая Вена».

Мережковский Дмитрий Сергеевич (2 /14/ августа 1865 г., Санкт-Петербург – 9 декабря 1941 г., Париж). Русский писатель, поэт, критик, переводчик, историк, религиозный философ, общественный деятель.

Мирзаев Арсен Магомедович. Родился в 1960 году в Ленинграде. Поэт, литературовед. Автор 8 книг стихов. Публиковался в различных периодических изданиях в России и за рубежом. Литературный менеджер кафе-клуба «Zoom» (СПб), член редколлегий журналов «Футурум АРТ» и «Дети Ра». Президент и отец-основатель ВАЛИ («Всемирной ассоциации любящих Изабеллу»).

Михайлов Владимир Дмитриевич (24 апреля 1929 г. – 28 сентября 2008 г.). Советский писатель-фантаст. Лауреат премий «Великое кольцо» (1983 г.), «Аэлита» (1991 г.), «Беляевской премии» (1994 г.), «Паладин фантастики» (1996 г.), «Странник» (2000 г.).

Молчанов Антон Викторович (пишет под псевдонимом Ант-Скаландис). Родился 1 сентября 1960 г. в Москве. Российский прозаик, публицист, редактор и сценарист.

Мориц Юнна Петровна. Родилась 2 июня 1937 года в Киеве. Русская советская поэтесса. Стихи Юнны Мориц переводили Лидия Пастернак, Стенли Кьюниц, Уильям Джей Смит с Верой Данем, Томас Уитни, Дэниэл Уайсборт, Элайн Файнштейн, Керолайн Форше. Ее стихи переведены на многие европейские языки, а также на японский и китайский.

Морозов Владимир Ильич. Родился в 1956 г. в Ленинграде. Поэт и прозаик. Закончил литературный институт им. Горького. Автор более 20 книг стихов и прозы, руководитель клуба «Приневье» (с 1997 г.), редактор более 100 книг современных поэтов. Составитель трех поэтических антологий.

Муркок Майкл Джон. Родился 18 декабря 1939 г. в городе Митчэме. Английский рок-музыкант и писатель-фантаст «новой волны». Лауреат нескольких литературных премий, в том числе – «Небьюлы» (за повесть «Се человек»). Роман Муркока «Буреносец» включен в список 50 лучших фантастических книг за последние 50 лет. Как рок-музыкант и поэт сотрудничал с «Hawkwind» и другими группами. В 2008 году награжден премией «Небьюла – Грандмастер».

Мякишев Евгений. Родился в 1964 году. Художник и литератор. Публиковался в журналах «Звезда», «Футурум АРТ», альманахе «Незамеченная земля», «Литературной газете» и других периодических изданиях. Автор книг стихов «Ловитва» (1992 г.), «Взбирающийся лес» (1998 г.) и «Коллекционер» (2004 г.).

Нелюбина Анастасия Федоровна. Родилась в 1960 г. в Ленинграде. Художник. Училась у Т.В. Савинской. Закончила Академию художеств СПб (Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина), факультет графики, мастерская профессора В.А. Ветрогонского. Член Союза художников России. С 1994 г. основатель и лидер группы «Новые символисты» (совместно с Лелей Гостинцевой). В 1995–1996 гг. (совместно с Лелей Гостинцевой) возглавляла галерею «77» на Пушкинской, 10. Участница более 50 групповых выставок в России и за рубежом, 25 персональных выставок в России и в Западной Европе. Ее работы находятся в частных и музейных коллекциях

России, Германии и Франции, а также Австрии, Швейцарии, Швеции, Финляндии, Канады, Австралии и Японии.

Неруда Пабло (настоящее имя – Нефтали Рикардо Рейес Басуальто; 1904–1973 гг.). Чилийский поэт и дипломат. Лауреат Нобелевской премии (1971 г.). Лауреат Международной премии Мира (1950 г.).

Нестеровский Владимир Мотелевич. Родился в 1940 году на Украине. Поэт. Работал сторожем, кочегаром. Один за другим выпускает в самиздате отдельные стихотворения и сборники стихов: «Пароксизмы», «Бестиарий», «Монологи», «Клинические сонеты» и др. Отдельные стихотворения печатались в ленинградских и эмигрантских журналах.

Низовский Савелий Борисович (1945–2001). Детский писатель и сказочник, член «Клуба-81» – сообщества литературного андеграунда, главный редактор детского журнала «Топ-шлеп».

Никитин Николай Сергеевич. Выступал с конца 1950-х годов. Он объездил как мим весь Советский Союз и был первым в этом жанре на советской сцене, державшим внимание публики целое отделение. Принимал участие в работе таких театральных коллективов, как театр «Лицедеи», студия «Театра Гунго в Санкт-Петербурге», мастерская В.В. Кузьмина ГУКИ, театр «Лесной дом», перформер-группа «Маленькая Москва» и др. Николай Никитин воспитал много учеников. Благодаря Никитину появились на свет такие известнейшие сейчас театральные коллективы, как «Лицедеи» и «Дерево».

Никитина Тамара Александровна. Поэтесса. Работала в методсовете при бюро пропаганды художественной литературы в СП СССР, в журнале «Нева», в разных литобъединениях. Ее перу принадлежат сборники «Избранная лирика» (1998 г.) и «Серебристая тетрадь для зимы» (1999 г.).

Окунь Михаил Евсеевич. Родился 18 апреля 1951 г. в Ленинграде. Русский писатель, поэт и переводчик. Печатается с 1967 г. Стихи переводились на английский язык и печатались в международном журнале поэзии «The Plum Review» (Вашингтон, Филадельфия, Лондон, Брюссель). Переводил стихи молодых американских (сб. «Манхэттен на Неве», Л., 1991) и болгарских поэтов (журнал «Нева»).

Олексенко Александр Александрович. Родился в 1964 г. Русский фэн, руководитель проекта и составитель серии поэтических книг фантастов «Альтернативный Пегас».

Олеша Юрий Карлович (1899–1960 гг.). Русский советский прозаик, поэт, драматург и сатирик.

Оргазмус Марина – псевдоним художницы Марины Любаскиной-Шютц. Произведения М. Любаскиной находятся в музее Культурного центра в Диффердanже (Люксембург), в местном музее в Шоллене (Германия), в Собрании Бундестага Германии (Берлин), в Музее искусства МИНТ (Шарлотте, Северная Каролина, США), в Музее современного искусства (Скопие, Македония), в музее «Дом фотографии» (Москва), а также в частных собраниях России, Германии, Франции, Люксембурга, Бельгии, США, Дании, Нидерландов, Норвегии, Испании, Швеции, Исландии, Швейцарии.

Орлов Алекс (настоящее имя – Вадим Дарищев). Родился в 1964 г. Писатель-фантаст.

Орехов Николай Иванович (1953 г., Вятские Поляны Кировской области – апрель 2003 г.). Русский писатель-фантаст. Окончил Казанский университет. Работал главным редактором издательства «Эридан». Жил в Минске.

О'Санчес. Родился 12 апреля 1957 г. Прозаик, поэт. Член Союза российских писателей. Автор книг «Кромешник», «Нечисти», «Я люблю время», «Суть острова», «Воспитан рыцарем», «Ремесло Государя», «Зиэль», «Дом и война маркизов Короны», «Хвак», «Одна из стрел парфянских». Лауреат литературных премий «Петраэдр» (номинация «Афоризм года»), «Странник» (номинация «Блистательная стилистика»).

Охлобыстин Иван Иванович. Родился 22 июля 1966 г. Российский актер, режиссер, сценарист, драматург, журналист и писатель. Священнослужитель Русской православной церкви, временно освобожденный от служения. В настоящее время занимает пост креативного директора компании «Евросеть».

Павицкий Борис. Владелец пивного завода в Туле. Возможно, являлся спонсором сборника стихов Сергея Клычкова.

Павлов Сергей Иванович. Родился 30 июня 1935 г. в Бердянске. Советский писатель-фантаст, классик современной научной фантастики. Член Союза писателей СССР (1970 г.), член совета омского клуба любителей фантастики «Алькор» (1990 г.). Лауреат премии «Аэлита» (1985 г.) и премии имени Ивана Ефремова в номинации «За выдающийся вклад в развитие отечественной фантастики» (2004 г.). Основатель литературной премии «Лунная радуга».

Панасенко Леонид Николаевич (25 апреля 1949 г. – 10 марта 2011 г.). Советский, украинский и русский (переводы осуществлял сам) писатель-фантаст.

Парнов Еремей Иудович (20 октября 1935 г., Харьков – 18 марта 2009 г., Москва). Русский писатель, публицист, кинодраматург, много работавший в области фантастики. Окончил Московский торфяной институт (1959 г.). Кандидат химических наук. Член Союза писателей СССР (с 1967 г.).

Пастернак Борис Леонидович (29 января /10 февраля/ 1890 г., Москва – 30 мая 1960 г., Переделкино, Московская область). Русский поэт и прозаик, один из крупнейших русских поэтов XX века, лауреат Нобелевской премии по литературе (1958 г.).

Паулс Ояр Раймонд. Родился 12 января 1936 г. в Риге. Выдающийся советский и латышский композитор, пианист, политический деятель.

Пелевин Виктор Олегович. Родился 22 ноября 1962 г. в Москве. Современный российский писатель, лауреат множества премий.

Песков Александр Валерьянович. Родился 13 февраля 1962 г. в г. Коряжме Архангельской области. Актер-пародист.

Петрова Александра Геннадьевна. Родилась 30 апреля 1964 г. в Ленинграде. Русская поэтесса. Окончила филологический факультет Тартуского университета. Занималась творчеством русского прозаика первой половины XX века Леонида Добычина. Стихи публиковались в журналах «Звезда», «Континент», «Митин журнал», «Новое литературное обозрение», «Знамя», «Зеркало», а также в зарубежных журналах и в антологиях, представляющих современную русскую литературу. Участница многочисленных

международных литературных фестивалей.

Пидоренко Игорь Викторович. Родился в 1953 г. в Ставрополе. Русский писатель-фантаст. Закончил Пятигорский институт иностранных языков, два года работал военным переводчиком в Анголе. После Африки вернулся в Ставрополь, работал редактором в Ставропольском книжном издательстве, корреспондентом в отделе информации газеты «Ставропольская правда». Публиковал свои произведения под псевдонимами Игорь Берег (книги «Небо под потолком», «Сейвер», трилогия «Приказ есть приказ», «Приказы не обсуждаются», «Без приказа»), Игорь Погодин («Степные волки»).

Пиликин Дмитрий. Занимается изобразительным искусством с 1979 года. Как художник работает в широком диапазоне от скульптурных объектов и инсталляций до фотографии и новых электронных медиа. Организатор и куратор ряда выставок и выставочных проектов. Один из учредителей галереи «Фотоimage» (1995 г.). Куратор фотографического раздела IV Петербургского биеннале современного искусства (1996 г.), куратор выставочной программы «Слишком молодые, чтобы умереть» (1999–2001 гг.), куратор проекта «Фотография как маленькая смерть» (2000 г.), арт-директор фестиваля «Осенний фотомарафон». Соавтор и редактор мультимедийных CD-rom проектов галереи: «Россия – родина слонов» (1996 г.), «От неоакадемизма к киберфеминизму» (2000 г.), «Фотоimage – современная петербургская фотография», 2001.

Пименов Степан Степанович (1784–1833 гг.). Одиннадцати лет от роду поступил в воспитанники Императорской Академии художеств. Обучаясь в ней, получил в 1801 г. две серебряные медали, малую и большую, за успехи в рисовании и лепке, а в 1802 г. – малую золотую медаль за барельеф «Юпитер и Меркурий в гостях у Филемона и Бавкиды».

Пинус Евгения Михайловна (19141983). Японист, автор перевода «Кодзики» («Записей о деяниях древности. Первый свиток»).

Пищенко Виталий Иванович. Родился 31 июля 1952 г. в Новосибирске. Российский советский писатель-фантаст. Лауреат премии «Лунная радуга» за вклад в развитие фантастики (2004 г.).

Покровский Владимир Валерьевич. Родился в 1948 г. в Одессе. Русский писатель-фантаст, журналист. Участник Всесоюзных семинаров молодых писателей, которые с 1982 г. проходили в Домах творчества Союза писателей СССР «Малеевка» или «Дубулты». Участник Московской международной встречи писателей-фантастов (1987 г.). Произведения Владимира Покровского переведены на английский, болгарский, венгерский, грузинский, китайский, корейский, монгольский, немецкий, польский, сербскохорватский, словацкий, французский, чешский и японский языки.

Полонская Вероника (Нора) Витольдовна (1908–1994). Российская актриса театра и кино.

Полунин Вячеслав Иванович. Родился 12 июня 1950 г. Народный артист России, лауреат международных театральных премий.

Преториус Михаэль (15 февраля 1571 г. – 15 февраля 1621 г.). Немецкий композитор, органист, музыкальный теоретик.

Примаков Виталий Маркович (18 декабря 1897 г., местечко Семеновка Черниговской губернии – 12 июня 1937 г., Москва). Советский военачальник, командир красного казачества в Гражданскую войну, комкор (с 1935 г.).

Прокопчик Светлана. Родилась в 1971 г. Русская писательница, автор романов «Корректировщики», «Русские ушли», рассказов «Вид на жительство», «Кушать подано», «Марш мертвых блондинок», «На войне как на войне». Жена писателя Олега Дивова.

Прокудин Николай Николаевич. Родился 7 августа 1961 г. в г. Ленинске-Кузнецком Кемеровской области. Прозаик, член СП Санкт-Петербурга и Международной ассоциации баталистов. В Вооруженных силах с 1979 г. Окончил Свердловское ВВПТАУ в 1984 г., служил в МВО, ДальВО, ТуркВО, ЛенВО, ЗГВ. Ветеран войны в Афганистане (1985–1987 гг.), участвовал в 42 боевых операциях, награжден двумя орденами «Красная звезда», медалями. Пенсионер МО РФ с 1998 г., майор запаса.

Пушкин Александр Сергеевич (26 мая /6 июня/ 1799 г., Москва – 29 января /10 февраля/ 1837 г., Санкт-Петербург). Великий русский поэт, драматург и прозаик.

Пьеха Эдита Станиславовна. Родилась 31 июля 1937 г. в Нуаэльсу-Ланс, Франция. Выдающаяся советская и российская певица, народная артистка СССР (1988 г.).

Раевский Евгений Павлович. Родился 14 сентября 1947 г. в Ленинграде. Автор 11 поэтических книг. Обладатель Гранпри всероссийского конкурса «Романсиада-2008». Трижды лауреат Всероссийского конкурса «Весна романса» (красный диплом). Председатель Российского Межрегионального Союза писателей. Действительный член (академик) Академии русской словесности и изящных искусств (АРСИИ) им. Г.Р. Державина. Президент АРСИИ им. Г.Р. Державина.

Райт Маргарита. Переводчица Воннегута, Сэлинджера и ряда др. англоязычных авторов.

Рейн Евгений Борисович. Родился 29 декабря 1935 г. Поэт. Окончил Ленинградский технологический институт холодильной промышленности, Высшие сценарные курсы; автор сценариев свыше 20 документальных фильмов (в том числе «Чукоккала»). Работал в геологических партиях на Дальнем Востоке, на ленинградских заводах. В 1960-е годы входил в круг так называемых «ахматовских сирот» (вместе с Иосифом Бродским, Дмитрием Бобышевым, Анатолием Найманом). Проживал в толстовском доме, где и происходили встречи А.А. Ахматовой с «ахматовскими сиротами». В 1987 году принят в Союз писателей. Лауреат Государственной премии России (1996 г.), Пушкинской премии России, Царскосельской художественной премии (1997 г.).

Рембо Жан Николя Артюр (1854–1891 г.). Французский поэт, один из основоположников символизма, представитель группы «проклятых поэтов».

Рыбаков Юлий Андреевич. Родился 25 февраля 1946 г. в Мариинске, Кемеровская область. Правозащитник, депутат Государственной думы РФ, председатель подкомитета по правам человека, учредитель журнала «Терра инкогнита», бывший политзаключенный.

Рыжий Борис Борисович (8 сентября 1974 г., Челябинск – 7 мая 2001 г., Екатеринбург). Русский поэт. Всего им было написано более 1300 стихотворений, из которых издано около 350. Лауреат

литературных премий «Антибукер» (номинация «Незнакомка») и «Северная Пальмира» (посмертно). Участвовал в международном фестивале поэтов в Голландии.

Саломатов Андрей Васильевич. Родился в 1953 г. Русский писатель-фантаст, детский писатель, прозаик. Лауреат многих премий.

Сапгир Генрих Вениаминович (20 ноября 1928 г. – 7 октября 1999 г.). Российский поэт и прозаик. В советские годы Сапгир много публиковался в качестве детского писателя, будучи автором сценариев классических мультфильмов «Лошарик», «Паровозик из Ромашкова». В 1979 г. участвовал в альманахе «Метрополь». Первая публикация «взрослых» стихов Сапгира за границей – в 1968-м, в СССР – в 1989 г… Немало сил Г.В. Сапгир посвятил и переводам (стихи выдающегося еврейского поэта Овсея Дриза, американского поэта Джима Кэйтса и немецкой конкретной поэзии). Составитель поэтического раздела антологии «Самиздат века» (1998 г.). Лауреат Пушкинской премии Российской Федерации, премий журналов «Знамя» (1993 г.) и «Стрелец» (1995 и 1996 гг.), премии «За особые заслуги» Тургеневского фестиваля малой прозы (1998). В годы перестройки стал членом Союза писателей Москвы. Был членом ПЕН-клуба с 1995 г.; перед самой смертью вступил в группу ДООС (в 1999 г.). Умер от сердечного приступа в троллейбусе по дороге на презентацию антологии «Поэзия безмолвия».

Сапего Михаил. Питерский поэт, бывший «митек», главный редактор издательства «Красный матрос».

Сапковский Анджей. Родился 21 июня 1948 г. в Лодзе. Известный польский писатель и публицист.

Семенова Татьяна Юрьевна. Родилась в 1953 году в Ленинграде. Поэтесса, автор поэтической книги «Автограф». Публиковалась во многих литературных сборниках и журналах. Руководитель литературной мастерской «Петровский остров», член СП Санкт-Петербурга. Зам. гл. ред. журнала «Изящная словесность».

Семироль Анна. Родилась 7 марта 1980 г. в Туле. Писательница, работающая в области фантастики.

Сергеев Борис Федорович. Родился в 1934 г. Окончил 1-й

Ленинградский медицинский институт им. академика И.П. Павлова. Доктор биологических наук. Писатель.

Сидорович Александр Викторович. Родился в Ленинграде 23 сентября 1960 г. Один из виднейших представителей российского фэндома. Еще в 1980-е годы он был председателем основного ленинградского Клуба любителей фантастики – КЛФ «МИФ-ХХ». Он «отец-основатель» и постоянный организатор фестивалей фантастики «Интерпресскон», в рамках которых вручаются премии «Бронзовая улитка» и «Интерпресскон». Лауреат премии имени Ивана Ефремова 1999 года за вклад в развитие фантастики. Дважды лауреат премии «Малый Странник», лауреат «Беляевской премии» за многолетнее подвижничество на поприще развития отечественной фантастической литературы, в 2009 году удостоен ордена «Рыцарь фантастики» имени И.Г. Халымбаджи за выдающийся вклад в развитие отечественного фэндома. В настоящее время главный редактор «Ленинградского издательства».

Силин Олег Алексеевич (Скай). Родился в 1982 году в Харькове, там же закончил Национальный технический университет. Писатель-фантаст. Участвовал в сборниках «Последняя песня Земли» и «Цветной день».

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915–1979). Советский писатель и общественный деятель. Герой Социалистического Труда (1974 г.). Лауреат Ленинской (1974 г.) и шести Сталинских премий (1942, 1943, 1946, 1947, 1949 и 1950 гг.).

Смир Александр (настоящее имя – Смирнов Александр Валентинович). Родился в 1960 г. в Ленинграде. Занимался в ЛИТО «Светлана» и в клубе юмора ДК пищевиков. Печатался в газетах. В начале 1990-х участвовал во многих коллективных сборниках. Создал две поэтические серии: «Муд зубрости» и «Петраэдр». Выпустил четыре своих сборника: «Писания» (1996 г.), «Шуризмы» (1999 г.), «Клейменая камея» (2007 г.), «Шуризмы и нехайкушки, а также глупышки из кубышки» (2009 г.). Член Российского Межрегионального Союза писателей, кавалер золотой медали им. Державина.

Смоляков Сергей Владимирович. Родился 25 мая 1955 г. в Ленинграде. Основатель и директор петербургского издательства «Гиперион».

Снегов Сергей Александрович. (1910–1994). Родился в Одессе. Писатель. В 1932 году закончил Одесский химико-физико-математический институт и переехал в Ленинград. Работал инженером на заводе «Пирометр». С 1936 по 1957 год находился в заключении и работал в различных научно-исследовательских учреждениях тюремного режима. После освобождения жил в Калининграде. С 1957 г. – профессиональный писатель. В литературе дебютировал в 1957 г. романом «В полярной ночи» (в журнале «Новый мир»). Дебют в фантастике – повесть «Тридцать два обличия профессора Крена» (1964 г.).

Соколова Ариадна Леонидовна. Родилась 24 июня 1925 г. в Ярославле. Художник. Член Союза художников СССР и Союза художников России, лауреат ярославской областной премии им. А. М. Опекушина, заслуженный художник Российской Федерации.

Соколова Евгения Гавриловна (Соколова-Жемчужная Евгения Гавриловна; 1900–1982). Жена В. Жемчужного, а с 1925 года – жена О. Брика. Работала в библиотеке, затем, уйдя от первого мужа, стала литсекретарем и гражданской женой Брика.

Ставицкий Николай. Патологоанатом.

Станкова Ирина Николаевна. Родилась в 1961 г. Журналист, генеральный директор издательства ЗАО «Мануфактура» до конца 2009 г. Фотограф. Любитель фантастики. Супруга Дмитрия Володихина.

Стопичев Владимир Иванович. Родился 25 сентября 1948 г. в Новосибирске. Заслуженный артист России, профессор. Музыкальное образование получил в специальной музыкальной школе Ленинградской консерватории и в аспирантуре в классе профессора Ю. М. Крамарова. С 1970 по 1991 г. – артист заслуженного коллектива республики симфонического оркестра Ленинградской филармонии под управлением Е. А. Мравинского и Ю. Темирканова. Лауреат Международного конкурса альтистов в Мюнхене (1971 г., 1-я премия). С 1983 г. – альтист Государственного квартета им. С. И. Танеева. В составе квартета и как солист гастролировал в России и за рубежом. Выступал в камерных ансамблях вместе с Б. Гутниковым, Б. Давидович, З. Броном, Ж.Б. Помье, Э. Вирсаладзе, А. Рудиным, Л. Исакадзе, М. Гантваргом и др. Проводил мастер-классы в России, Южной

Корее, США, Германии, Англии, Финляндии. Был членом жюри международных конкурсов в России, Белоруссии и Италии.

Стругацкие братья – Аркадий Натанович (28 августа 1925 г., Батуми – 12 октября 1991 г., Москва) и Борис Натанович (родился 15 апреля 1933 г. в Ленинграде). Советские писатели, соавторы, сценаристы, классики современной научной и социальной фантастики.

Твардовский Александр Трифонович (1910–1971). Русский и советский поэт.

Ткаченко Игорь Анатольевич. Родился в 1960 г. Русский писатель-фантаст. Живет в Тирасполе (Молдова).

Толкунова Валентина Васильевна (2 июля 1946 г. – 22 марта 2010 г.). Певица. Народная артистка России.

Толмачева-Федоренко Галина Анатольевна (1961 г., Хабаровск – 2008 г.). Закончив школу, переехала из Хабаровска в Ленинград. Работала на заводе, занималась в театральной студии, писала стихи, прозу, в основном в жанре фантастики. Ходила в ЛИТО «Молодой Петербург» к Алексею Ахматову. Ее перу принадлежат поэтические сборники «Амулет» (1996 г.) и «Светозарный куст» (1998 г.), а также прозаические произведения «Борьба с бесконечностью» (1998 г.), «Пьесы и статьи о сновидениях» (2002 г.), «Кораблик подсознанья» и романы «Рыцарь в энерголатах» (2001 г.) и «Планета Гигантов» (2001 г.) В последние годы жизни размещала свои произведения в основном в Интернете.

Татлин Владимир Евграфович (28 декабря 1885, Киев – 31 мая 1953, Москва) – русский и советский живописец, график, дизайнер и художник театра. Видный деятель таких художественных направлений, как футуризм и конструктивизм.

Триоле Эльза (урожденная Элла Юрьевна Каган; 24 сентября 1896 г., Москва —1970 г., Сент-Арну-ан-Ивелин) – французская писательница, переводчица.

Трускиновская Далия Мееровна – родилась 1951 г. Писательница, журналист, переводчик. Родилась и живет в городе Рига.

Тютчев Федор Иванович (23 ноября /5 декабря/ 1803 г., Овстуг, Брянский уезд Орловской губернии – 15 /27/ июля 1873 г., Царское Село). Русский поэт, дипломат, консервативный публицист.

Умка (настоящее имя – Анна Георгиевна Герасимова). Родилась 19 апреля 1961 г. в Москве. Российская певица, рок-музыкант, поэтесса, литературовед, литературный переводчик.

Усова Галина Сергеевна. Родилась 22 мая 1931 г. в Ленинграде. Переводчица, поэтесса. Посещала семинар молодых переводчиков английской поэзии, которым руководила Т.Г. Гнедич, семинар Бориса Стругацкого. Член Союза писателей (как член двух секций: перевода и фантастики). В настоящее время руководит семинаром молодых переводчиков. Имеет 240 публикаций.

Успенская (Сицкер) Любовь Залмановна. Родилась 24 февраля 1954 г. Российская и американская певица, исполнительница городского романса.

Уфлянд Владимир Иосифович (21 марта 1937 г., Ленинград – 14 апреля 2007 г., Санкт-Петербург). Русский поэт, прозаик, художник.

Федотов Дмитрий Станиславович. Родился в 1960 г. Русский писатель-фантаст. Жил в Томске. Участник семинара молодых фантастов Сибири и Дальнего Востока (Новосибирск, июнь 1987). Член ВТО.

Хаецкая Елена Владимировна. Родилась в 1963 г. Автор фантастических и исторических произведений. Окончила факультет журналистики ЛГУ в 1986 году. В фантастике дебютировала романом-фэнтези «Меч и Радуга» под псевдонимом «Маделайн Симмонс». Роман стал значительным событием и даже породил собственное фэн-движение. В 1996 г. Хаецкая уже под настоящим именем публикует роман «Завоеватели», а в 1997 г. – самые значительные свои произведения: цикл новелл «Мракобес», удостоенный премии «Бронзовая улитка» как лучшее фантастическое произведение года по категории «Средняя форма», и роман «Вавилонские хроники».

Хармач Иосиф. Президент сети мини-отелей «Былой Петербург». Поддерживает полуторавековую традицию

литературных посиделок в «Старой Вене» и фестиваль «Невский проспект».

Хиль Эдуард Анатольевич. Родился 4 сентября 1934 г. в Смоленске. Эстрадный певец, баритон. Народный артист РСФСР (1974 г.)

Ходулин Валерий Георгиевич. Родился 17 августа 1937 г. в Туле. Поэт. Окончил Литинститут (1965 г.). Был членом КПСС (с 1965 г.). Работал на Тульском оружейном заводе (1952–1960 гг.), старшим редактором в Приокском изд-ве (1965–1978 гг.), ответственным секретарем Тульской организации СП РСФСР (1978–1991 гг.), председателем Тульского обл. отделения ВООПИК (1991–1995 гг.). Как поэт печатается с 1957 г.

Хохлова Александра (4 октября 1897 г., Берлин – 22 августа 1985 г.). Киноактриса. Начала сниматься в 1916 г. в эпизодических ролях. Училась в Госкиношколе (ВГИК) в кино-мастерской режиссера Льва Кулешова, ставшего вскоре ее супругом.

Цветаева Марина Ивановна (26 сентября (8 октября) 1892 г., Москва – 31 августа 1941 г., Елабуга). Русский поэт, прозаик, переводчик, одна из самых самобытных поэтов Серебряного века.

Цой Виктор Робертович (21.06.1962, Ленинград – 15.08.1990, Рига) советский рок-музыкант, автор песен, художник. Основатель и лидер рок-группы «Кино», в которой пел, играл на гитаре, писал музыку и стихи. Снялся в нескольких фильмах.

Цормудян Сурен Сейранович. Писатель-фантаст.

Чадович Николай Трофимович (29 октября 1948 г. – 21 января 2011 г.). Белорусский советский писатель-фантаст. Окончил Минский техникум связи (1968 г.) и (заочно) Московский институт связи (1979 г.). Работал бригадиром в троллейбусном депо (1970–1990 гг.), начальником транспортного отдела и редактором минского издательства «Эридан» (1990–1998 гг.). Жил и работал в Минске.

Чудинова Нина Анатольевна. (17 января 1954 г., Ленинград – 26 марта 2003, Санкт-Петербург). Окончила Ленинградский библиотечный техникум в 1983 г. Работала штукатуром-маляром, педагогом-организатором. Член Союза писателей России с 1994 г.

Основные публикации – сборники стихов «Деревья на ветру» (1990 г.), «Шаги по росе» (1992 г.), «Запах скошенных трав» (1994 г.), «Светотень» (1995 г.), «Дорогами моей судьбы» (1997 г.).

Чуковский Корней Иванович (настоящая имя и фамилия Николай Васильевич Корнейчуков) [19(31). 3.1882, Петербург, – 28.10. 1969, Москва], русский советский писатель, критик, литературовед, переводчик.

Шаврина Екатерина Феоктистовна. Родилась 15 декабря 1942 г. Российская певица, заслуженная артистка РСФСР (1983 г.), народная артистка России (1995 г.), лауреат премий Ленинского комсомола и Московского комсомола, почетный гражданин 11 городов России.

Шалимов Александр Иванович (30 марта /12 апреля/ 1917, Тамбов – 4 февраля 1991, Санкт-Петербург) – советский ученый-геолог и писатель-фантаст.

Шефнер Вадим Сергеевич (30 декабря 1914 г. /12 января 1915 г./, Петроград – 5 января 2002 г., Санкт-Петербург). Русский советский поэт, прозаик, фантаст.

Шинкарев Владимир Николаевич. Родился 4 марта 1954 г. Известный художник из группы «Митьки», писатель, идеолог митьковского движения.

Шишкин Иван Иванович (1832–1898). Русский художник-пейзажист, живописец, рисовальщик и гравер-аквафортист. Академик (с 1865 г.), профессор (с 1873 г.), руководитель пейзажной мастерской (1894–1895 гг.) Академии художеств.

Штерн Борис Гедальевич (14 февраля 1947 г., Киев – 6 ноября 1998 г., там же). Русский писатель-фантаст. Жил на Украине. Член Союза писателей СССР (с 1988 г.). Лауреат премий «Бронзовая улитка» и «Странник».

Шубин Павел Николаевич (14 (27) марта 1914 г., с. Чернавск Елецкого уезда Орловской губернии – 11 апреля 1951 г., Москва). Русский советский поэт.

Щербаков Александр Александрович (28 июня 1932 г., Ростов-на-Дону – 9 октября 1994 г., Санкт-Петербург). Советский писатель-фантаст и переводчик. Член СП СССР (с 1981 г.).

Щербаков Владимир Иванович (1938–2004). Русский советский писатель-фантаст, журналист, редактор, путешественник. После 1980-х – автор неакадемических исследований о древней истории.

Щуплов Александр Николаевич (1949–2006). Окончил исторический факультет МГПИ (1972 г.). Печатался как поэт с 1972 г. В 1996–1997 гг. вел ТВ передачу «Книгочий» (19961997).

Якимчук Николай Алексеевич. Родился 16 апреля 1961 г. в Ленинграде. Поэт, драматург, издатель. Учился на факультете журналистики Ленинградского государственного университета. Работал в ленинградских газетах. Главный редактор альманаха «Петрополь» (с 1989 г.), учредитель и координатор Царскосельской художественной премии (с 1993 г.), лауреат премии «Люди нашего города» (2001 г.). Живет в Царском Селе.

Яковлева Татьяна (1907–1991). Одна из муз В. Маяковского. Покинула Россию в 1925 г., спасаясь от голода и туберкулеза. В Париж она приехала по вызову дяди, известного художника А. Е. Яковлева. После разрыва отношений с Маяковским приняла предложение виконта дю Плесси.

Якубович Леонид Аркадьевич. Родился 31 июля 1945 г. в Москве. Советский и российский телеведущий, актер, сценарист, продюсер, ведущий телеигры «Поле чудес», народный артист России (2002). Член партии «Единая Россия» с 2004 года.

Яншин Михаил Михайлович (20 октября /2 ноября/ 1902 г., Юхнов – 17 июля 1976 г., Москва). Русский советский актер, режиссер, народный артист СССР (с 1955 г.).

Яр Александр (настоящее имя – Ярушкин Александр Григорьевич). Родился в 1954 г. Прозаик, книгоиздатель. Автор детективных книг «Траектория», «Детективные хроники 1984 года», «Тактика», «Улики с чужого плеча», «Зайти к бабке Матрене», «Рикошет» и др. Роман «Цвет ночи» выходил в издательстве «Калифорнийский вестник» (США). Многочисленные публикации в журналах («Сибирские огни», «Пожарное дело» и др.) и сборниках («Дополнительное расследование» и др.). Ряд произведений написан в соавторстве с Леонидом Шуваловым и Игорем Ткаченко. Лауреат премий Новосибирской милиции (1988 г.), МВД СССР (1988 г.). В конце 1980-х годов активно

участвовал в становлении и развитии негосударственного книгоиздания СССР, в 19881989 гг. работал заместителем директора ВТО МПФ. Член Союза писателей СССР и России (с 1991 г.). Живет в г. Талса (штат Оклахома, США).

notes

Примечания

1

Картина Ипполита (Поля) Делароша называется «Христианская мученица времен Диоклетиана в Тибре». Любуясь ее репродукцией с детства, я отчего-то упорно переделывала христианскую мученицу в идущую против Христа ведьму. Ошибка была обнаружена уже после написании книги, но исправлять ее не стала. Уж больно символично получилось.

2

Стихотворение Ирины Маляровой.

3

Я слышала, что основная часть ее рукописей находится у ее друга Елены Федоровой, еще что-то, скорее всего, осело у знакомых, редакторов журналов, с которыми дружила и сотрудничала Ирина Александровна, но когда это все будет востребовано… и будет ли?.. Вопросы, вопросы…

Большое спасибо. Мясо не ем (яп.).

5

Хочешь есть?

6

Да, конечно.

7

Пожалуйста.

8

Мяса не ем.

9

Не признаешь?

10

Совсем не признаю.

11

Извините, не могу.

12

Десять тысяч иен?

13

Евгения Гавриловна Соколова, жена кинорежиссера Виталия Жемчужного.

14

Автор приносит свои извинения, так как не имеет понятия, откуда эта информация у Валерия Георгиевича, родившегося в 1937 году. Возможно, он работал с архивом или имел контакт с очевидцами тех событий.

15

Морозов Владимир Ильич. Родился в 1956 г. в Ленинграде. Поэт и прозаик. Закончил литературный институт им. Горького. Автор более 20 книг стихов и прозы, руководитель клуба «Приневье» (с 1997 г.), редактор более 100 книг современных поэтов. Составитель трех поэтических антологий.

16

ТЮТ – театр юношеского творчества при Аничковом дворце.

17

Имеется в виду Борис Федорович Сергеев.

18

Строки из стихотворения Ю. Баладжарова «Со мною так бывает иногда».

19

Падуга, кулисы, арлекин – части одежды сцены.

20

«Давид» – мраморная статуя работы Микеланджело.

21

Имеется в виду Андрей Дмитриевич Балабуха.

22

Россиянин.

23

Калимба – древнейший и самый распространенный инструмент в Африке (особенно в Центральной и Южной, на некоторых из Антильских островов). Ее называют «африканское ручное фортепиано»; это довольно виртуозный инструмент, предназначенный для исполнения мелодических рисунков, однако вполне пригодный и для игры аккордами. Большей частью применяется как аккомпанирующий инструмент. Большие калимбы придают неповторимый низкий гул живым басовым ритмам африканской музыки, маленькие издают совершенно призрачное, хрупкое звучание, похожее на музыкальную шкатулку…

Авторский лист 40 000 знаков с пробелами.

25

Торкель – другая форма имени Торгильс.

26

Маршал (д.-швед.)

Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. – М.: Наука, 1978.

28

Хроника Эрика – рифмованная хроника, один из древнейших шведских литературных памятников. Она была составлена в 1320-е годы неизвестным автором. В основу хроники положена история династии шведских конунгов – Фольгунгов – с момента её основания в середине XIII века до вступления на трон Магнуса Эрикссона в 1319 году.

29

Андрей Лурье.

30

Кодзики («Записи о деяниях древности») – крупнейший памятник древнеяпонской литературы, один из первых письменных памятников, основная священная книга синтоистского троекнижия, включающего в себя помимо «Кодзики» также «Нихонги» («Анналы Японии») и сгоревшие во время пожара в 645 г. «Кудзики» («Записи о минувших делах»).

31

Геннадий Алексеев. Из стихотворения «Звездный урожай».

32

Сунь Цзы – китайский стратег и мыслитель, предположительно живший в VI или, по другим источникам, в IV веке до н. э. Автор знаменитого трактата о военной стратегии «Искусство войны».

33

Генри Лайон Олди – общий литературный псевдоним харьковских фантастов Дмитрия Громова и Олега Ладыженского, работающих в соавторстве.

Андрей Торгашин – президент Барковского клуба.

35

На территории Адмиралтейства располагалось несколько котельных.

36

Прозвище Димы Григорьева.